
ДНЕВНИК

Петра Васильевича Вологодского

Начат 24 мая / 6 июня 1918 г. в г. Омске

Четверг 24 мая (6 июня) 1918 г. Решил вести дневник. Российская революция, по-видимому, переживает новый фазис своего бытия, быть может, более сложный и бурный, чем было до сих пор. Из Новониколаевска и Томска идут слухи, что там уже свергнута власть большевиков и из обоих этих городов большевики бежали, под Омском идут уже несколько дней бои между большевиками и фронтом со стороны Татарска,¹ неизвестно из кого состоящим. Насильственно вселенная ко мне в квартиру форменная большевичка Софья Захаровна Булатова (муж ее — офицер-корниловец) несколько дней была на боевой линии и работала по уходу за ранеными красноармейцами.² Видимо, дела у большевиков идут неважно. Булатова приехала с фронта удрученная и подавленная. Спрашивать ее о чем-либо было бы неудобно. Мы живем, очевидно, накануне больших событий. Нельзя сказать, чтобы я был спокоен духом. Боюсь каких-либо насилий со стороны местных большевиков. Подумываю о том, чтобы скрыться. Нет никаких определенных сведений о положении дел. Боюсь отлучаться из дома за информацией. Плохо быть семейному в такие моменты истории.

Пятница 25 мая (7 июня) События развертываются гораздо скорее, чем я думал. Сегодня большевики бежали уже из Омска, а вечером по городу разъезжали в грузовых автомобилях чехи и словаки, бурно приветствуемые населением. Крики «наздар»**, «ура» раздаются со всех концов города. Днем я вышел на большую улицу и увидел, как большевики бежали из гостиниц и занятых ими домов для своих учреждений, кто на извозничьих пролетках, кто просто на телегах со всем скарбом к пароходным пристаням. Очевидно, они все убегают на пароходах.³ На меня это торопливое и беспорядочное бегство произвело удручающее впечатление. Это

---

* В «Дневнике на 1918» запись за 24 мая (6 июня) ограничивается следующей фразой: «Решил записывать в этот дневник выдающиеся события этого года. 1918 г.». Двойная датировка записей, продолжающаяся до 29 ноября (12 декабря) 1918 г. включительно, принадлежит автору.

** Nazdar (чешск.) — добро пожаловать.

одно из тяжелых явлений гражданской войны. Передают, что с отчавившего с большевиками парохода раздавались крики «до свиданья, а не прощайте», «будьте уверены, что мы скоро вернемся». Говорят бежавшие захватили все ценности Госуд[арственного] банка.⁴ Особого энтузиазма в населении не видно. Оно как будто бы еще не верит, что оно освободилось от гнета большевиков. Ходит много рассказов о том, как началось восстание против большевиков в Новониколаевске и Томске. Передают, что восстание организовано комиссарами Сибирского правительства, того самого, которое было избрано в подпольном собрании Сибирской Областной Думы в Томске, в конце января этого года.⁵ В состав Сибирского правительства был избран и я, о чем я узнал впервые лишь в апреле, когда от имени этого правительства ко мне обратился один кооператор из Новониколаевска с предложением, почти требованием, вступить в состав этого правительства, которое силою обстоятельств должно было перебраться на Дальний Восток не то в Читу, не то в Харбин. На первое предложение по этому поводу я ответил категорическим отказом. Затем в конце апреля или начале мая меня уже целая группа кооператоров уговаривала вступить в это правительство, которое готово к действиям против большевиков. На этот раз мне обещано провезти меня на Дальний Восток в полной безопасности и обеспечить мою семью на случай моей гибели. На этот раз я сильно колебался, не поехать ли мне в самом деле на Дальний Восток. Но неуверенность в своих силах и в способностях быть активным деятелем в политике, в роли какого-либо министра, взяла верх и я и на этот раз отказался вступать в это правительство. В состав этого правительства, по словам гонцов ко мне, вошли некоторые знакомые лица. Они называли мне фамилии Г.Н.Потанина, П.Я.Дербера, Г.Б.Патушинского, прис[яжного] пов[еренного] М.Б.Шатилова. Интересна фигура П.Я.Дербера. Я его много лет знал, как активного эсера под партийной кличкой «Пети Маленького». Одно время он у меня укрывался от преследования жандармов и я его сам на своих лошадях отвозил на ближайшую станцию для отправки по железной дороге. Это был действительно «Петя Маленький». Он был очень маленького роста, сутуловатый, с острыми глазами, с чистой детской улыбкой, но парень умный, ловкий и хороший оратор. Шатилов – сотрудник томских газет, студенческого журнала, неважный прис[яжный] поверенный и плохой политический мыслитель, но человек глубоко честный, правдивый, но упрямый. Импонировать, как министр, ни в какой мере не может. Если и другие, вошедшие в состав Сибирского правительства, того же типа, что Шатилов, то его моральный вес нельзя считать высоким. Другие министры Сибирского правительства, кроме поименованных, мне неизвестны*. Про Патушинского говорят, что это человек со страшно взвинченными нервами, неустойчивый, но очень неглупый и сильный оратор. По политическим убеждениям примыкает к эсерам. Неужели и мне придется вступить в состав Си-

* В этом месте стоит знак сноски «звездочка», отсылающий к примечанию, вписанному автором на полях слева: «Впрочем, называли еще в составе этого правительства популярного в Красноярске врача Влад[имира] Мих[айловича] Крутовского. Человек он хотя и старый, но энергичный и с инициативой».

бирского правительства и взять вместе с другими всю тяжесть борьбы с большевизмом. Ох, не по плечу мне эта задача. Я предпочел бы остаться на посту старшего председателя Судебной палаты. Я так люблю судебное дело и вовсе не чувствую потребности в бурной политической деятельности.

Суббота 26 мая (8 июня) Выясняется, что жизнь в Омске налаживают комиссар Сибирского правительства Кузнецов и казачий полковник Павел Павлович Иванов, стоящий во главе организации по восстанию против большевиков. Я этого Иванова знал еще кадетом в Петербурге во время студенчества. Он был братом курсиски Раисы Павловны Ивановой, впоследствии по мужу Макеровой (известный сибиряк-геолог из кружка Н.М.Ядринцева). Его сестра пользовалась большой симпатией среди учащихся сибиряков за свой ум и благородный характер. Говорят и этот полковник умен и энергичен. Кузнецова совсем не знал. Эти лица призвали население к восстановлению учреждений, упраздненных большевиками. Поэтому я сегодня же пошел к Кузнецову, который принимал в городской думе, чтобы переговорить с ним о возобновлении деятельности судебных учреждений округа Омской Судебной палаты. Кузнецовым я был встречен чрезвычайно любезно, он оказал мне особое внимание. Так и было видно, что он принимает меня, как министра Сибирского правительства. Он предложил мне повидаться с полковником Ивановым. Я нашел его в «доме свободы».⁶ Он тоже отнесся ко мне чрезвычайно предупредительно, явно предпочитая беседовать со мной более подробно и длительно, когда в приемной его стояла большая толпа должностных лиц. В приемной была масса народа, был шум и беготня. Чувствовалось, что все ожило. Полк[овник] Иванов отнесся в высшей степени сочувственно к моей мысли о возобновлении деятельности судебных учреждений в округах и предложил мне немедленно собрать всех чинов судебного ведомства по вопросу о порядке возобновления деятельности судебных учреждений. Н.В. По-видимому, я во время начал свой дневник, но мало остается времени, чтобы записывать все впечатления дня.

Воскресенье 27 мая (9 июня) Я распорядился на сегодня собрать в помещении Окр[ужного] суда⁷ общее собрание чинов судебного ведомства. Собрание было многолюдное. Я обратился с горячим призывом к восстановлению деятельности судов. Чувствовалось нервное настроение собравшихся. Это выразилось, между прочим, в бурном негодовании по отношению к двум чинам судебного ведомства, уже работавшим у большевиков, к мир[овому] судье Введенскому и пом[ощнику] секретаря суда Бодину. Собравшиеся с негодованием отказались выслушать от этих лиц мотивы, по каким они стали работать у большевиков, и должны были покинуть собрание*.

Вторник 29 мая (11 июня) Началась лихорадочная работа по восстановлению деятельности судебных установлений. К вечеру я совершенно ослабеваю и решительно нет времени писать дневник. К тому же комиссары Сиб[ирского] пр[авительст]ва привлекли меня к общей работе по управлению делами [приглашая на заседания и совещания].

---

* Так у автора.

Среда 30 мая (12 июня) Выясняется, что восстание против большевиков в Томске и Новониколаевске было организовано общими силами эсеров в лице томских лидеров эсеров Павла Михайлова и Бор[иса] Маркова в декабре мин[увшего] г[ода] избранных членами Учредительного собрания от Томской губ[ернии], подпольной организацией военных, в которой видную роль играл полк[овник] Иванов и артиллерийский полковник Гришин, кажется известный под псевдонимом Алмазов, при участии, главным образом, материально, сибирских кооператоров и находившимися в лагере пленных и на свободе чехов и словак[ов]. Переворот в Омске прошел удивительно безболезненно и быстро. Комиссары Сибирского правительства, надо отдать им в том справедливость, очень энергично повели дело строительства власти. Сегодня, напр[имер], комиссаром Павлом Як[овлевичем] Михайловым было созвано в помещении военного собрания⁸ многолюдное собрание представителей государственных и общественных учреждений и особо приглашенных лиц по вопросу о положении учреждений и о мероприятиях, необходимых для правильной их деятельности. Особенно интересным явился доклад уполномоченного Западно-Сибирского Комиссариата по делам финансовым Мальцева. Он с цифрами в руках нарисовал яркую картину разграбления большевиками государств[енной] казны и рекомендовал ряд решительных мер к улучшению финансового положения в стране. [*Совещание очень затянулось.*] Председателем этого совещания П.Я.Михайловым все основные положения заслушанных на этом совещании докладов предложено изложить в кратких словах в письменной форме. Это будет несомненно ценная информация и глубоко интересный исторический документ.

Пятница 1 (14) июня Приглашен в заседание Западно-Сибирского Комиссариата на совещание по вопросу об организации управления освобожденной от большевицкого влияния части Сибири. Решено учредить должность заведывающих отдельными отраслями управления. По моей рекомендации заведывающим отделом юстиции приглашен председатель Барнаульского Окр[ужного] суда А.П.Морозов, находящийся сейчас в Омске. Он в Омске служил много лет мировым судьей, членом Окр[ужного] суда и Суд[ебной] палаты, был общественным деятелем и пользовался широкими симпатиями населения. Он, кажется, ни к какой политической партии не примыкал и был просто «прогрессист».⁹ Должность заведывающего ведомством путей сообщений была предложена начальнику жел[езной] дороги Козыреву, но он наотрез отказался и тогда на эту должность приглашен Г.М.Степаненко, по слухам, знатока железнодорожного хозяйства и симпатичного человека. Заведывающим отделом земледелия и колонизации назначен проф[ессор] Омского сельскохозяйственного института Н.И.Петров, много работавший в Переселенческом управлении,¹⁰ еще молодой человек, по своим политическим убеждениям нар[одный] социалист. Управляющим делами Западно-Сиб[ирского] Комисс[ариата] назначен Г.К.Гинс, бывший приват-доцент по гражд[анскому] праву Петерб[ургского] университета, работавший тоже по переселению, а в последнее время работавший в кооперативных учреждениях Омска. Я его знаю, как талантливого газетного сотрудника за время ре-

дактирования мною газ[еты] «Заря» и «Трудовой Сибири».¹¹ Он право-мыслящий кадет. На пост [заведывающего] отдела труда решено пригласить из Барнаула Л.И.Шумиловского, соц[иал]-демократа меньшевика, бывшего члена Государственной Думы от Томской губ[ернии].¹² На пост заведывающего делами внешней политики (мин[истр] иностр[анных] дел) приглашен М.П.Головачев, сын известного сибирского публициста П.М.Головачева. М.П.Головачев в последнее время был приват-доцентом или даже проф[ессором] международного права в Томском университете. По убеждениям сибирский автономист. Способный молодой человек, но несколько, по моим наблюдениям, самоуверенный и легкомысленный. Я знал его еще с его гимназич[еской] скамьи, так как с его отцом и дядей Д.М.Головачевым я был хорошо знаком, и часто там его видал. [Заведывающим] отделом продовольствия и снабжения был избран Н.С.Зефиров, кооператор, которого я почти совсем не знаю [по Омску, знаю, что он был противником большевиков. Степаненко-же я совсем не знал]. Отраднo, что комиссары Сибирского правительства, почти сплошь правоверные эсеры, не тянули в министры своих однопартийцев, а выбирали людей на эти посты единственно по деловым признакам. Я, например, горячо поддержал кандидатуру с[оциал]-д[емократа] Шумиловского, выдвинутую Михайловым и Марковым, эсерами, ибо мои большие приятели Д.И.Зверев и И.Н.Тызинов рекомендовали мне Шумиловского как умного, честного и стойкого человека и хорошего работника.

Воскресенье 10 (23) июня* Идет такая лихорадочная работа и по восстановлению деятельности судебных установлений во вверенном мне округе Суд[ебной] палаты и по участию в работах Комиссариата по организации власти и управления, я часто возвращаюсь из Суд[ебной] палаты или разных заседаний таким усталым и утомленным, что не в силах что-либо записать в свой дневник, хотя материал для дневника имеется богатый. Кажется, я вовсе принужден буду бросить ведение дневника, хотя об этом буду, вероятно, не раз впоследствии сожалеть, т[ак] к[ак] переживается интереснейший момент общей жизни и нового строительства этой жизни.

Вторник 12 (25) июня Получено сообщение, что в Омск приехали бывший председатель Сибирской Областной Думы И.А.Якушев, избранный министром юстиции в январском собрании Сиб[ирской] Обл[астной] Думы, иркутский прис[яжный] поверенный], потом прокурор Красноярского окр[ужного] суда Гр[игорий] Бор[исович] Патушинский и министром без портфеля М.Б.Шатилов. По сообщению комиссара Маркова Патушинский только что освобожден из красноярской тюрьмы, куда его заточили большевики, бежал из Красноярска каким-то кружным путем на Мариинск¹³ и оттуда прибывший в Омск. С А.П.Морозовым мы решили пови-даться с Патушинским и пригласить его мин[истром] юст[иции].

Среда 13 (26) июня С А.П.Морозовым мы посетили Патушинского. Он принял нас очень любезно. В особенности был любезен ко мне. При встрече он сказал мне несколько комплиментов, как известному сибирскому

* Переписывая «Дневник на 1918» в тетрадь, автор, по-видимому, перепутал дату этой записи. В «Дневнике на 1918» она датирована 3 (16) июня.

присяжному поверенному. В беседе со мной он держал себя как министр, облеченный наравне со мной избранием в таковые Сибирской Областной Думой. Был общий разговор о положении судебных дел в округе Омской Судебной палаты. А. П. Морозов, как заведывающий Отделом юстиции в Западно-Сибирском Комиссариате, сделал весьма обстоятельный доклад о восстановлении деятельности судебных учреждений в освобожденной части Сибири. Общий вывод доклада, что предстоит большой труд по восстановлению этой деятельности ввиду тех разрушений, которые произвели большевики в области бытовой и хозяйственной жизни страны. Свидание произошло в вагоне Патушинского, стоявшем на ветке Омской железной дороги на берегу Иртыша.

Суббота 16 (29) июня* Министр юстиции Г. Б. Патушинский посетил Окружной суд и Судебную палату. Вечером в тот же день произошло в вагон-салоне, стоявшем на берегу Иртыша, совещание наличных членов Сибирского правительства о конструкции власти этого правительства.¹⁴ Наличными членами Сибирского правительства в Омске, кроме меня и Патушинского, являлись Иван Адрианович Михайлов и М. Б. Шатилов. О Шатилове я говорил раньше в своем дневнике. С Михайловым я был мало знаком, но не задолго до этого совещания он был у меня вместе с Тарасом Васильевичем Бутовым, деятелем кооперации, принимавшим участие в работах Западно-Сибирского Комиссариата, и уговорил меня вступить в права министра согласно избранию на такой пост Сибирской Областной Думой. Он, Михайлов, сам был избран Сибирской Областной Думой в историческом подпольном заседании Думы министром финансов Сибирского правительства. Он убеждал меня в необходимости наличным членам Сибирского правительства взять в свои руки власть, так как малоизвестные широкой публике члены образованного к тому времени так называемого Западно-Сибирского Комиссариата в лице эсеров Павла Михайлова, Бориса Маркова, Михаила Линдберга и председателя Томской уездной земской управы Василия Сидорова были совершенно не авторитетны как среди населения Сибири, так и в особенности в глазах иностранцев. Михайлов кроме того указал, что собственно никто не видел полномочий этих комиссаров от остального состава Сибирского правительства, и пределы этих полномочий остаются совершенно неизвестными для населения Сибири и для иностранцев будет более импонировать, если власть возьмет в руки правительство, как никак выбранное населением хотя и через далеко несовершенный аппарат народного представительства — Сибирскую Областную Думу и при далеко ненормальных условиях (в подпольном собрании Думы, наполовину, разогнанной большевиками). Я не особен-

---

* В «Дневнике на 1918» запись за 16 (29) июня выглядит следующим образом: «Посещение Министром Юстиции Патушинским здания Окружного суда и Судебной палаты. Разговор в вагон-салоне на Омской ветке в конструкции Сибирской власти. Избрание меня фактически председателем Совета Министров и окончательное выяснение, что я избран Министром Внешних сношений еще на Чрезвычайном Сибирском Съезде в декабре 1917 года в Томске или 27—28 января 1918 года в подполье. Переговоры по прямому проводу с В. М. Крутовским о вступлении его в министерство. Обсуждение вопроса об учреждении министерства и разговоры о кандидатах на должности при министре».

но долго и энергично возражал против предложения Михайлова. Я говорил, хотя и совершенно искренне, что я не чувствую в себе сил для того поста, как министра, да еще в такой критический момент истории страны. В особенности я ссылался на то, что я совершенно малосведущ в иностранной политике, между тем я избран министром «для внешних сношений». Михайлов мне указал, что Областной Думой предоставлено избранным ею министрам перетасовать свои портфели, поэтому, если я буду чувствовать себя особенно тяжело в роли министра иностранных дел, то я могу перемениться с кем-нибудь из коллег портфелями или остаться министром без портфеля, но мое участие в составе Сибирского правительства очень важно, потому что мое имя пользуется достаточно широкой популярностью в Сибири. Михайлов, совершенно молодой человек (мне кажется, ему нет более 24–25 лет) показался мне человеком острого ума, чрезвычайно живым и симпатичным. На этом совещании наличных членов Сибирского правительства принял горячее участие председатель Сибирской Областной Думы Якушев и управляющий делами Западно-Сибирского Комиссариата Г.К.Гинс. После продолжительного обмена мнениями, не скажу, чтобы было много споров, было решено нами объявить себя Сибирским правительством и пригласить в состав этого правительства Б.М.Крутовского, находившегося в Красноярске, к тому времени также освободившегося от большевиков. Патушинский взялся уговорить по прямому проводу Крутовского вступить в состав Сиб[ирского] правительства для руководства мин[истерством] вн[утренних] дел. Тут же я был избран председателем Совета Министров Сиб[ирского] правительства. Вели разговоры об учреждении делового аппарата при Сиб[ирском] правительстве и избрании министров, намечены без споров кандидаты в министры. Якушев, как председатель Обл[астной] Думы, охотно пошел на передачу всей полноты власти образовавшейся группе Сиб[ирского] прав[ительств]а от Западно-Сибирского Комиссариата. Все шло безболезненно и гладко. Это очень нас взбодрило.

Воскресенье 17 (30) июня Г.К.Гинс взялся оформить переход власти объявлением официальных актов населению Сибири. И, по моему мнению, исполнил свою миссию блестяще. Он составил проекты нескольких грамот. Проекты эти были тщательно обсуждены, исправлены и сегодня-же вылились в окончательной форме. Первая «Грамота» гласила о вступлении наличного состава Сиб[ирского] правительства во всю полноту власти на всей территории Сибири. Грамота подписана председателем Сиб[ирской] Обл[астной] Думы И.А.Якушевым.¹⁵ К 1 ч[асу] 30 мин[утам] дня подписана вторая грамота — обращение к народам Сибири с указанием, что это будет за власть.¹⁶ Третья грамота — благодарность членам Западно-Сибирского Комиссариата за труды их по организации власти в Сибири. Кроме того обсуждался проект грамоты полковнику Гришину-Алмазову за его энергичные действия по свержению большевиков и проект грамоты на имя чехо-словаков за их борьбу с большевиками.¹⁷ Чуть ли не с 6 ч[асов] веч[ера] до 2 ч[асов] ночи в том же вагон-салоне обсуждали вопрос об отношениях к союзным державам и об ориентировке во внешних сношениях. В тот-же вечер происходило совместное засе-

дание членов Сиб[ирского] прав[ительст]ва с членами Западно-Сибирского Комиссариата. Со стороны членов Комиссариата с первых слов этих переговоров проскальзывало как бы нежелание передавать всю полноту власти в Сибири правительству всего из пяти лиц вместо чуть-ли не полоторых десятков лиц, избранных в состав этого прав[ительст]ва. Патушинский проявил было уже нервность по этому вопросу, и я боялся, как бы этот вопрос не получил острого характера. Но, спасибо, выручил Гинс. Он привел весьма резонные доводы за необходимость для членов Комиссариата передать власть Сибирскому правительству, хотя пока и в составе пяти лиц. Гинса поддержал Якушев. И члены Комиссариата пошли на соглашение о передаче власти к общему удовольствию.¹⁸

Н.В. Пишу это утром 17 июня* и чувствую себя после вчерашнего нервного дня крайне усталым. Может быть моя запись не вполне точна. Грамоту к народам Сибири спроектировал, кажется, Патушинский.

Понедельник 18 июня (1 июля) Лежу в постели и потому пишу карандашом.** Сегодня к полудню со мной случился острый катар кишок на почве, по объяснению врача, крайнего переутомления. Я едва от дома губернатора, где сегодня уже объявил себя и держал Председателем Совета Министров, дошел до своей квартиры, отдыхая на попадавших по дороге крылечках, и слег в постель совершенно ослабевшим и, по словам семьи, слабо бредившим. Плохо мое дело, если такие явления будут повторяться со мной. Не надолго меня так хватит. В доме губернатора¹⁹ я принимал сегодня в качестве Предс[едателя] Сов[ета] М[инистров] несколько общественных деятелей и должностных лиц. Первыми меня посетили гг. Жардецкий, Каргалов и Двинаренко, по-видимому, представители местной организации партии К[онституционных] Д[емократов]. Они явились для меня со странным предложением, — чтобы Сиб[ирское] правительство не вступало во власть, т[ак] к[ак] население уже привыкло к управлению Западно-Сибирского Комиссариата, оно направлением политики и хозяйственными мероприятиями Комиссариата было вполне довольно. У меня эти лица никогда не пользовались доверием. Жардецкий — крайний неврастеник, Каргалов не пользовался у меня моральным весом, как присяжный поверенный, и Двинаренко, признаюсь, м[ожет] б[ыть], без достаточных оснований, ибо в сущности я его мало знаю, я считал тем, что называется «мужиченком себе на уме» и кулачком. В этом их пожелании я усмотрел намерение иметь лучше слабую власть, чтобы влиять на нее самим, чем видеть во главе власти более автор[итетных] людей. Но я мягко им возражал, хотя категорически заявил, что их пожелание неисполнимо.

Вторник 19 июня (2 июля) Все еще чувствую себя крайне слабым, лежу в постели. Забыл вчера отметить в дневнике,*** что гг. Жардецкий, Карга-

---

* Эту запись следует датировать 18 июня (1 июля). См.: «Дневник на 1918».

** Записи с 18 июня (1 июля) по 21 июня (4 июля) включительно сделаны карандашом, исправления и дополнения вписаны автором черными чернилами.

*** Согласно «Дневнику на 1918», краткая запись об упоминаемых событиях была сделана еще 18 июня (1 июля). Это позволяет думать, что фраза: «забыл вчера отметить» была добавлена автором при переписывании текста «Дневника на 1918» в тетрадь.

лов и Двинаренко чуть ли не требование ко мне предъявили, чтобы Сибирское правительство и близко к себе не допускало бывшего члена Врем[енного] пр[авительст]ва Н.В.Некрасова. В этом отношении я сказал, что и сам отношусь отрицательно к деятельности Некрасова во Врем[енном] прав[ительст]ве, и что, вероятно, и другие члены Сиб[ирского] пр[авительст]ва не более благоприятно относятся к Некрасову. Следовательно им в этом отношении беспокоиться нечего. [*Разговор о Брест-Литовском договоре.*] Вчера посетили меня также командир Сибирского Корпуса П.П.Иванов, о котором я записал раньше в дневнике, управляющий ведомством путей сообщения Степаненко, представители Анжерских копей.²⁰ Кроме того я выслушал, но довольно рассеянно, т[ак] к[ак] я уже чувствовал тяжелую боль в животе, доклад полковника, кажется, М.П.Рудакова об организации добровольческой армии в Сибири. Сегодня меня посетили как большого И.А.Якушев, Г.Б.Патушинский, М.П.Головачев, Г.К.Гинс и др. Головачев сделал мне доклад о беседе его с представителями дружеских держав. Общий вывод — представители эти относятся благосклонно к вступлению во власть 5 членов Си[бирского] пр[авительст]ва. Гинс сообщил, что среди членов правительства возникла мысль издать грамоту на имя Г.Н.Потанина, к чему я, конечно, отнесся с крайним сочувствием.²¹ Вчера и сегодня меня посетил мой томский приятель М.Г.Гинзберг. От слабости я плохо помню его посещение меня вчерашнего дня, но сегодня он смеялся, что он вчера удостоился отвести меня с кровати в уборную. А у меня этот момент совсем было исчез из памяти. До чего я был вчера слаб.

Среда 20 июня (3 июля) Продолжаю лежать в постели. Утром с докладом был Г.К.Гинс, сообщил, что получена телеграмма от Виноградского, что он через Каргалова и судью Дульцевича назначен от имени Сибирского правительства каким-то комиссаром. Все недоумевают. Я склонен думать, что это эксцесс ненормальности Виноградского.²² Получены неблагоприятные сведения о положении фронта в Семипалатинске и побоище близ села Семилуженского близ Томска.²³ Побоище вызвано большевиками. Подробности неизвестны. П.Я.Михайлов из Томска потребовал телеграммой ареста Шведской миссии в Томске.²⁴ Так начались тернии власти. Михайлову послана ответная телеграмма с отклонением его ходатайства. Головачеву поручено выяснить, чем вызвана эта телеграмма. Был Г.М.Котляров с приветствием [*Совета присяжных поверенных*] новому правительству. Долго говорил с ним (я его очень уважаю и люблю) о строительстве власти вообще и о судебной в особенности. Говорили о кандидатах на высшие судебные должности, о приемлемости для адвокатуры Наумана в качестве ст[аршего] предс[едателя] Суд[ебной] палаты. Говорили о прокур[оре] Судебной палаты Коршунове, Колосове и т[ак] д[алее].

Четверг 21 июня (4 июля) Вчера приехал в Омск Вл[адимир] Мих[айлович] Крутовский. Он избран заместителем председателя Совета Министров. С Гинсом вел разговор о размещении министров. Намечено под министерство здание Коммерческого училища.²⁵ Решено переговорить с директором Царевским и попечительским комитетом. Сегодня же отпра-

лена через Чугу-чак и Кобдо²⁶ составленная Г.Б.Патушинским телеграмма в Харбин на имя Сибирского правительства об обстоятельствах, заставивших нас объявить себя правительством. Сегодня занялся составлением проекта правительственного письма на имя 4-го каз[ачьего] круга,²⁷ на котором я, очевидно, не в состоянии быть по своей болезни. Просил Гинса передать это письмо.

Пятница 22 июня (5 июля) Сегодня в первый раз встал с постели и сел за письменный стол. Желудок вполне поправился, но чувствую еще большую слабость. [*Поэтому не ходил много, но сидеть было нельзя, чаще ложился. Привел в порядок свой письменный стол, подобрал сибирские газеты.*] Больше лежу, чем хожу или сижу. Подписал ноту на имя дружественных держав.²⁸ Нота носит характер осведомления о создавшемся положении в Сибири. Сегодня-же окончательно спроектирована грамота на имя Г.Н.Потанина. Сообщаю, что на съезде сибирских казаков представители Сибирского правительства были встречены очень тепло. Особенно горячо было принято выступление Гришина-Алмазова. Тоже и на крестьянском съезде. Знаменательно постановление об исключении понятия «Совет крестьянских депутатов» из обихода жизни.²⁹ Предстоит соединенное собрание казачьего круга, крестьянского съезда и епархиального съезда. На нем мне придется выступить с объяснительной речью. Сейчас занят обдумыванием ее плана.

[Воскресенье 24 июня (7 июля). Занят составлением доклада-речи на казачьем кругу.]

Вторник 26 июня (9 июля) На соединенном собрании казачьего круга, съезда крестьянских депутатов и епархиального съезда я выступил с речью. Принят был приветственными и продолжительными аплодисментами. Такими же горячими аплодисментами сопровождался мой уход с кафедры. Было масса народу. На этом же съезде была прочитана грамота, изданная на имя Г.Н.Потанина, который в этот день приехал в Омск. Темой своей речи я взял историю развития в Сибири идеи автономии. Подробно рассказал историю о процессах сепаратистов, пользуясь воспоминаниями Потанина, Ядринцева и др[угих]. Мне показалось, что аудитория с напряженным вниманием следила за ходом моей речи, несмотря на некоторые в ней длинноты. Изложение задач Сиб[ирского] правительства и намеченной мною программы его деятельности как будто бы слушалось с меньшим вниманием. Думаю, что виной тут было утомление, как оратора, так и аудитории.³⁰ [*Оглашение на этом же съезде грамоты Г.Н.Потанину, приехавшему в этот день в Омск.*]

Четверг 28 июня (11 июля) Записываю события сегодняшнего дня крайне усталый. Был тяжелый день. Боюсь, как бы опять со мной чего не произошло на почве переутомления. Сегодня мы провожали на пароход Г.Н.Потанина.³¹ Долго обсуждали правила об объявлении на военном положении некоторых местностей. Я принял делегацию от объединенной группы правых эсеров, трудовой нар[одно]-соц[иалистической] партии, соц[иал]-демокр[атов]-меньшевики и др[угих]. Группа эта убеждала меня не считаться с Сиб[ирской] Обл[астной] Думой и вести дело управления страной без всякого участия и давления со стороны Обл[аст-

ной] Думы. В этом сказалось доверие политических партий к деятельности Сибирского правительства и я с большим удовлетворением выслушал эту часть обращения ко мне делегации. Не только сожаления, но и какого-либо упоминания о Западно-Сибирском Ком[иссариа]те представителями делегации сделано не было. Что касается вопроса об отношении Сиб[ирского] пр[авительст]ва к Сиб[ирской] Обл[астной] Думе, то фактически мы и так мало считались с настроением Сиб[ирской] Обл[астной] Думы, крайне несовершенно представляющей голос населения страны. Но с идеей полного игнорирования Сиб[ирской] Обл[астной] Думы я думаю согласиться нельзя. Она все-таки является выражением народоправства и игнорировать ее нельзя, несмотря на всю ее односторонность. Об этом придется серьезно подумать. Вечером обсуждали также серьезный вопрос о мобилизации среди сибирского населения для пополнения армии.

Пятница 29 июня (12 июля) В вечернем заседании серьезно дебатировался вопрос об отношении Сибирского правительства к Урянхайск[ому] краю.³² Я был до сего времени мало знаком с вопросом о положении Урянхайского края и принимал слабое участие в обсуждении его, но с большим интересом выслушал информации о нем.

Вторник 10 (23) июля Долго ничего не записывал в свой дневник не потому, что не было интересного материала. Напротив, в жизни нашего правительства за это время прошло много очень интересных событий и сложных вопросов. Но я так устаю от дневной и вечерней работы, что прямо не хватает сил, чтобы поздно вечером после каких-либо сложных вопросов заняться записью в дневник того, что случилось за день. Очевидно, я еще на посту комиссара по управлению Томской губ[ернии] сильно «надсаждался», и теперь сильно устаю. Сегодня я выступал с речью на Чехо-Словацком съезде.³³ Встречен дружными аплодисментами при входе в зал, при восхождении на кафедру и после речи. Но большой успех имел делегат соц[иалистов]-рев[олюционеров] Перелешин, который действительно сказал с большим подъемом и красиво построенную речь. Настроение на съезде было вообще приподнятое.

Четверг 12(25) июля Вл[адимир] М[ихайлович] Крутовский уехал из Омска под видом служебной поездки в Красноярск. Говорю «под видом», п[отому] ч[то] мне всегда казалось, что этот чисто культурный работник привык быть впереди своего любимого дела и роль министра в коллегии правительства его тяготила. Он, говорят, среди своих приятелей за чашкой чая зло высмеивал своих коллег и иронизировал над прениями в Совете Министров. Боясь, как бы он все не сбегал. Он недостаточно активен, как министр, но он достаточно популярен своей моральностью и тем, что он не мало претерпел за время царского правительства.³⁴ Пребывание его в составе Сиб[ирского] прав[ительст]ва придает последнему моральный вес. В управление мин[истерством] вн[утренних] дел вступил нов[ый] м[инистр] вн[утренних] дел А.А.Грацианов, человек большой инициативы и редкой трудоспособности, но без достаточно широкого кругозора.

Пятница 13 (26) июля Утром в Совете Министров заслушан интересный доклад уполномоченного Сибирского правительства Н.В.Фомина о

положении дел в Иркутске и Дальнем Востоке.³⁵ Основные положения этого доклада сводятся: 1. Образовавшийся в Харбине Дальневосточный комитет³⁶ интригует против Сиб[ирского] прав[ительст]ва. Он назначил по некоторым городам Сибири своих комиссаров, напр[имер], в Нижнеудинске состоит таковым некто Маньков. Но Комитет этот ни военными, ни материальными силами, ни моральным авторитетом не обладает. В полосе отчуждения Китайской-Вост[очной] жел[езной] дороги* содержится на средства этого комитета военный отряд под командой полковника Орлова в 1000 чел[овек], да совсем небольшой и плохо дисциплинированный отряд под командой есаула Калмыкова. Оба эти отряда поставили себе задачей борьбу с проявлением местным населением большевистских действий и настроений. Держатся эти отряды совершенно независимо и Сибирского правительства не признают.³⁷ 2. В самом Иркутске положение Сибирского п[равительст]ва стоит высоко, в Иркутском районе это положение докладчику кажется более крепким, чем в Омском районе. Рабочие, напр[имер], чутко прислушиваются ко всем мероприятиям и выступлениям Сиб[ирского] прав[ительства] и сочувственно к ним относятся. Докладчику, как уполномоченному Сиб[ирского] пр[авительст]ва, Иркутской Городской Думой был устроен банкет с сочувственными речами по адресу Сиб[ирского] пр[авительст]ва. Иркутские кадеты выше омских, они докладчику представлялись более государственно мыслящими людьми. 3. По наблюдениям докладчика у чехословаков отмечается слабость сибирской власти по отношению к большевикам и снисходительность к реакционным элементам. 4. Консульский корпус особого сочувствия к Сиб[ирскому] прав[ительст]ву не проявляет.³⁸ Причину этого надо искать, по мнению докладчика, в том, что консулам не понравился социалистический оттенок деклараций Сибирск[ой] Обл[астной] Думы. 5. Обращает на себя [внимание] независимость, с какой проявляет себя всюду полковник Гайда, но сторонники С[ибирского] В[ременного] пр[авительст]ва, вообще недоверчиво относятся к чехо-словакам, в том числе и к Гайде. Вечером в этот же день в Совете Министров состоялось собеседование с атаманом Дутовым. На меня он произвел впечатление двойственное. Он, очевидно, искренний и стойкий ненавистник большевиков, но ведет он какую-то свою особую линию. Он истый казак — хитрый, себе на уме, но отчаянный, с которым надо держать себя осторожно. Не показался он мне и достаточно образованным. Но он несомненно сила и его надо приласкать.³⁹

Суббота 14 (27) июля От П.Я.Дербера, возглавляющего теперь Сибирское правительство, сгруппировавшееся на Дальнем Востоке, был курьер. По словам этого курьера это правительство сначала обосновалось в Харбине, а затем перебралось во Владивосток, где большевики арестовали один миллион денег, положенных в банк на имя Сибирского правительства, и теперь это правительство осталось без средств. Оно самолик-

---

* Здесь и далее П.В.Вологодский использует несколько вариантов написания названия железной дороги: Китайская-Восточная, Китайская Восточная, Китайско-Восточная, Восточная Китайская, Восточно-Китайская. Правильно: Китайско-Восточная железная дорога.

видируется. Бурят Ринчино-Доржи уехал в бурятские степи и, по слухам, сошелся с большевиками. Захаров, Колобов и Юдин вышли из состава правительства и куда-то выехали. Дербер, Жернаков, Краковецкий, Моравский и Неометулов пытались пробраться в западно-сиб[ирские] города, но, по-видимому, их попытка не удалась. Дальне-Восточный Комитет, о котором сообщал Совету Министров Н.В.Фомин, продолжает существовать и действовать под девизом «защиты родины». Состав его, по большей части царские генералы. Так в нем состоят прославившийся на Черном море вице-адмирал Колчак, ген[ерал] Хорват, управляющий Кит[айской]-Вост[очной] жел[езной] дорогой, известный петербургский заводчик Путилов, довольно популярный в Харбине адвокат, политически правых убеждений, Александров и, по некоторым сведениям, С.В.Востротин. Этот Комитет предлагал Сиб[ирскому] прав[ительств]ву, возглавляемому Дербером, войти с ним в соглашение с целью образования правительства во Всероссийском масштабе. Задачей этого нового правительства Дальн[е]-Вост[очный] комитет ставил прежде всего непреклонную борьбу с большевиками в Сибири, затем очистку всей Сибирской территории от большевиков и, наконец, восстановление Великой Российской Державы. Комитет предложил образовать такое правительство из 10 лиц, — четырех от имени Д[альне-]В[осточного] Комитета, четырех от Сибирского правительства и двух нейтральных (Таскин и Огороков персонально). Это предложение Сиб[ирским] пр[авительств]вом Дербера было отвергнуто. Курьер Дербера подтвердил сообщение Фомина, что Д[альне-]В[осточный] Комитет располагает силами двух воинских отрядов: в 1000 чел[овек] под командой полк[овника] Орлова и в 300 чел[овек] под командой Калмыкова. Отряд Орлова аристократичен по своему составу с повадками золотой молодежи, в нем и рядовыми в большинстве состоят бывшие боевые офицеры, он хорошо вооружен. Второй отряд демократичнее и беднее. Отдельно от Дальне-Восточного Комитета и ближе к Забайкалью орудует отряд атамана Семенова, бывшего простым забайкальским казаком, затем смелым и храбрым офицером, большим организатором. По слухам Семенов имеет в своем отряде не менее 3000 бойцов, а может быть и все пять.⁴⁰ Материально его поддерживают японцы. В штабе Семенова открыто пребывают два японских офицера ген[ерального] штаба.

Понедельник 16 (29) июля Большое возбуждение вызвало объявление полковником Гайдой Сибирской жел[езной] дороги от Барабинска⁴¹ до Иркутска на военном положении и даже части ее на осадном положении с учреждением особых военно-полевых судов с правом вынесения смертных приговоров.⁴² Управляющему военным министерством Гришину-Алмазову предложено безболезненно и без всяких осложнений ликвидировать это распоряжение Гайды. Гришин-Алмазов взялся это сделать, а на него в этом отношении можно положиться, человек он умный и решительный.

Вторник 17 (30) июля П.Я.Михайлов впервые мне конфиденциально сообщил об истинных намерениях Гришина-Алмазова. По агентурным

его сведениям Гр[ишин]-Алмазов затевает переворот. Он недоволен малой активностью Сибирского правительства в борьбе с большевиками и вообще с социалистическим настроением в сибирском населении, хотя сам состоял еще недавно в партии эсеров. Гр[ишин]-Алмазов будто-бы находится в сношениях с Дальне-Восточным Комитетом и разделяет точку зрения последнего, что целесообразнее всего в целях наиболее продуктивной борьбы с большевиками передать всю полноту власти военному диктатору, который и намечен уже в лице вице-адмирала Колчака, а Гр[ишин]-Алмазов будто-бы принял на себя миссию — арестовать Сибирское правительство. Такое сообщение Михайлова я принял за бред потерявшего душевное равновесие человека, чрезвычайно много трудившегося, много пережившего и пострадавшего, истинного мученика за благо народа. Мне от души стало жаль Михайлова. Я сделал вид, что я глубоко заинтересовался его сообщением, а сам решил подействовать на него через его партийного товарища, чтобы он взял отпуск и уехал куда-нибудь на курорт отдохнуть. Об этом сообщении Михайлова я решил никому не говорить, но за Гришиным-Алмазовым последить, хотя я и не верю в его козни. Он, правда, по типу своему Н[аполеон] Бонапарт. Но еще рано появляться Наполеонам на сибирском горизонте.

Среда 18 (31) июля Вчера я имел разговор с Гр[ишиным]-Алмазовым, вскоре после беседы о нем с Михайловым, по поводу объявления Акмолинской области на военном положении, после чего перенес этот вопрос на рассмотрение Сибирского прав[ительств]а в частном совещании. На совещании решено было помириться с этим объявлением не только по мотивам правомочности, но и по мотивам целесообразности. Признали, что фактически военное положение и так было, но правительством не было замечено, не к чести этого правительства будь сказано. Новое положение вводится по правилам 15 июля.⁴³ Главный мотив слабость административного аппарата. Инцидент с объявлением полковником Гайдой Сиб[ирской] жел[езной] дороги на военном положении также благополучно ликвидирован. Чехословацкий комитет⁴⁴ командировал особое лицо с юрид[ическим] образованием в штаб Гайды для контроля над его распоряжениями и Гайде предложено особой телеграммой исправить свое распоряжение. Гаида объявил по [железной] дороге, что военное положение введено на дороге по соглашению с Сибирским правительством и что при введении его должно руководствоваться правилами 15 июля 1918 г., изданными Сиб[ирским] прав[ительств]ом.

Четверг 19 июля (1 августа) Интересный момент я сегодня пережил. Я был в бане. Против обычая я пустил много пару и имел горячую ванну. По выходе из бани я почувствовал упадок сердечной деятельности, легкое головокружение и слабость сил. Все это заставило меня уже на улице прислониться к подоконнику подвального этажа бани. Я стал впадать в беспамятство и мне ясно представилось, что я умираю. Я даже мысленно произнес хорошо запечатлевшуюся у меня в памяти фразу «Черт возьми, да умирать, оказывается, вовсе не так страшно». Но вскоре я очнулся. Оказалось, что я прилег на узел с бельем. Это заметил солдат и позвал

мне извощика, на которого и усадил меня. Сейчас 10 ч[асов] вечера, а я все еще чувствую слабость сил, хотя после бани я созвал совещание министров, пригласив их в виду моего болезненного состояния к себе на квартиру. Во время совещания произошел взрыв. Оказалось, что на жел[езно]-дор[ожной] ветке произошел взрыв снарядов при перегрузке их в вагоны. По телефону сообщили, что взрыв произвел большие разрушения и есть жертвы.⁴⁵ В совещании разрешался вопрос о командировке уполномоченных Сибирск[ого] пр[авительст]ва в разные места для информации населения о положении дел. Еще накануне было предложено командировать Б.Маркова — на Урал, Сидорова — на Восток и Линдберга в Самару. Но И.Я.Михайлов* и Гришин-Алмазов выразили протест против командировки этих лиц, и пришлось вопрос этот пересмотреть. В этом совещании управляющим мин[истерством] вн[утренних] дел был назначен С.С.Старынкевич. В 3 ч[аса] дня в Омск приехали Г.Н.Потанин и Е.Брешко-Брешковская.

Пятница 20 июля (2 августа) В вечернем заседании Сов[ета] М[инистр]ов принято мое требование немедленно командировать упр[авляющего] мин[истерством] нар[одного] просв[ещения] В.В.Сапожникова в Иркутск для разрешения вопроса об открытии там университета.⁴⁶ Тогда же решено отправить Ив.Ин.Серебренникова вместе с Гр[ишиным]-Алмазовым в Екатеринбург в целях подчинения Приуральского края сфере влияния Сибирского правительства. С ними поехал Ив.В.Павлов для налаживания административного аппарата в Приуралье.

Суббота 21 июля (3 августа) Сегодня посетил «бабушку русской революции» Ек[атерину] Конст[антинову] Брешко-Брешковскую. Она оказалась несколько с ослабленным слухом, даже полуглухой, но удивительно бодрой и живой старухой. Она очень заинтересовалась строительством власти в Сибири и меня подробно обо всем расспрашивала, так что наша беседа продолжалась свыше часу. Днем в Совете Министров решено вывить более ярко, чем это было до сих пор, свое отношение к Брестскому миру.⁴⁷ Еще первая делегация, в лице Жардецкого, Каргалова и Двинаренко, являвшаяся ко мне по случаю вступления в управление страной Сиб[ирского] прав[ительст]ва, настаивала на том, что[бы] это пр[авительст]во определенно отрицательно высказалось против такого мира. Но Сиб[ирское] пр[авительст]во на первых порах решило не фрондировать по этому поводу, а выждать проявления определенных последствий этого мира. Но оказалось, что как чехо-словаки, так и представители других дружественных держав недоумевали по поводу такой неопределенности отношения Сиб[ирского] пр[авительст]ва к этому миру. Решено приурочить это явление к объявлению о призыве к исполнению воинской повинности, рожденных за два года, 1898 и 1899 г[одов], на основах всеобщей воинской повинности.⁴⁸

Понедельник 23 июля (5 августа) Снова таинственная беседа с тов[арищем] мин[истра] внутр[енних] дел П.Я.Михайловым, которая меня окончательно привела к убеждению, что это психически расстроенный человек, с признаками бреда преследования и мании величия. Странное

* Так у автора. Правильно: И.А.Михайлов.

перерождение подпольного революционера в гордого сановника. Но мне его все же жаль, хороший он человек и чистый политик*.

Суббота 28 июля (10 августа) Гришин-Алмазов снова поднял вопрос о скорейшем выявлении Сиб[ирским] прав[ительств]ом своего отношения к Брестскому миру в более решительных выражениях, ссылаясь на то, что чехо-словаки и некоторые другие представители дружественных нам держав неудовлетворены и грамотой прав[ительств]а от 6 авг[уста] по этому поводу.⁴⁹ Сегодня днем обсуждался вопрос об отношении к Приуральскому правительству.⁵⁰ Тщетно искали лицо, которое могло бы быть главноуполномоченным Сибирского пр[авительств]а на Урале. Решили временно командировать в Екатеринбург мин[истра] фин[ансов] И.А.Михайлова, поручив ему в тоже время заехать в Челябинск, чтобы двинуть вопрос об образовании Всероссийского прав[ительств]а, который чем-то неясным для нас, тормозится. В 2 ч[аса] ночи мы выехали в Томск, чтобы выступить при открытии Сибирской Обл[астной] Думы, которую мы все таки решили созвать, несмотря на протесты некоторых группировок и далеко не единодушное сочувствие этой мере в самом Совете Мин[истр]ов. В Совет Министров поступил письменный протест, подписанный представителями социалистов-революционеров (народоправцев-оборонцев),⁵¹ трудящихся, народных социалистов⁵² и социал-демократической группы «Единство»,⁵³ против созыва Думы. В протесте этом лейтмотивом является опасение, что при существовании Областной Думы, как высшего органа власти народа, умаляется правительственный авторитет, Сиб[ирское] пр[авительств]о «выронит власть», а между тем переживаемый политический момент требует проявления особо твердой и решительной власти.⁵⁴ Кроме того, недавно происходивший в Омске съезд представителей торговли, промышленности и домовладения Сибири также высказался отрицательно о Сиб[ирской] Обл[астной] Думе, считая ее в такой момент совершенно излишней и даже опасной.⁵⁵ В Томск на открытие Обл[астной] Думы вместе со мной поехали: Г.Б.Патушинский, М.Б.Шатилов, Г.К.Гинс, М.П.Головачев и А.А.Грацианов и еще Н.И.Петров. Крутовский должен приехать в Думу из Красноярска. Перед поездкой в Томск в вечернем заседании Совета Министров шло в спешном порядке обсуждение нескольких законопроектов, внесенных мин[истр]ом юстиции. Настроение в Совете Мин[истр]ов было несколько приподнятое по поводу такого события, как встреча правительства с Сиб[ирской] Обл[астной] Думой, хотя нет оснований думать, чтобы произошел какой-нибудь конфликт.

---

* В этом месте в «Дневнике на 1918» автором был вписан следующий текст: «Примеч[ание] к этой записи, записанное в дневник 29 июня 1919 г[ода]. Михайлов во многом был прав. Его сведения, сообщ[енные] мне впервые 30 июля о том, что Гришин-Алмазов и другие военные ведут с Колчаком переговоры через Д[альне-]В[осточный]К[омитет] об избрании его диктатором, подтвердились фактом переворота 18 ноября, а об авантюристских склонностях Гришина-Алмазова подтверждается сообщениями, идущими от капит[ана] Пясоцкого и др[угих] об авантюристских его похождениях в Одессе, о тайнственном его попадании в плен к большевикам и загадочном его хождении на свободе в Самаре. Примеч[ание], занесенное по этому поводу в дневник 9 окт[ября] 1919 г. Впоследствии выяснилось вполне определенно, что Гришин-Алмазов в действительности застрелился при высадке его с парохода в Каспийском море. Таким образом, утверждение како-го-то офицера, что он видел Гр[ишина]-Ал[мазова] ходившим на свободе в Самаре, оказалось совершенным вздором. Были такие слухи, что в сущности Гр[ишин]-Алм[азов] предан большевикам своею же собств[енной] стражей из крымских татар и кавказских народностей».

в[ительст]ва в форме заявлений от имени различных фракций об их чаяниях. Обратило общее внимание то, что заявление левых фракций содержало в себе пожелание видеть в составе Сиб[ирского] пр[авительст]ва членов его, застрявших в Харбине. Чтение этой части заявления сопровождалось аплодисментами зала.

Вторник 7 (20) августа Сегодня днем ездили на Басандайку.⁶⁶ Я, жена, Зина, Т.А.Славороссова (дочь Грацианова), А.П.Яропольская и Г.К.Гинс на автомобиле. С.С.Старынкевич и М.П.Головачев на извозчике. Возвратились в 8 ч[асов] вечера. Я тотчас же стал производить прием явившихся ко мне лиц. Прием продолжался до 11¹/₂ ч[асов] вечера. Между прочим были уполномоченные Сибирского правительства и комиссара группы Дербера: П.Я.Михайлов, В.О.Сидоров и М.Я.Линдберг. Они усиленно уверяли меня, что они в дальнейшем будут всеми своими силами и влиянием поддерживать Сибирское правительство данного состава, но предостерегают против ген[ерала] Гришина-Алмазова, который стремится взять в руки Совет М[инистр]ов и руководить его политикой. В таком усилении влияния военного министра они видят опасность перехода власти к военной диктатуре. Признаюсь, такое упорное предостережение против Гришина-Алмазова начинает меня смущать. Постараюсь быть против него на чеку, что я и обещал уполномоченным. Председатель Областной Думы И.А.Якушев отказался объявить указ Сибирск[ого] пр[авительст]ва об отсрочке заседаний Думы. Мы командировали в Думу Г.К.Гинса для переговоров по этому поводу с президентом Думы. Патушинский по собственной инициативе отправился туда же, надеясь личным влиянием среди президиума подействовать на согласие объявить указ правительства. Но старания Гинса и Патушинского не имели успеха. Правительство проглотило пилюлю. Решили, что из-за такого инцидента не стоит заводить историю. Перед самой отправкой у меня был разговор с Гришиным-Алмазовым на тему о целесообразности пойти на встречу правительству Хорвата. Никаких задних целей у Гришина-Алмазова в его готовности идти на встречу правительству Хорвата я не усмотрел. Казалось он шел искренне по этому пути.

Четверг 9 (22) августа Второй день чувствую себя нехорошо. Вчера утром я в поезде почувствовал себя нездоровым. У меня появился жар и слабость. Грацианов опять объясняет мое болезненное состояние переломлением на почве склероза сосудов. Рекомендует непременный отдых «вдали от шума городского»,⁶⁷ где-нибудь на лоне природы. Вчера днем мне Гр[ишин]-Алмазов передал копию телеграммы представителя правительства Хорвата М.О.Курского на имя А.В.Адрианова с предложением от этого правительства вступить в его состав мне и Крутовскому. По своему болезненному состоянию я слабо реагировал на эту телеграмму, но, оставшись один в вагоне, я задремал и отчетливо бредил правительством Дербера и Хорвата. Я был засыпан заявлениями и программами, якобы поданными этими лицами. Ночь я провел беспокойно, — меня мучил тот же бред*. Сегодня созвал министров на совещание в свою квар-

* Приводимая здесь запись (со слов «Второй день» и до «бред») была первоначально датирована 8 (21) августа. См.: «Дневник на 1918».

тиру в виду болезненного состояния. Вот и «непременный отдых». Но нельзя было не собрать совещания. Помимо телеграммы Курского была получена телеграмма от председателя Сибирского пр[авительст]ва на Д[альнем] Востоке И.А.Лаврова, заменившего Дербера. (*Телегр[амма] передана нам через нашего Пекинского послан[ника] князя Кудашева*).⁶⁸ Надо выявить свое отношение к этим правительствам. Долгих разговоров на эту тему не было. Кажется, министры щадили мое здоровье. Решено было: Сибирское прав[ительст]во на Д[альнем] В[остоке] подробно информировать, что нами сделано, и просить его каких-либо решительных шагов с иностранными державами не предпринимать, а с правительством Хорвата войти в сношение после выяснения взаимных отношений этих двух правительств. На этом же совещании имелись суждения о Госуд[арственном] совещ[ании] в Челябинске. Решено: участником совещания, как имеющего характер предварительный, оставить И.А.Михайлова, но командировать туда-же Г.Б.Патушинского, у которого, по моим наблюдениям, с Михайловым отношения как-будто-бы установились неладные. Он это предложение принял не особенно охотно. Может и не поехать туда под каким-нибудь предлогом. Сегодня вечером беседовал с д[окто]ром В.И.Ишерским о своем здоровье. Он также, как и Грацианов, указал мне на крайнюю необходимость для меня серьезного отдыха, предсказывая мне, если я не возьму отдыха, то наступит у меня такое истощение организма, что появится анемия мозга и все последствия его в виде совершенной инвалидности. [*Бред – это истощение организма.*] Надо поехать куда-нибудь в деревню.

[Суббота 11 (24) августа. Было два заседания Совета [Министров]. Днем и вечером. Вечером был поставлен на разрешение вопрос о резиденции правительства, возбудивший продолжительные и страстные прения. Наиболее полно исчерпывающей, прекрас[но] построенной речью в защиту оставления резиденции в данный момент в г. Омске была речь Г.К.Гинса. Весь деловой состав министерств высказался за оставление резиденции в Омске. Совет Министров признал необходимым признать пока вопрос о переселении в Томск открытым впредь до сношения с Дальневосточным правительством. За перенос резиденции Сибирского Временного правительства в г. Томск довольно обстоятельно высказался В.В.Сапожников, к нему присоединился В.М.Крутовский и др. В виду такого разногласия и был придуман кем-то компромисс – оставить вопрос открытым впредь до сношения с Дальневосточным правительством. Вероятно, это кончится тем, что резиденция останется в Омске, общественная атмосфера которого мне так не нравится.]*⁶⁹

Понедельник 13 (26) августа Сегодня опять был тяжелый для моего здоровья день. Утром ко мне пришел тов[арищ] мин[истра] ин[остранных] дел Головачев с докладом на тему о необходимости командировать его на Дальний Восток для ознакомления с настроением населения Востока по отношению к образовавшимся там правительствам Дербера-Лаврова и Хорвата и о сущности их программы и деятельности. Рекомендовал Головачеву осторожность в каких-либо обещаниях тому и другому прави-

* Здесь и далее все подчеркивания принадлежат автору.

тельству и лучше ближе подойти к правительству Хорвата, чем к Сиб[ирскому] пр[авительст]ву. В составе прав[ительства] Хорвата я знал несколько солидных, с именем людей (хотя бы Колчак, Устругов, Востротин, Курский), тогда как в Сиб[ирском] пр[авительст]ве сидели люди мне совершенно неизвестные. Советовал Гол[оваче]ву предварительно заехать в Пекин к кн[язю] Кудашеву и информироваться от него и посольских служащих о положении дел на Дальнем Востоке. Когда я вечером в заседании Совета сообщил о командировке Головачева на Восток, это сообщение было принято кисло. У большинства министров отношение к Головачеву определено скептическое и, по-моему, не вполне заслуженное им. Головачев рисуется своим положением тов[арища] министра иностранных дел и держится напыщенно, но это по молодости лет. Днем на заседании Совета Министров было выслушано сообщение Ив.А.Михайлова и А.Н.Гриш[ина]-Алмазова о результатах совещания в Челябинске. Решено будущей делегации от Сиб[ирского] пр[авительст]ва на этом совещании выработать инструкцию. Был большой прием представляющихся и просителей (после значительного перерыва этих приемов по случаю поездки в Томск). Вечером было заседание Совета Министров по текущим делам. На веч[ернее] заседание я приехал поздно. Вследствие усталости даже вовсе не хотел ехать.

Вторник 14 (27) августа Днем Советом Министров решено избрать заместителя председателя Совета Мин[истр]ов. Таковым избран И.И.Серебренников. Он же был избран председателем Административного Совета — этого малого совета министров.⁷⁰ Проект этого учреждения был составлен Г.К.Гинсом. Цель создания этого учреждения — разгрузка от текущей работы Совета Министров. Этому Административному Совету даны довольно обширные полномочия. Не знаю, как отнесется общественное мнение к этому учреждению. Далее произошло избрание представителей от Сибирского правительства в Уфимское Госуд[арственное] Совещание для создания всероссийской власти. Избраны: И.А.Михайлов, Г.Б.Патушинский, А.Н.Гриш[ин]-Алмазов и ген[ерал] П.П.Иванов-Ринов. Произошел острый инцидент между Патушинским и Гр[ишиным]-Алмазовым по поводу выражения последнего «пока» избрать в состав делегации и Г.Б.Патушинского. Это «пока» и вызвало гневное возражение Патушинского, что значит «пока»? Но под общим давлением инцидент не дошел до открытой ссоры, хотя обмен репликами и был нервный. Кроме того, решено было просить поехать на совещание и В.М.Крутовского. На вечернем заседании Совета я уже не был, в тот вечер я с женой*, Зиной и сестрой Полей уехал на две недели в Краснореченский Завод⁷¹ на отдых *[в виду крайнего переутомления]*.

Среда 15 (28) августа Вечером при остановке поезда в Новониколаевске ко мне в вагон, когда я был на станции, ворвался известный истязатель капитан Сатунин. Вел себя вызывающе. Несмотря на мой отказ принять его, он снова возвратился в вагон и настоятельно требовал, чтобы он был принят, ссылаясь на то, что он имеет такой знак отличия за военные

* В «Дневнике на 1918» вместо «с женой» написано «с Соней».

доблести, который позволяет ему просить приема у государя-императора. (Он имеет орден великомуч[еника] Георгия и георгиевское оружие).⁷² «Я надеюсь, что Его Высокопревосходительство господин председатель Совета Министров после доклада ему о моих правах на прием не откажет мне в своем приеме», закончил свое требование перед комендантом поезда капитан Сатунин. После этого случая с Сатуниным ко мне пришли мои добрые знакомые А.П.Васильков и А.А.Шиша, которые сообщили, что Сатунин, после вторичного отказа ему в приеме, бросил фразу: «за будущее я не отвечаю, я избираю для себя свободу действия» и усиленно советовали мне на время моего пребывания в пути и на даче взять солидную охрану, т[ак] к[ак] Сатунин — человек отчаянный. Но я все-же особой охраны не взял и поехал, как снарядился в Омске. Сделать так, как советовали приятели, было бы обнаруживанием беспокойства за свою участь, а это только поощрило бы таких господ, как Сатунин, на дальнейшие дерзости. Чувствую себя во время поездки очень хорошо. Словно с плеч моих свалилась какая-то большая тяжесть*.

Четверг 16 (29) августа Сегодня вечером часов около шести приехали на ст[анцию] Критово. Оказалось, что нас уже двое суток здесь ожидали подводы с Краснореченского Завода старой моей приятельницы А.К.Королевой. Приехал встретить меня с завода — сам управляющий завода. На ста[нции] Критово приветливо меня встретил старый рыбак Дементий, краснореч[енский] крестьянин, знавший еще моего отца. Обещал к воскресенью привести мне на завод хорошей рыбы своего улова. На пароме, перевозящем через Чулым⁷³ на завод, на левом берегу меня встретили представители крестьянского общества завода во главе с Лисавенко, сыном когда[-то] хорошего знакомого моего отца, с зятем-техником и еще с кем-то. Встретили они меня с криками «ура», вслед за которыми раздались такие же возгласы и на той стороне Чулыма. На правом берегу Чулыма, когда подошел паром к берегу, мне представилась делегация от местного комитета охранения порядка и безопасности, поднесли мне хлеб-соль и подали рапорт. На берегу собралась большая толпа народа во главе с каким-то чиновником, и приветствовала меня, как первого премьер-министра Сибири, и дружно кричала «ура». На заводе Королевой нам отвели целый дом, чистый и с удобствами.

Пятница 17 (30) августа Утром с Соней и Зиной пошли в горы близ завода. Собирали и тут же ели бруснику, костянику. Шли по горным дорожкам. Хорошая погода, чистый горный воздух. С некоторых пунктов нашего пути открывались частично виды на Краснореченский Завод. Соня

* В этом месте стоит знак сноски «звездочка», отсылающий к вписанному автором примечанию: «О дальнейшей судьбе капитана Сатунина я ничего не знал. Я думал, что он был предан военному суду за свои подвиги в истязаниях и понес соответствующее наказание. Лишь в 1922 г. я из книги П.С.Парфенова (Петр Алтайский) “Уроки прошлого. Гражданская война Сибири 1918, 1919, 1920 гг.”, вышедшей в 1921 [году] в Харбине, я узнал, что ген[ерал] Иванов-Ринов, ознакомившись с делом капитана Сатунина, не только не нашел в его действиях признаков преступлений, но счел долгом представить обвиняемого за его “выдающиеся заслуги перед Родиной” к чину подполковника. Хотя Парфенов допустил в своей книге много вранья и извращения фактов, но в этом утверждении он, возможно, и прав. Такой выпад вполне в духе ген[ерала] Иванова-Ринова. Примечание автора воспоминаний» (См.: *Парфенов П.С. Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири 1918, 1919, 1920 гг. Харбин, 1921. С.63-64*).

и Зина очень довольны. После завтрака пошли по Верхней береговой ул[ице] селения и вышли через горы к заводу (винокуренный). С горы чудесный вид на Чулым, Краснореченский бор, виден даже Ачинск,⁷⁴ отстоящий от Краснореч[енского] завода в 35 верстах. Ачинск красиво расположен на высоком правом берегу Чулыма. Опять много собирали костяники. Вечером после обеда пошли по лесной дороге вверх по заводскому ручью, по долине этого ручья. Эта дорога имеет свою прелесть. Обед нам изготовила сестра Поля. Она добыла куски поросенка, двух цыплят, молоко, картофель, и обед вышел питательнее и вкуснее обедов первоклассных ресторанов Омска. Совсем и в голову не идут какие-либо политические вопросы. Совет Министров остался где-то далеко.

Суббота 18 (31) августа Вот тебе бабушка и Юрьев день!⁷⁵ Утром нарочный со ст[анции] Кривоно принес телеграмму, подписанную заместителем председателя Совета Министров Серебренниковым, от имени Совета Министров, приглашающую меня выехать немедленно на Дальний Восток для переговоров с правительством Хорвата и с Сиб[ирским] правительством.⁷⁶ «Никто иной, кроме Вас, не может выполнить эту главнейшую в настоящее время задачу». Телеграмма произвела на меня впечатление холодной ванны. У меня даже забилося сердце. Так хотелось отдохнуть и так здорово прошли первые дни отдыха, как снова окунайся в кипучую и ответственную политическую деятельность. Как на грех, стояла чудная погода, яркий солнечный день. Но послал ответ, что выеду, как только будет предоставлен мне вагон. Уже в другом настроении по отправке телеграммы я с Соней и Зиной пошел гулять вверх по горному ручью, образуящему горный пруд. Идет дорожка по подгорью, густо заросшему лесом, попадаются, впрочем, небольшие, но милые лужайки. Много совершенно спелой черемухи, этой сибирской вишни, и костяники. После завтрака спали, после обеда грелись на солнышке на пригорке близ квартиры. Больше всего огорчена предстоящим отъездом из завода Зина. Ей так нравилось здесь.

Воскресенье 19 августа (1 сентября) Утром в 7 час[ов] я, Соня, Зина и Поля поехали на паре лошадей в село Краснореченское к обедне. Отслужили панихиду на могиле отца. Затем пили чай у местного священника о[тца] Федора Севастьянова, который вместе с матушкой и о[тцом] диаконом произвели на нас симпатичное впечатление. Были у подруги детства Поли — «Зеночки» — З.Д.Поповой. Эта Зеночка после смерти своего отца и матери богатых крестьян Латышевых жила в доме моего отца, как опекаемая им. Муж ее — местный волостной писарь из местных же крестьян. Принимали нас тепло, обильно угощали. Село, церковь, гора в селе произвели на меня такое впечатление, как будто бы все стало меньше, чем мне казалось во время моего детства, проведенного в этом селе. Самое село как бы победнело, не стало новых домов, хороших вообще построек, но нет и признаков большой бедности. Произошла как бы нивелировка богатых и бедных. Знакомый мне вид на Чулым и горы произвели приятное впечатление на Соню и Зину. Пробыли в селе до полудня. Выяснилось, что мы можем выехать в Омск завтра особым поездом в 2 ч[аса] дня. В Тайге⁷⁷ мы должны взять в свой поезд председателя Областной

Думы И.А.Якушева, которого кто-то вызывает в Омск. Сегодня-же на заводе сын А.М.Лисавенко, студент, делал с меня фотографические снимки. Сначала в горы среди леса*, а затем у дома на скамейке с Зиной.

Понедельник 20 августа (2 сентября) В ночь на этот день я видел знаменательный сон. Две безобразных цепных собаки напали на меня. Одна с черепом, отчасти отсеченным. Я однако не растерялся, схватил обеих собак за цепи у самых ошейников и стравил их между собой. Когда одна загрызла другую, я задушил первую. В 2 ч[аса] дня, как было условлено, я отправился в Омск особым поездом в вагоне № 26. При отъезде с Краснореченского завода тот же студент Лисавенко снял нас в экипаже при посадке и на перевале, когда наша тележка была уже на пароме. На переезде крестьянка Астраханцева, сестра которой когда-то в мое детство служила у нас горничной, поднесла нам на дорогу корзину с овощами.

Вторник 21 августа (3 сентября) — Сегодняшнею ночью мы прибыли на станцию Тайга. Оказалось, что И.А.Якушев серьезно заболел, у него сильные припадки ангины, головной боли, тошноты и рвоты, колики в животе. Пользует его как то врач с тремя очками на носу. [*Медицинская помощь в виде врача с тремя очками на носу.*] Во время непродолжительного моего визита с Якушевым сделалось дурно. После чего он заявил, что он вынужден возвратиться в Томск. С нашим поездом в Омск отправились тов[арищи] предс[едателя] Думы Ю.Саиев, З.И.Шкундин и Левберг. На ст[анции] Боготол⁷⁸ железнодорож[ные] машинисты подали мне докладную о необходимости повысить им содержание.

Среда 22 августа (4 сентября) Сегодня, в три часа ночи, приехал в Омск. Меня встретил конвой контрразведки. Я остался в вагоне до утра. В 7 ч[асов] утра нам был подан автомобиль и я с женой и Зиной поехал к себе на квартиру. В моей квартире разместились М.Б.Шатилов и М.П.Головачев. Последний так и не собрался за время моего отсутствия выехать на [Дальний] Восток. Он показал мне телеграмму от иркутского консульского корпуса о некорректном выступлении Гришина-Алмазова на банкете в Челябинске. Подвыпивший немного Гр[ишин]-Алмазов выступил с речью, задевшей чехов и других наших союзников, Консульский корпус явно протестовал против такого выступления нашего Мин[истра] военных дел.⁷⁹ Головачев был крайне встревожен этим инцидентом и находил, что для удовлетворения оскорбленного самолюбия союзников, в особенности чехо-словаков, необходимо самым решительным образом реагировать на выступление Гриш[ина]-Алмазова вплоть до снятия его с поста военного министра. Зная, каким престижем пользуется Гриш[ин]-Алмазов среди военных и каким доверием среди прочих членов Совета Министров, я решил подойти к разрешению оч[ень] осторожно. Я решил вызвать [к] себе в квартиру для совещания Г.Б.Патушинского. Я, Патушинский и Головачев решили подвергнуть этот инцидент обсуждению в тесном кругу членов Совета. Мнения резко разошлись и решено было не доверяться одному сообщению консульского корпуса, а проверить самый факт и обстановку, при которой произошел инцидент. Я взял на себя расспросить

* Так у автора.

об этом П.П.Иванова-Ринова и вызвать для объяснения Гришина-Алмазова. Иванов-Ринов подтвердил, что выступление Гр[ишина]-Алмазова было резким. Он, задетый каким-то замечанием английского консула в Екатеринбурге,⁸⁰ очень возмущенным тоном высказался в том смысле, что русские менее нуждаются в союзниках, чем последние в русских, в особенности чехо-словаки, которые без свежей русской армии ничего не сделают для образования своего государства. Гришин-Алмазов, не отрицая правильности факта его реплики на показавшееся ему ироническим замечание английского консула в общем, отрицал фразу, приписываемую ему по отношению к чехам.⁸¹ Я вечером снова собрал Совет Министров, доложил ему, что мне передал Иван[ов]-Ринов и как объяснил свое поведение на банкете [Гришин-Алмазов] и просил высказаться, как Совет Министров может ликвидировать этот инцидент. Совет Министров пожелал лично выслушать объяснения Гришина-Алмазова. Атмосфера в Совете напряженная.

Четверг 23 августа (5 сентября) Весь день Совета М[инистр]ов был посвящен обсуждению вопроса о реагировании на телеграмму консульского корпуса. После продолжительных и горячих прений по большинству голосов решено было предложить Гриши[ну]-Алмазову подать в отставку, а в случае его отказа, подать такое прошение уволить его без прошения.⁸² Вызванный мною в свой кабинет Гр[ишин]-Алмазов подать прошение об отставке отказался, заявив, что он подаст прошение о производстве над ним дисциплинарного расследования. К вечеру такого прошения подано не было. Состоялось постановление об увольнении его от должностей командующего армией и управляющего мин[истер]ством военных дел. Вечером на пленарном заседании Совета Министров в качестве управляющего мин[истер]ством военных дел был приглашен уже ген[ерал] Иванов-Ринов, назначенный таковым одновременно с увольнением Гриш[ина]-Алмазова. После объявления мною о состоявшемся постановлении полноправных членов Советом Министров, управляющие министерствами заявили требование дать им разъяснение о мотивах такого постановления Сибирского прав[ительст]ва. Совещание осталось, видимо, неудовлетворенным моими объяснениями, ибо потребовало своего особого совещания без участия полноправных членов Сиб[ирского] пр[авительст]ва.⁸³ На этом совещании также был выслушан Гриш[ин]-Алмазов. После этого совещания управляющие министерствами потребовали пересмотра вопроса о[б] увольнении Гришина-Алмазова. Это было объявлением войны министерствами Сибирскому правительству и я чувствовал, что предстоит бой, исход которого было трудно предугадать, т[ак] к[ак] в самой среде Сиб[ирского] прав[ительст]ва не было единства по этому вопросу. Я решил провести это совещание строго замкнутым, не позволив даже присутствовать управляющему делами Сов[ета] Мин[истр]ов Г.К.Гинсу, что было мною сделано впервые по отношению к Гинсу. Мои ожидания оправдались, совещание было не только бурным, но просто буйным. Михайлов и Патушинский дошли до перебранки. Особенно разошелся Патушинский и делал личные нападки на Михайлова. Совещание разошлось в два часа ночи, неудовлетворенными друг-другом. Я

счел дневное постановление Совета Министров оставшимся без изменения и в тот же вечер я собственноручно написал Нач[альнику] штаба распоряжение об извещении всех частей войск о состоявшемся постановлении Совета Министров об увольнении Гриш[ина]-Алмазова. Я это сделал в предупреждение возможного воздействия Гриш[ина]-Алмазова на войсковые части в смысле какого-либо неблагоприятного для правительства реагирования, что можно было ожидать от Гриш[ина]-Алмазова, о чем он мне сам намекнул во время моего последнего объяснения с ним. Сегодня (записываю в дневник утром на другой день), в пять часов утра ко мне на квартиру приехал адъютант Гриш[ина]-Алмазова с письмом от последнего, требуя принять от него это письмо. Я объявил адъютанту через дверь, что я не вижу оснований для такой экстренности в принятии от него письма от уволенного в отставку министра. На всякий случай сказал Головачеву (он жил в моей квартире), чтобы он позвонил начальнику штаба ген[ералу] Белову о командировании охраны к моей квартире.

Суббота 25 августа (7 сентября) В 8 ч[асов] вечера мне было доставлено письмо от Гр[ишина]-Алмазова. Письмо заключало в себе отказ подчиниться приказу об увольнении его со службы. Он указал на формальные нарушения издания приказа, а, именно, неполучение самим Гр[ишиным]-Алмазовым этого приказа и отсутствие скрепа этого приказа управляющим делами Совета Министров. Весь вчерашний день прошел в притязаниях со стороны разных групп общестности об изменении состоявшегося постановления Совета Министров об увольнении Гр[ишина]-Алмазова. Очевидно, Гр[ишин]-Алмазов и стоящие на его стороне представители министерств мобилизовали все силы, чтобы сломить меня в пользу Гр[ишина]-Алмазова, и надеясь на мою слабость к сопротивлению на усиленные ходатайства со стороны представителей об[ществ]а. Но передо мной стоял вопрос так, если победит партия Гр[ишина]-Алмазова, я должен буду уйти из состава правительства. В другой момент я охотно бы ушел из правительства, но при данных обстоятельствах я находил делать это ниже своего достоинства, да и опасным для культивирования всякого рода кривотолков о распаде правительства. Мне сегодня вечером мои доброжелатели говорили, что в городе уже ходят неприятные для правительства разговоры о перебранке Патушинского с Михайловым. Эти господа сами, очевидно, разболтали какое безобразие произошло на совещании членов Сиб[ирского] прав[ительств]а. Сегодня-же мне сообщили, что в квартире Гриш[ина]-Алмазова ночью было совещание министров — его доброжелателей, в том числе был и Гинс. Вчера днем было резкое столкновение между И.А.Михайловым и М.Б.Шатиловым. Первый обвинил второго в шпионаже, а последний заявил, что он не подаст Михайлову руки, пока тот не извинится и не возьмет своих слов обратно. Примирения не состоялось, причем Михайлов заявил, что он выходит из состава правительства. Свое заявление подтвердил и в пленарном совещании, причем покинул самое совещание. Я забыл сказать, что еще днем в четверг после того как состоялось постановление об увольнении Алмазова в отставку, И.И.Серебренников и И.А.Михайлов подали мне заявления, что они снимают с себя ответственность за состоявшееся

постановление Совета Министров и, если оно не будет изменено в соответствующем тоне, они выйдут из состава правительства. Это быстро стало известным всему составу общеминистерского совещания. После чего мне и было заявлено ходатайство-требование, чтобы был найден примиряющий выход из положения и чтобы никто из состава правительства («пятерки» избранных в Совет Сиб[ирской] Обл[астной] Думой) не уходил. Административный Совет сильно волнуется, что так легко расправляются с министрами, и проектирует внести в Совет Министров какое-то предложение с целью предупреждения в дальнейшем такого отношения к министрам. В совещании членов правительства снова произошло резкое столкновение между Михайловым и Патушинским. Последний впал в положительную истерику. Кончилось это столкновение тем, что сначала Михайлов заявил, [что] он положительно не может дальше оставаться в составе правительства, а затем и Патушинский сказал мне, что он окончательно истрепан и выйдет из состава прав[ительств]ва, тем более, что этот его шаг, он думает, разрядит тяжелую атмосферу и удовлетворит деловой аппарат министерств. В этом его последнем предложении я почти открыто его поддержал. Шатилов же резко протестовал против такого намерения Патушинского. Но Патушинский остался при своем мнении. Я был страшно смущен всем происшедшим и не знал, что мне делать. Бодрость мне придал И.И.Серебренников, который внял моим убеждениям и согласился взять свое прошение об отставке обратно. Я об этом объявил в общем заседании Совета Министров и это всех удовлетворило и тогда же было высказано пожелание, что никто из состава образовавшегося правительства не выходит в отставку. Это, по-видимому, повлияло и на Патушинского. В пятницу утром он также заявил, что он берет обратно свое заявление о выходе в отставку. Остался непреклонным лишь Михайлов. Все это так меня волновало, что последние две ночи я и по часу не спал, чувствовал себя крайне слабым и усталым. Одно благоприятное последствие этого моего состояния было: пользуясь бессонницей я имел возможность по ночам писать свой дневник, почему и записал об инциденте последних дней более подробно, чем о других. Сейчас 4 ч[аса] утра и не имею сил даже прочитать то, что я записал за эти два дня. Может быть в этой записи много и обмолвок. Но я еще не кончил своего повествования о субботнем дне, допишу завтра вечером.

Воскресенье 26 августа (8 сентября) Вечером [в субботу] под влиянием разговора моего с д[окто]ром В.И.Ишерским о разладе среди Сиб[ирско]го прав[ительств]ва, я пригласил к себе Михайлова и убеждал его остаться в составе Сиб[ирского] пр[авительств]ва. Я указывал ему, что уход его будет служить признаком развала правительства, потерей его авторитета «и с кем Вы меня оставляете?» спросил я Михайлова. «С истеричкой Патушинским, безличным Шатиловым, умным, но молчаливым Серебренниковым?» Указал ему на то, что его именно уход из министерства особенно тяжел будет для общественности, т[ак] к[ак] он среди нее имеет поддержку в самых разнообразных кругах. Наша беседа носила задушевный характер. Он высказал мне свое прямое недовольство позицией, занятой мною в деле Гришина-Алмазова, но обещал подумать о моем пред-

ложении. Вчерашний день я снова был обложен попытками с разных сторон повлиять через меня на изменение постановления Сов[ета] М[инистро]в об Алмазове. Вечером в субботу на Совете Министров были только я, Серебренников, Патушинский и Шатилов. Мы вели беседу с представителями президиума Сиб[ирской] Обл[астной] Думы: тов[арищами] председателя Думы Саиевым и Шкундиным. Совещались о предстоящей поездке в Уфу и на Дальний Восток. Представителями Думы было заявлено, а Патушинским и Шатиловым было энергично поддержано желание-требование, чтобы я не брал с собой на Восток Гинса. Они раздражены его двойственной ролью в деле Алмазова и считают его интриганом против Обл[астной] Думы. Не выяснив себе еще роли Гинса в деле Гр[ишина]-Ал[мазова], я указал на ошибочность их заподозрения Гинса в кознях против Обл[астной] Думы. Он положительно стоял за сохранение Сиб[ирской] Обл[астной] Думы, хотя и находил необходимым некоторые реформы в ней. Но все остались при своем мнении. Серебренников промолчал. Я обещал заменить Гинса В.Н.Новиковым, что было принято сочувственно.⁸⁴ Сегодня утром Михайлов заявил мне что он остается в составе Сиб[ирского] пр[авительст]ва. Тогда Патушинский заявил, что он окончательно уходит из министерства.⁸⁵ Мне эта канитель надоела и я решил не отменять своего намерения сегодня же вечером выехать на Дальний Восток, предоставив создавшееся положение идти по воле Божией и находчивости Серебренникова, как заместителя Предс[едателя] Совета Министров. И действительно выехал вечером с облегченным сердцем.

Понедельник 27 августа (9 сентября) В нашу экспедицию Г.К.Гинс таки попал. Нас обошел Административный Совет. Он нашел необходимым якобы в целях деловых и осведомительных пополнить мою компанию (меня, Новикова и Головачева), со своей стороны командировав в поездку со мной Гинса, Степаненко (от мин[истерства] путей сообщений), Зефирова (от мин[истерства] продовольствия) и Карамазинского (от мин[истерства] финансов). Последние трое выедут вслед за нами дня через два. (Карамаз[инск]ого где-то по дороге мы должны догнать). Конечно, в этом проявляется некоторое недоверие ко мне и это немножко неприятно, но я охотно примирюсь с этим, п[отому] ч[то] командированный Административным Советом ко мне народ более деловой, чем политический, кроме Гинса, но последнего я и сам намерен был взять с собой. Воображаю, как будут себя чувствовать Шатилов, Патушинский, Саиев, Шкундин. Можно ждать, что теперь еще Обл[астная] Дума надумается усилить мою экспедицию своими представителями. Сегодня Гинс сам мне сказал*, что он действительно присутствовал на ночном заседании министров в квартире Гришина-Алмазова, он признал этот факт, но объяснял это тем, что за ним послал сам Гр[ишин]-Алмазов, прося его пособить ему разобраться в создавшемся положении. Он считал неудобным отказать в такой просьбе Гришину-Алмазову, с которым он в приятельских отношениях, тем более он не мог отказать в этой просьбе, что и теперь считает, что Сибирское правительство

---

* «Гинс сам мне сказал» вписано автором над зачеркнутым: «я спрашивал Гинса действительно ли он».

теллигенция, 4) чтобы были призваны к военной службе буржуа и определены в кавалерийские службы, как хорошие наездники и отличные разведчики и 5) чтобы правительство позаботилось о лучшем вооружении войск.

Мы в Чите. Приехали сюда в 12 ч[асов] дня по Иркутскому времени.⁹⁸ Были встречены почетным караулом из прапорщиков местного гарнизона. Я приветствовал их поздравлением с окончанием тяжелого похода, расчистившего путь в Россию и освободившего Сибирь от тяжелого гнета.⁹⁹ Указал, что им предстоит новое сражение — бои на германском фронте, но выразил надежду, что они с честью выйдут из нового испытания. Затем был большой прием должностных лиц, к которым я также обратился с речью, приветствуя их готовность служить Сибирскому правительству и тем пособить ему выполнить свою задачу возрождения государственности в Сибири, а следов[ательно], и России. Призывал их к напряженной работе, чтобы показать, что Сибирь представляет из себя силу, что она может быть государством и предстанет в этом виде перед союзниками. Забайкальская область — первая область Сибири, которая должна встретить союзников. Имел разговор с обл[астным] комиссаром Ант[оном] Матв[еевичем] Флегонтовым, Я.Л.Макаровым, еще знакомым мне со студенческих времен, и с председ[ателем] Земской Управы. Вскоре на прием явился и атаман Семенов. Я его встретил приветствием: «Очень рад встретиться с Вами, полковник, и засвидетельствовать Вам мое удовлетворение, что Вы с Вашим отрядом отдались на служение Сиб[ирскому] правительству» и т[ому] п[одобное] в этом роде. Семенов был, видимо, доволен таким приемом. Семенов — плотно сложенный, кряжистый и хорошо* упитанный истый забайкальский казак, несколько широколицый и скуластый, лет 32-35. Вечером заступающий место начальника гарнизона доложил, что Семенов через своего штабного офицера предложил ему сдать обязанности нач[альника] гарнизона ему, Семенову. От члена Учредительного Собрания Пумпянского получил сообщение, что казаки из отряда Семенова производят самовольные обыски и секут рабочих. Это подтвердил и сполняющий д[олжность] начальника гарнизона. Последний однако своей должности Семенову не сдал. Я решил пока никаких мер воздействия на Семенова на более закономерное поведение его и его отряда не принимать, надеясь, что характер моего приема его может быть заставит его умерить свои притязания и прекратить своеволие своего отряда, тем более, что, по свидетельству тех же лиц за последние дни таких случаев произвола его отрядов не было, не было и попытки Семенова заставить нач[альника] гарнизона подчиниться его распоряжению. Днем осматривал город. Представлял его лучшим, а он довольно грязный и выглядывает бедноватым. Вечером были получены печальные сообщения, что от натиска Красной армии пали Симбирск, Чистополь и Вольск.¹⁰⁰ Ген[ерал] Иванов-Ринов сообщил, что в Омске был князь Львов, первый председатель Вр[еменного] прав[ительств]ва. Он согласился быть от Сиб[ирского] прав[ительств]ва посредником

* Далес зачеркнуто: «сложенный».

перед Америкой по заказу военных припасов и снарядов. На ст[анции] Оловянной¹⁰¹ вновь виделся с ат[аманом] Семеновым. Беседовал с ним по поводу его притязаний на пост нач[альника] гарнизона и слухов о сво-волиях его отряда. Семенов дал объяснение, которым я не мог не удовлетвориться, тем более поверив в искренность его объяснений, что он заявил мне, что он готов всей душой Сибирскому правительству служить и подчиняться его распоряжениям. Окружающие меня [Степаненко, Зе-фиров и Тельберг] не особенно доверяют уверениям Семенова. Я, конечно, более доверчивый человек, да и обстановка заставляет пока резких шагов по отношению к таким все-таки силам, как ат[аман] Семенов, не делать. Подожду. Пешком ходил осматривать довольно большой мост че-рез Онон,¹⁰² разрушенный в боях, сначала большевиками, а потом Семеновым, когда последнему пришлось отступить перед превышающими его силами Красной армии. Мост представлял из себя одну из ярких картин разрушения, вызываемого войной.

Понедельник 3 (16) сентября На одной из станций нашего пути солдат чешского эшелона заявил, что в числе пассажиров нашего поезда он заметил известного ему лично анархиста Гейцмана. Нач[альник] этого эшелона послал в догонку нашего поезда офицера с отрядом чешских солдат, чтобы арестовать опознанного. Сопровождавшие мой поезд офицеры В.С.Сизиков (я его хорошо знал по Томску) и Малафеев заявили мне, что чешский солдат определенно ошибается, опознанный – чиновник М[инистерст]ва вн[утренних] дел Афанасьев, давно им известный, и вовсе не Гейцман, которого они так хорошо знают. Но чешский солдат упорно стоял на своем, говоря, что он твердо узнал в этом чиновнике Гейцмана, с которым он бок-о-бок жил 6 недель. Я решил арестовать Афанасьева и отправить его в распоряжение прокурора Иркутской Суд[ебной] палаты. В воскресенье вечером в составе нашей делегации всесторонне обсуждался вопрос о необходимости Сибирскому прав[ительст]ву взять на себя функции Всероссийского правительства. В этом смысле решено было послать нашей делегации на Уфимском Совещании¹⁰³ телеграмму, за редакцией которой мы просидели всю ночь. Телеграмма была отправлена сегодня в 5 ч[асов] утра.¹⁰⁴ Днем [в понедельник] происходило совещание о том, как отнестись все-таки к правительствам, создавшимся во Владивостоке – к Сибирскому и Хорвату. Решено было единогласно в целом не признавать ни того, ни другого, и если они откажутся от подчинения нашему правительству, то принять самые решительные [меры] вплоть до ареста их состава.

Вторник 4 (17) сентября [События, имевшие место 17-го, 18-го и 19 сентября записываются только вечером 19 сентября.] Сегодня [во вторник] днем мы прибыли в Харбин. Здесь на вокзале я обратился с особым словом к сопровождавшему наш поезд караулу. Мы ожидали, что нас встретит почетный караул из японских и чехословацких солдат. Но ошиблись в расчетах. Ко мне явилась депутация от местных рабочих, жаловавшихся на произвол, чинимый военными властями, поставленными ген[ералом] Хорватом (под командованием ген[ерала] Плешкова). Затем меня посетил британский представитель армии (военный комиссар) сэр Чарльз Элиот. Элиот очень интересовался общим положением дел в Сибири и состоянием

Сибирской армии. Такие уполномочия он имеет от своего правительства. Ч.Элиот свободно говорит по-русски. Затем были дипломатический агент Японии граф Matsudaira с переводчиком Вотонабэ. Этот представитель Японии также много расспрашивал меня о Сибири, о правительствах, там образовавшихся, о состоянии армии и проч[ее].¹⁰⁵ На другой день был у меня ген[ерал] Araki по специальному поручению от японской армии, как он сам объяснил. Со всеми этими господами я был правдив и откровенен, да и не было ничего такого, чтобы надо было скрывать. Кроме того, я знал, что у японцев своя разведка прекрасно поставлена, они и так все хорошо знают. Ген[ерал] Араки был очень любезен и почтителен и не так пытлив, как граф Мацудойра. Был затем у меня С.В.Востротин, мой товарищ по Томской земле. Мы как-будто бы договорились с ним, что Хорват должен очистить пути к единоличной власти в Сибири — Сибирскому правительству, образовавшемуся в Омске, если это правительство отдает должную дань признания за ген[ералом] Хорватом известного рода заслуг по борьбе с большевизмом на Дальнем Востоке и по организации здесь государственности. Затем был у меня прис[яжный] пов[еренный] А.П.Козловский, как представитель владивостокской группы Сибирского правительства. Затем был Александров, тоже присяжный поверенный, в качестве представителя делового кабинета генерала Хорвата. Был затем член суда П.Ф.Добротворский, как частный знакомый мой (он мой однодеревенец, сын диакона в том селе, где отец был священником). Занес карточку М.О.Курский, тоже состоящий в составе делового кабинета Хорвата. Курский мой знакомый по Томску, как постоянный сотрудник «Сибирской жизни».¹⁰⁶ Кроме того, были: корреспондент телеграфного агентства «Рейтер», один сотрудник какой-то китайской газеты, два корреспондента токийских газет. Был также представитель местного комитета эсеров П.В.Ровенский, которого я также много лет тому назад знал по Томску, директор железнодорожного училища Н.В.Борзов, также мой знакомый еще по Томску, где он принимал горячее участие в деятельности Общ[ест]ва попечения о начальном образовании. Был также председатель Харбинского гор[одского] Совета (городской голова) П.С.Тищенко. Окружающие меня были удивлены, что у меня так много рассыпано везде по Сибири вплоть до Дальнего Востока старых знакомых. На приглашение, отправленное через В.Н.Новикова к председателю и прокурору местного Ок[ружного] суда (пограничного), явиться ко мне для представления, председатель Суда В.А.Скворцов, сам по себе, говорят, бесцветная личность, и прокурор Сечкин (когда-то от его имени я вел процесс в Том[ском] Окр[ужном] суде об утверждении его в правах наследства) ответили отказом на простой записке, заявив, что они не считают себя подчиненными Сибирскому правительству, а служат правительству Хорвата.¹⁰⁷ Я думаю, что так научил их сделать состоящий в деловом кабинете Хорвата на правах заведывающего отделом судебным Глухарев, который был когда-то тов[арищем] прокурора в Томске, считался дельным и умным, но определенно правых убеждений. Сегодняшний день (дневник пишется уже вечером в среду)* был посвящен поездкам по лич-

* Согласно «Дневнику на 1918» эта запись была сделана в четверг 6 (19) сентября.

ным покупкам членов делегации. Здесь большое обилие всяких товаров по ценам, значительно ниже сибирских. К вечеру были получены очень беспокойные телеграммы из Уфы и Омска.¹⁰⁸ Вечером было уже первое обсуждение вопросов об отношении к владивостокской группе Сибирского правительства и к правительству Хорвата.¹⁰⁹

Четверг 6 (19) сентября В Никольске-Уссурийском¹¹⁰ неожиданно для нас делегацию встретил председатель владивостокской группы Сиб[ирского] прав[ительств]ва И.А.Лавров (вместо П.Я.Дербера), который приветствовал нас. Был также городской голова Никольско-Уссурийска, председатель Обл[астной] Земской Управы и председатель железнодорожных рабочих.¹¹¹ Я обратился к представившимся с общим приветственным словом. В нем я высказал надежду, что с прибытием на Дальний Восток Сибирского правительства омского состава кончается неопределенность положения власти, произвол местных властей, поставленных от Хорвата и союзниками, и будет оказана защита интересов рабочих. Это слово, было, конечно, некоторым камешком, брошенным в сторону прав[ительств]ва Хорвата, выражением неудовольствия по поводу вмешательства в дела российские и чехов, и японцев. Это было может быть резко, как заявили мне некоторые члены нашей делегации, но, по моему мнению, так именно надо было сказать, чтобы показать свое лицо. Лавров признал в Сибирском правительстве единственно полномочное правительство в Сибири. Но он разумел, вероятно, под Сибир[ским] правительством правительство в составе омской и владивостокской группы. Чувствуется нервное настроение перед предстоящим боем по ликвидации местных правительств, которых здесь оказывается еще несколько. Вечером сегодня приехали во Владивосток.

Пятница 7 (20) сентября Вчера на вокзале мы были встречены группой Сиб[ирского] прав[ительств]ва в лице Н.Е.Жернакова, Краковецкого и др[угих]. Жернаков приветствовал нас от имени представляемой им группы. Но я был в таком нервном настроении, что ничего не усвоил из того, что он говорил, и не знал, что и как ему ответить.¹¹² Но затем меня приветствовал Владивост[окский] город[ской] голова Агарев (бывший русский эмигрант в Америке, возвратившийся только после революции), председатель Обл[астной] Земской управы Медведев. Тогда я нашелся ответить всем общо благодарностью и выражением уверенности, что личные и групповые интересы будут пожертвованы в пользу общих целей.¹¹³ Меня встретил также почетный караул из отряда состоявшего при местной группе Сиб[ирского] пр[авительств]ва. Затем И.А.Лавровым я был увезен вместе с Г.К. и Н.К.Гинсами на автомобиле в резиденцию Сибирского пр[авительств]ва. Там я ограничился тем, что выпил чашку чая и тотчас же уехал. Никаких деловых разговоров не вел. Этот мой шаг, видимо, не всем членам делегации понравился. К нему явно отрицательно отнесся В.Н.Новиков, который сделал даже попытку удержать меня от поездки к этому правительству. По-видимому, и Г.К.Гинс отнесся к нему отрицательно. Поехал со мной, вероятно, с целью удержать меня от каких-нибудь книксенов* этому правительству. Но я и не думал делать

* Кникс (Knicks, нем.) – почтительное приседание перед старшим.

каких-либо авансов ему. Я считал, что это было долгом вежливости к группе, которая по докладу нашего вдумчивого уполномоченного на Дальнем Востоке Л.М.Загibalова, кое-что сделала на Дальнем Востоке в пользу, косвенным путем, нашу, — она не дала усилиться влиянию группы Хорвата, парализовала тенденции японцев влиять на судьбу дел на Дальнем Востоке и, наконец, нельзя же на приветствие отвечать отказом в визите. Тотчас после моего визита к Сиб[ирскому] прав[ительств]ву мы в своем вагон-салоне занялись вопросом о проявлении себя Сибирским правительством на местном горизонте. Тельберг выработал проект обращения к населению о вступлении во власть Сибирского Временного правительства с аннулированием всех других местных правительств. Обращение было составлено в решительном тоне, пожалуй даже в резком и грозном, как может говорить с успехом только правительство, чувствующее за собой силу. Далее, при участии Л.М.Загibalова нами был выработан проект отречения от власти владивостокских правительственных чинов (министров) и благодарственного письма на имя И.А.Лаврова за своевременный в видах общей пользы уход от власти возглавляемой им группы.¹¹⁴ Долго и почти безрезультатно обсуждался вопрос, как быть с правительством генерала Хорвата. Решено говорить с ним в смысле ликвидации деятельности его правительства после того, как будет ликвидирован вопрос с властью владив[остокской] группы Сиб[ирского] пр[авительств]ва, причем решено было завтра к 12 ч[асам] дня пригласить представителей этой группы к себе в вагон, чтобы переговорить с ними о формуле перехода власти единолично к омской группе Сиб[ирского] правительства.

Пятница 7 (20) сентября* Утром велись переговоры с членами Владивост[окской] группы о ликвидации их власти. После долгих переговоров с отдельными членами этого правительства: Тибер-Петровым, Русановым и др[угими], пришли к заключению, что они подадут заявление на мое имя о сложении ими своей власти, или точнее уполномочий Сиб[ирской] Обл[астной] Думы, а мы опубликуем указ об их отставке, согласно прошению. Такой формулой санкционировалось их пребывание в правительстве и санкционировались, как правительственные, их действия, а вместе с тем очищался совершенно путь к единовластию Сиб[ирского] правительства в составе Омской группы. Не все члены Владивостокской группы Сиб[ирского] правительства остались довольны исходом такого рода, в особенности, кажется, был против этого — Моравский, управляющий делами этой группы. Он как-то явно задерживал сдачу дел, как будто бы ожидая какого-то перелома в состоявшемся соглашении. Сегодня же состоялось свидание с ген[ералом] Гайдой. Им заявлено желание быть командующим войсками Сибирской армии. Он дал любопытные сведения о действиях союзников, о правительствах Хорвата, Дербера-Лаврова и др[угих] группировках во Владивостоке правительственного характера. Вот, по моему мнению, меткая характеристика им наших союзников: японцы — своекорыстны, американцы — неискренни, действительными

* Согласно «Дневнику на 1918» эта запись была сделана в понедельник 10 (23) сентября.

друзьями русского народа являются французы и англичане. После долгих колебаний по вопросу о том, как отнестись к пожеланию Гайды стать во главе Сибирской армии мы решили все же просить Омск о назначении его командующим Сибирской армии. Вечером посетил меня известный своим героизмом перед требованиями [выдвинутыми] взбунтовавшимися черноморскими матросами вице-адмирал А. В. Колчак. Он очень сочувственно относится к деятельности Сиб[ирского] прав[ительств]а, рекомендовал мне нескольких своих сослуживцев, находящихся теперь на Дальнем Востоке, для определения на службу. При расставании пожелал в моем лице Сиб[ирскому] правительству дальнейших успехов в насаждении государственности. Колчак произвел на меня очень приятное впечатление. Испитой и суровый на вид, он должно быть в душе очень добрый человек. Удивительно приятна его улыбка. Были у меня и другие морские офицеры, которые информировали о положении местной флотилии.¹¹⁵

Суббота 8 (21) сентября Я был на крейсере «Бруклин»¹¹⁶ у британского посла ген[ерала] Морриса.¹¹⁷ Встреча с почетным караулом в каюте командующего флотом. За мной для посещения Морриса приехал майор Барра. В виду выраженного послом желания ознакомиться с положением дел в Сибири и состоянии Сибирской армии, я ему подробно доложил на поставленные им вопросы. После такого интереса к нам, я ожидал, что он выразит нам чем-нибудь сочувствие британской нации и поможет нашей армии. Каково же было мое разочарование, когда он заявил, что Британия прислала сюда 12 тыс[яч] войска, чтобы помогать чехам, а не русским, подчеркнул он. Он также вполне определенно заявил, что вопроса о признании власти Сиб[ирского] прав[ительства] не может быть поднято и что их войска пока никуда не будут двинуты и что на помощь их Сибирской армии амуницией, снарядами также нельзя рассчитывать. Пожалел, что я так откровенно с ним говорил. Дерберевская группа лишь сегодня к 5 час[ам] вечера принесла заявления о сложении своих полномочий, как членов Сиб[ирского] прав[ительств]а и заведывающих отдельными ведомствами. В виду дошедших до нас слухов, что представители группы правительства Хорвата не намерены легко сложить свою власть перед нашим правительством, а требуют слияния их представителей с Сиб[ирским] пр[авительств]ом, мы решили переговорить с Гайдой [*В 7 часов вечера разговор с генералом Гайдой*], может ли прав[ительств]о рассчитывать на его военное содействие, если бы пришлось насильственными мерами ликвидировать прав[ительств]о Хорвата. Он выразил полную готовность всемерно помогать правительству в этом шаге и в своих без того он достаточно уверен. В 9¹/₂ ч[асов] веч[ера] к нам явились представители группы Хорвата – ген[ерал] Флуг, В. А. Глухарев, А. М. Окороков, С. В. Востротин и Л. А. Устругов. До 12¹/₂ час[ов] мы вели переговоры с этими представителями, но ни до чего положительного мы не договорились.

Воскресенье 9 (22) сентября Утром ко мне явилась делегация от буржуазных организаций, заявивших в довольно требовательном тоне, чтобы при ликвидации всех сибирских правительств при создании Всероссийской власти в виде Директории, о которой теперь идет речь на Челябинском

Совещании,¹¹⁸ генерал Хорват был включен в состав Директории. Я до-вольно твердо заявил, что Сиб[ирское] правительство эту миссию на себя не возьмет, да и едва ли возможны какие-либо достижения в этом смысле, т[ак] к[ак] фигура Хорвата вовсе не всероссийского масштаба и едва ли известная за пределами Дальнего Востока. Ушли явно раздраженные моим ответом. Вечером г[оспода] Востротин, Устругов нанесли мне лич-ный визит. При посещении меня они заявили, что требование о включении Хорвата в состав Директории предъявлено отнюдь не по инициативе ген[ерала] Хорвата, а вытекает из напряженного желанья определенных кругов населения, причем эти круги хотели бы видеть Хорвата, в каче-стве представителя Директории на Д[альнем] Востоке. Забыл сказать, что визит Востротина и Устругова был как бы ответным на мой утренний ви-зит к ген[ералу] Хорвату, в вагоне которого были Востротин и Устругов. Был я также сегодня с визитом у французского посла в Японии Реньо.¹¹⁹ Приятное впечатление после 3[-]часовой беседы. [*Обещание помощи и посредничества.*] После посещения брит[анского] посла Морриса¹²⁰ я разочаровался в характеристике Гайды англичан, как наших друзей, но убе-дился, что он был прав, называя французов нашими истинными друзьями. Реньо обещал со стороны французской нации помощь нашей армии и дружественное содействие нашим достижениям у союзников. Был так-же с визитом у японского ген[ерала] Отани. Визит был сухо принят, я тем же отвечал генералу. Вечером мы получили сенсационное известие из Омска. И.А.Михайлов по прямому проводу сообщил нам, что в Омске Якушевым, Крутовским и Шатиловым поднята агитация против нашей дальневосточной политики. Якушев, Крутовский и Шатилов кем-то аресто-ваны были за эту агитацию, но по распоряжению Административного Совета на другой день освобождены из-под ареста.¹²¹ Странная история и совершенно не ко времени. Я только что говорил Реньо об единстве воли и действий Омского правительства.

Понедельник 10 (23) сентября Снова был у ген[ерала] Морриса. По слу-хам, у этого генерала появилось какое-то новое настроение к Сибир[ско-му] прав[ительств]у. Визит мой показал, что эти слухи имеют свое осно-вание. Он сначала упрекнул Сиб[ирское] пр[авительств]во в том, что мы слишком высокое вознаграждение назначили своим солдатам, что наша небогатая казна не выдержит столь тяжелого бремени, но в конце концов заявил, что он имеет полномочия помочь нам амуницией и деньгами и что помощь амуницией он имеет возможность оказать в самое ближай-шее время. Был также сегодня у графа Мацудойра. Наша беседа продол-жалась более двух часов. Он удовлетворен ликвидацией правительства Дербера-Лаврова и выразил пожелание, чтобы мы объединились с груп-пой ген[ерала] Хорвата. Я поехал к Мацудойра, чтобы поговорить с ним по поводу полученного мною сообщения, что в Чите японцами захвачена в полное свое распоряжение русская радиостанция. Он заявил, что ему об этом ничего неизвестно, но что он сейчас же снесется по этому поводу со своим правительством и выразил надежду, что радиостанция будет воз-вращена читинским властям. Сегодня же получено нами еще одно отрад-ное сообщение, что американским правительством решено послать свой

отряд на Уральский фронт для борьбы с большевиками. Сегодня я был также с визитом в Земской городской управе. Городской голова вручил мне пригласительную карточку на обед, устраиваемый в честьование нашей делегации.¹²² Вечером снова вели переговоры с группой Хорвата. Договорились. Мое впечатление, что мы рано сдали свои позиции и что формулой соглашения с этой группой мы убили идею Сибирской автономии. Хорвату обещали, что он будет включен в состав сибирской Директории, если она будет образована, и будет принят в состав делового кабинета, если Директория образована не будет, причем ему будет предоставлено право занять пост наместника Дальнего Востока.¹²³ Результатом этого соглашения явилась необходимость послать в Челябинск телеграмму на имя сибирской делегации, чтобы она домогалась включения в состав Директории С.А.Таскина (что, надо сознаться, я считаю совершенно безнадежным) и протестовала против включения в состав Директории эсеров типа Зензинова и [генерала] Болдырева, как уже избранного главковерхом, заявляя, что наша делегация желала бы видеть в составе Директории Н.И.Астрова, Н.В.Чайковского, Н.Д.Авксентьева, Таскина и меня. Сегодня происходили знаменательные проводы ген[ерала] Гайды из Владивостока на Западный фронт. Проводы носили помпезный характер. Проводить собрались представители всех иностранных держав, оркестр чешской музыки, цветы, поднесенные дамами. Я сказал речь и закончил ее братским поцелуем ген[ерала] Гайды.¹²⁴ Обращало на себя внимание лишь отсутствие группы Хорвата на проводах.

Вторник 11 (24) сентября Принимал депутацию от союза торгово-промышленников. Очень удовлетворен ее заявлениями. Они признают правительство, возглавляемое мною, как стремящееся к осуществлению республиканского строя и всемерно будут его поддерживать. Английский генерал Нокс, хорошо говорящий по-русски, был у меня с ответным визитом вместе с полковником Эльстоном.¹²⁵ К 7 час[ам] веч[ера] был на обеде, устроенном в Пушкинском театре¹²⁶ городским обществом. Были представители всех иностранных держав. Не было Лаврова и Дербера, не было и хорватцев. Во время обеда я произнес три речи и все экспромтом. Одна на тему о политике Сибирского правительства к Брестскому миру, о создании Сибирской армии, другая — слово благодарности Агареву за устройство обеда, как представителю городского общ[ественного] управления, и третья — исполненная благодарности чехо-словакам. После этой речи член Чехословацкого национального совета д[октор] Гирса подошел ко мне со своего места и крепко меня расцеловал. Обед прошел хорошо, с подъемом. Все говорили о создавшемся объединении, о возрождении русского государства, о восстановлении правового строя и республиканского правительства. Представители иностранных держав уверяли русских в своей готовности идти на помощь России и вместе драться с врагами истинного народоправства.¹²⁷

Среда 12 (25) сентября Появление в хорватовских газетах сообщения, что между Сибирским пр[авительств]ом и правителем Дальнего Востока

* Ошибка. Следует читать: Уфа.

ген[ералом] Хорватом состоялось полное соглашение о слиянии власти взволновало в самых разнообразных тонах различные общественные круги. Мне не понравился тон этих газет, по которому выходило, что наше прав[ительст]во капитулировало перед ген[ералом] Хорватом. Утром ко мне явилась было депутация от местных кадет, чтобы поздравить меня со слиянием власти и выразить свое удовлетворение, что Хорвату оказано должное. Но Г.Г.Тельберг не допустил этой делегации до меня, объяснив, что сведения газет в этом отношении преувеличены и что такое поздравление мне будет скорее неприятно. По поводу этого сообщения утром мне звонил тревожно и городской голова. В 3 ч[аса] дня ко мне явилась депутация от земства в лице членов Управы, встревоженная этим сообщением. Депутация заявила мне, что и они, члены Управы, и служащие ее бросят свое дело, если восторжествует Хорват. Мои объяснения их успокоили, хотя как-будто бы не все им поверили. В 8¹/₂ ч[асов] веч[ера] я был на заседании Гор[одской] Думы, где произнес экспромтом речь на тему об обязанностях городских самоуправлений, о путях, какими должна идти работа Гор[одской] Думы (д[олжны] б[ыть] отмечены воспоминания о большевизме, д[олжна] б[ыть] оздоровлена народная душа, д[олжно] б[ыть] национальное возрождение) дал более категорическое объяснение по поводу переговоров с правительством Хорвата, что было встречено аплодисментами. Вечером, во время совещания делегации по текущим делам в 10¹/₂ час[ов] была получена из Уфы от И.И.Серебренникова телеграмма, поздравляющая меня с избранием в состав Российской Директории. В 11¹/₂ ч[асов] веч[ера] была такая же телеграмма получена от Н.Д.Авксентьева с сообщением, что в состав Директории окончательно избраны: Н.Д.Авксентьев, Н.И.Астров, В.Г.Болдырев, Н.В.Чайковский и я.¹²⁸ Делегация мне аплодировала и пожалела, что по этому случаю негде распить бутылку шампанского. Про себя не скажу, чтобы меня это известие особенно порадовало, я его встретил как-то совершенно равнодушно. Я даже раздумывал, не лучше ли для меня было бы, если бы я был забаллотирован, но избрание меня было несомненным успехом Сиб[ирского] прав[ительст]ва на Государственном Совещании, в чем можно усмотреть доверие к Сиб[ирскому] пр[авительст]ву. Это удовлетворяло меня. В этот же день вечером часов в 7 приехали во Владивосток кн[язь] Г.Е.Львов и Е.Е.Колосов. Львов произвел на меня симпатичное впечатление. Его впечатление, вынесенное из бесед с Гайдой [*Дитерихсом* и *другими*], что у иностранцев нет ничего общего между собой и они плохо понимают психологию русских. Его совет нам — сойтись с группой Хорвата. По поводу окончания выборов в Директорию Г.Г.Тельбергу поручено выработать обращение от нашего имени к населению.

Четверг 13 (26) сентября Нервное заявление атамана Семенова по поводу предания суду (военно-полевому) начальника его отряда на какой-то станции. Посещение Куренковым меня с целью информации об отношениях к кабинету Хорвата. Посещение мною русских миноносцев, стоящих во Владивост[окской] бухте. Поездка в открытое море на миноносце «Лейтенант Малеев».¹²⁹ Обращение к населению по поводу избрания Всероссийской Директории решили передать по прямому проводу

запиской в Омск для санкции. Небольшое совещание с Загибаловым о назначении областных комиссаров. Замечено ослабление к работе в среде делегации. Объяснить это можно лишь естественной усталостью после напряженной и нервной работы.

Пятница 14 (27) сентября Утром получено по телеграфу официальное сообщение о бурных событиях в Омске: об убийстве А.Е.Новоселова и аресте Якушева, Крутовского и Шатилова и о попытках арестовать Грацианова,¹³⁰ о последующем затем распоряжении Всероссийской Директории об освобождении Крутовского и Шатилова. Не могу понять, что за кавардак произошел в Омске. Можно думать, что это было дело рук правых кругов с участием партизанских атаманов. Непонятно, за что был убит Новоселов, вовсе не столь крайне левый. Вечером не в особенно хорошем настроении, под влиянием полученных известий из Омска, был на чехо-словацком концерте. Посол Реньо и д[окто]р Гирса, посетили меня в моей ложе. Кн[язь] Г.Е.Львов пригласил меня еще раз съездить к ген[ералу] Моррису на фрегат «Бруклин» — попытаться получить от него более определенные обещания. Разговор с ним в присутствии инженера Стивенса свелся к организации управления всеми путями сообщения Сибири для установления их большей провозоспособности, продолжался 3¹/₂ ч[аса], а свелся ни к чему. Особая комиссия в составе наших представителей и кабинета Хорвата выработала проект соглашения, который сводился, гл[авным] обр[азом], к тому, что Хорвату обещано включение в состав Директории Сибирской (шестым в «пятерку») и поставление его во главе управления Дальним Востоком. Об этом объявлено населению не было, т[ак] к[ак] наша делегация не считала себя вправе окончательно разрешать такой вопрос, и мы ограничились каким-то неопределенным объявлением о сущности этого соглашения, которым едва ли будет удовлетворена общественность, если только газеты не расшифруют это опубликование.

Суббота 15 (28) сентября Дорогой мы узнали, не помню от кого, что Сиб[ирская] Обл[астная] Дума послала свою делегацию на Дальний Восток (как я и предугадывал в дневнике от 27 авг[уста] — 9 сент[ября]).¹³¹ Такая делегация разрушала единство настроения нашей делегации и могла только затруднить нашу миссию на Дальнем Востоке, где так сложна политическая обстановка. Поэтому наша делегация решила послать [телеграмму] Ирк[утскому] ком[иссару] Яковлеву, чтобы он воспрепятствовал продвижению на Д[альний] Восток этой делегации, а Административному Совету было предложено издать постановление о перерыве работ Обл[астной] Думы, чтобы парализовать вредное влияние ее делегатов на ход совещания в Уфе и Челябинске и попытки ставить нам палки в колеса на Дальнем Востоке. Думская делегация была задержана в пути ген[ералом] Эльцером-Усовым. Но сегодня утром мы получили телеграмму о том, что Сиб[ирская] Обл[астная] Дума не подчинилась распоряжению Административного Совета о перерыве своих занятий.¹³² Обсуждение соглашения с группой ген[ерала] Хорвата. До 12¹/₂ ч[асов] дня я еще не подписал этого соглашения, когда ко мне приехал Л.А.Устругов и под предлогом необходимости некоторых исправлений в этом проекте соглашения взял

от меня этот проект. Вчера вечером ко мне приходили Е.Е.Колосов и Вахмистров и просили меня воспользоваться прямым проводом для переговоров с Обл[астной] Думой. В виду занятой по отношению к Сибирскому прав[ительст]ву позиции Областной Думой и крупных событий в Омске я не считал возможным дать Колосову и Вахмистрову просимого им[и] разрешения — говорить с Обл[астной] Думой по прямому проводу. Днем получил поздравительную телеграмму от И.А.Михайлова по случаю избрания меня в Директорию. — Имели в своей среде совещание о скорейшем назначении областных комиссаров. Как ограничен выбор!... В 4 ч[аса] дня был у Хорвата с просьбой повременить с опубликованием заготовленного объявления о состоявшемся соглашении. Согласился. Вечером ко мне приходил И.А.Лавров для переговоров об устройстве от имени Сиб[ирско]го правительства панихиды по Новоселову. Я охотно и искренне согласился. Мне сообщили, что Моравский под влиянием событий в Омске, информации из Томска, окончательно отказался сдавать дела Владивост[окской] группы Сиб[ирского] пр[авительст]ва нашей делегации. Приемка дел от Моравского была поручена Г.М.Степаненко.

Воскресенье 16 (29) сентября Утром в 9—10 ч[асов] в городе разразилась страшная гроза с большим ливнем. Результат — серьезное разрушение некоторых улиц. В 2 ч[аса] дня имел беседу с Лавровым, Краковецким, Моравским и Жернаковым о панихиде по А.Е.Новоселову и об отношениях к событиям в Омске, Томске и о влиянии их на международные отношения. Вечером совещание нашей делегации при участии Л.А.Устругова и кн[язя] Львова о передаче всех дорог в управление инженера Стивенса.¹³³ По слухам конфликт Обл[астной] Думы с Сиб[ирским] правительством и Административным Советом этого правительства служит предметом самых оживленных толков в среде общественных организаций. В общем, говорят, настроение не в пользу Сиб[ирского] прав[ительства] и Адм[инистративного] Совета. Все это действует на меня угнетающе. Я опять стал плохо спать и чувствую какую-то слабость.

Понедельник 17 (30) сентября Беседа с А.Ф.Агаревым, Медведевым и чл[е]нами Земской управы об отношениях между Областной Думой и Сиб[ирским] правительством, об омском кризисе. [Они] предъявили требование об отмене распоряжения о роспуске Обл[астной] Думы, издании постановления о созыве ее для суждения о событиях в Омске, угроза уйти от прав[ительст]ва и взять на себя функции госуд[арственной] власти на Дальнем Востоке. «Правительство Хорвата возьмет себе власть лишь через трупы имеющих честь беседовать с Вами». Я передаю сущность этой беседы членам делегации. Она встревожила делегацию, признано необходимым подготовиться к борьбе с таким течением. Вечером часов в 10 я подписываю окончательную редакцию основных положений о соглашении с Хорватом.¹³⁴ Вечером же получена телеграмма из Омска от Союза Возрождения¹³⁵ о разрухе в Омске с просьбой немедленно выехать в Омск. Вел беседу с корреспондентом одной влиятельной английской газеты о событиях в Омске. Его мнение — события отрицательно повлияли на готовность иностранцев идти на помощь Сибири. Это я и сам понимаю, но подтверждение этого из уст сотрудника влиятельной иностранной газеты подействовало на меня угнетающе.

Вторник 18 сентября (1 окт[ября]) Приезд во Владивосток команд[ующего] войсками Кадлец[а]. Сначала краткий визит, а затем продолжительный с ним разговор на тему о необходимости мобилизовать офицеров и ликвидации отдельных партизанского характера отрядов. Случай с генер[алом] Плешковым. [Беседа с Д.И.Абрикосовым, советником японского посольства.] Вечером разговор по прямому проводу с И.А.Якушевым о событиях в Омске. Загадочность убийства Новоселова, по его словам, не выяснена. Оно сильно волновало общественное мнение, но теперь наступило некоторое успокоение. По его словам Совет Министров в составе: И.И.Серебренников, И.А.Михайлов, В.М.Крутовск[ий] и М.Б.Шатилов продолжает вести текущую работу без трений, равно без трений ведет свою работу и Административный Совет. Члены Сиб[ирской] Обл[астной] Думы из-под ареста освобождены, печати с дверей сняты. Это было отраднo узнать. В 2 ч[аса] дня в Соборе была отслужена панихида по А.Е.Новоселов[у]. Объявления об этой панихиде были напечатаны от моего и И.А.Лаврова имени. Было масса народа. Чувствовалась напряженность.

Среда 19 сентября (2 октября) Беседа с французским послом Реньо по поводу назначения команд[ующим] войсками Кадлеца. Его опасения — недовольство таким назначением японцев, обострения отношений между отдельными отрядами, вообще он против назначения командующим войсками чеха. При всей своей симпатии к Реньо, я не особенно тепло отнесся к этому его выступлению. В 4 ч[аса] и до 7 вечера вел разговор по прямому проводу с Н.Д.Авксентьевым из Уфы.

Четверг 20 сентября (3 октября) От А.Н.Гаттенбергера из Томска получена телеграмма о событиях в Томске, о роспуске Обл[астной] Думы и предполагающихся восстаниях большевиков в больших городах. Действовал он в качестве губ[ернского] комиссара, по-видимому, энергично, но тон его сообщения не лишен тревоги. Меня посетил Кириллов, агент «Света» и «Моя газета»*.¹³⁶ Он информировал меня о владивостокских настроениях. У левых определенная тенденция свалить центр. Меня упрекают в своеволии, говорят о вредном воздействии на меня окружающих, в особенности Гинса и Тельберга. Я объяснил Кириллову, что в такой сложной обстановке, в какой мне приходится действовать, я ничего не делаю без совещания с членами делегации, но никто из членов совещания не действует из-за каких либо личных или партийных выгод. Гинсу я больше других доверяю, а потому больше всего и прислушиваюсь к его советам, а потому и не принимаю, как должное, упреков в неконституционности действия. У Кириллова проглядывала несомненная ко мне доброжелательность. Имел сегодня с М.П.Головачевым беседу об отрицательном к нему отношении представителей иностранных держав. Результат — подача им прошения об отставке.¹³⁷ Была сделана попытка уладить инцидент с назначением Гайды и Кадлеца. Получены из Читы телеграммы об аресте обл[астного] комиссара Флегонтова и некоторых гласных Думы.¹³⁸ Это обостряет и без того натянутые отношения с атам[аном] Семеновым. В среде нашей делегации

* Так у автора.

обсуждался вопрос о слиянии делового кабинета с Советом Министров правит[ельст]ва. Хорват домогается немедленного назначения его краевым комиссаром (наместником) Дальнего Востока и членом Сибирской Директории. Едва ли при создавшейся теперь Всероссийской власти в лице Директории возможно сейчас удовлетворить притязания Хорвата. Владивостокские земцы стремятся захватить в свое распоряжение губернаторский дом. Местные дела опять осложняются и нет возможности сейчас покинуть Владивосток и ехать в Омск, хотя и тамошние дела требуют концентрации сил сибиряков.

Пятница 21 сент[ября] (4 окт[ября]) Утром беседа с Кадлецом и д[ок]то[ром] Гирсом о затруднительном положении командующего войсками. Гирса выразил пожелание, чтобы чехи ушли с фронта, предоставив русским своими силами разбираться в путанице создавшегося положения. Днем получена телеграмма от 1 октября, предоставляющая мне широкие полномочия о назначении главноначальствующих лиц на Дальнем Востоке, согласно изданному того же октября закону.¹³⁹ Вечером совещание с группой Хорвата. Фрондирующее поведение этой группы. Требование, что[бы] назначение областных комиссаров исходило исключительно и всецело распоряжением Хорвата. Я ушел с этого совещания, будучи вызван к прямому проводу Ивановым-Риновым. По возвращении моем в совещание оказалось, что оно разошлось, не придя ни к какому соглашению.

Суббота 22 сент[ября] (5 окт[ября]) Вчера была получена телеграмма о насилиях, чинимых нач[альником] партизанского отряда есаулом Калмыковым.¹⁴⁰ Беда с этими казачьими атаманами и есаулами. Главное, чувствуешь, что не имеешь сил, чтобы сразу их сократить вплоть до пресечения всякой их деятельности. Не договорившись с группой ген[ерала] Хорвата в деталях о состоявшемся соглашении, мы решили однако объявить о сущности этого соглашения представителям иностранных держав, в виду проявления ими нетерпения знать, в чем же суть нашего соглашения. Я с Хорватом в сопровождении с его стороны дипломатического чиновника Клемм[а], а с моей такового же Гревса (до сих [пор] был моим спутником и переводчиком в сношениях с высокими комиссарами), отправились с особой реляцией, посетили Реньо, Морриса, Мацудойра и Эльстона. Все отнеслись к нам корректно, только переводчик Мацудойры Вотонабе проявил особую назойливость узнать путем многочисленных вопросов подробности соглашения. В общем все выразили удовлетворение, что все кончилось добрым миром. Вопрос о командовании войсками вновь стал на очередь. Переговоры с д[ок]то[ром] Гирсом привели нас к убеждению, что особых возражений против назначения полковника Кадлеца командующим войсками не встречается. Решено Кадлеца назначить. Вечером в театре «Золотой Рог»¹⁴¹ второй концерт чехо-словак[ов]. Прекрасное впечатление от концерта было испорчено сообщением мне послом Реньо в один из антрактов имеющихся у него сведений, что Екатеринбург угрожает опасность быть сданным большевикам. В тоже время он сообщил, что японцы решили дать русским 50 миллионов патронов и обещают возобновить деятельность заводов, изготовляющих патроны.

Воскресенье 23 сент[ября] (6 окт[ября]) День прошел без особых событий. Только В.И.Лебедев сообщил мне о глубоком впечатлении, произведенном на союзников, его докладом о событиях на Приволжском фронте.¹⁴² Заявил, что он едет для информации о российских делах в Японию и Америку. Вечером новая неприятность — получена телеграмма, что последовало распоряжение об эвакуации центральных учреждений из Самары.¹⁴³ Вечером решил развлечься. Поехал на спектакль в летнем театре миниатюр. Театр скверный, публики мало, артисты балаганщики. Вместо развлечения получил огорчение.

Понедельник 24 сент[ября] (7 окт[ября]) Сегодня узнали о попытке ген[ерала] Хорвата проявить себя в деле назначения городского совета в Никольске-Уссур[ийском]. Вечером вся наша делегация была приглашена на обед к послу Реньо. Ген[ерала] Хорвата на обеде не было. Не знаю, не был ли он приглашен, или он сам не принял приглашения.¹⁴⁴ Реньо был ко всем чрезвычайно любезен, как умеют быть любезными только французы. Мне было везде первое место. Обед был очень хорош, хороши и вина, конечно настоящие французские. Были услышаны револьверные выстрелы на Светланской ул[ице].¹⁴⁵ Впоследствии оказалось, что кто-то стрелял в японского солдата, мотивы тоже остались неизвестны.

Вторник 25 сент[ября] (8 окт[ября]) Днем раут от имени командующего американской армией м[айо]ром Гревсом.¹⁴⁶ Сухая закуска, кофе, чай, потом танцы. Обращала на себя внимание одна очень красивая дама. Она оказалась русской. Я почувствовал невольную гордость за свою нацию. Я вел довольно продолжительный разговор на русском языке с представителем французской армии. Он сообщил мне, что Германия предложила союзникам мир за счет России. Твердо заявил, что мир на таких условиях совершенно неприемлем для них. Для союзников важно, чтобы Россия сохранилась, как великая держава. Сегодня я посетил представителя итальянской армии Филиппи. Произвел впечатление искреннего доброжелателя России. Очень милый человек. Обедали у графа Мацудойры. Решили сегодня ночью выехать в Омск.

Среда 26 сент[ября] (9 окт[ября]) Вчера в 12 ч[асов] ночи выехали из Владивостока. Провожала нас бюрократия, Хорват, Устругов, Глухарев, Филиппи, генерал Плешков, Вотонабе. Публики далеко меньше, чем при проводах Гайды и никакого энтузиазма. Представителей демократических кругов на проводах не было. Очевидно, мы своей миссией демократию не удовлетворили. А все же у меня сознание, что наша делегация проделала тяжелую и крупную работу по государственному строительству.¹⁴⁷ На одной из ближайших станций к Харбину вышел нас встречать нач[альник] гарнизона с отрядом солдат Сибирского стрелкового полка. *[Было сделано распоряжение, чтобы вместо того, чтобы приезжать в Харбин ночью, приехать утром в 8 часов.]*

Четверг 27 сентября (10 октября) Приехали в Харбин рано утром. Встречи никакой не было. По объяснению нач[альника] гарнизона встреча готовилась, но станции были сообщены ошибочные сведения о часе нашего прибытия. Провожали нас достаточно торжественно. Почетный караул из охранной стражи и польского отряда (уланы). Был оркестр из

учащихся гимназии, реального училища и коммерческого. Довольно стройный. Генерал Плешков обещал освободить арестованных рабочих и не подвергать их высылке.¹⁴⁸ Днем я сделал несколько деловых визитов. Было много представителей разных ведомств, в том числе предс[едатель] суда В.А.Скворцов и П.Я.Сечкин (прокурор), которые в передний путь отказались явиться ко мне. Я посетил суд, где сделал большое сообщение о том, что сделано Сибирским правительством, гл[авным] обр[азом], в области правосудия и что еще предположено было сделать. Сечкин сообщил, что он получил сведения, что на ст[анции] Маньчжурия¹⁴⁹ отряд Семенова предполагает расстрелять Флегонтова, полк[овника] Шильникова и прис[яжного] пов[еренного] Ваксберга. Тяжело бороться с таким произволом. Тотчас же послал Семенову телеграмму, чтобы он не допускал такого расстрела.

Суббота 29 сент[ября] (12 октяб[ря]) В ночь на субботу, сегодня имели разговор с полковником А[ф]анасьевым на ст[анции] Маньчжурия, под охраной которого находились Флегонтов и Шильников. Ваксберга в числе арестованных не оказалось, он успел скрыться. Из разговора с А[ф]анасьевым выяснилось, что «юридический отдел» при атам[ане] Семенове не знает законов и распоряжений Сибирского правительства (или игнорировал их?) и для суда над опасными для общественного спокойствия элементами руководствуется сводом военных постановлений. Тельберг вручил полк[овнику] А[ф]анасьеву комплект «Собрания узаконений и распоряжений Сибирск[ого] Врем[енного] прав[ительств]ва». Я объявил полк[овнику] А[ф]анасьеву, что всю ответственность за безопасность Флегонтова и Шильникова я возлагаю на него, А[ф]анасьева. На ст[анции] Маньчжурия от И.А.Михайлова получена телеграмма об издании Всероссийским правительством закона о взаимоотношениях правительств Российского и областных. Закон этот нашу делегацию не удовлетворил. Он сводит в сущности на нет существование Сибирск[ого] прав[ительств]ва. Утром сегодня мы подъехали к мосту на р[еке] Онон. Знакомство с инженерами Зурабовым и Козловским. Встреча с В.П.Вытновым. Он сообщил, между прочим, что Цесловские¹⁵⁰ свои каменноуг[ольные] копи продают за 80 миллионов японцам. Лично меня это сообщение заинтересовало в том отношении, что Цесловские, которых я утверждал в правах наследства, обещали мне особый гонорар в случае продаж копей. А с точки зрения государственной этот факт интересен в том отношении, что, если японцы покупают в Сибири предприятия, они, значит, надеются на сохранение правового порядка в Сибири.

Воскресенье 30 сент[ября] (13 окт[ября]) В ночь на сегодня виделся с семеновским полковником Семеновым же, который доложил мне, что против Флегонтова имеются сообщения, что он своими действиями возбуждает против себя Забайкальское казачество, что он вообще вместе с Ваксбергом укрывает большевиков, которых немало среди рабочих ст[анции] Чита 1-ая. Эти рабочие ведут себя вызывающе. Недавно ими ранен семеновский офицер и стреляли в другого. Я все же рекомендовал про-

---

* Так у автора.

явить по отношению к Флегонтову надлежащую законность действия и осторожность к сведениям, полученным о его действиях.

Понедельник 1 (14) окт[ября] Сегодня в 8 ч[асов] утра мы приехали в Иркутск. Здесь нас прежде всего встретил ген[ерал] Иванов-Ринов, который ждал нас здесь в своем поезде.¹⁵¹ По его докладу о положении дел на фронте выходит, что Сибирская армия одна, без участия союзников может справиться на фронте при условии, что союзники дадут тысяч на 200 солдат амуниции, снарядов и патронов, а также деньгами, сколько потребуется на расходы по фронту. Финансовая помощь нужна по мнению Иванова-Ринова в размере 3 миллиардов рублей. Генерал выразил опасение, что союзники, приняв участие на фронте своими войсками, потребуют затем в той или иной форме компенсации. Между тем союзники живыми силами много дать не могут, а с огромной армией не справиться Сиб[ирскому] прав[ительств]ву. Генерал жаловался также, [что] чехо-словаки слишком бесцеремонно и слишком много вмешиваются в наши дела, напр[имер], вмешиваются в события в Омске, много захватывают себе снарядов, винтовок, амуниций, явно обирая сибирские войска. А это вызывает недовольство среди русских солдат. Очень отрицательно также ген[ерал] Иванов-Ринов относится к японцам, в действиях которых он видит осуществление составленного ими плана в такой тяжелой момент жизни Сибири экономической оккупации страны. Он считает своим долгом бороться против таких притязаний японцев. Он это уже дал почувствовать прибывшему с отрядом в 300 чел[овек] в Иркутск японскому генералу Мото и пытавшемуся в некоторых местах ставить свои посты. Когда Ив[анов]-Ринов вступил в переговоры с ген[ералом] Мото, он живо сдал свои позиции, объясняя, что этот отряд составляет его личную охрану и он отнюдь не намерен устанавливать посты, не имеющие исключ[ительно] целью его личную охрану. После разговора со мной Иванов-Ринов пригласил меня на парад сибирских войск на Соборной площади по случаю праздника Покрова Пресв[ятой] Богородицы.¹⁵² Я был на этом параде. Рядовые с командным составом произвели очень хорошее впечатление своим бравым видом, порядком в строю и приличной амуницией. Но тут же выяснилось, что на парад выведены далеко не все солдаты, т[ак] к[ак] часть их должна была быть оставлена в казармах, так как не имела сапог. Перед войсками я сказал коротенькое слово на тему: «возрождается великая Россия, возрождается и ее великая армия». В 2 ч[аса] дня в гарнизонном собрании состоялся торжественный завтрак-обед, устроенный офицерством в честь ген[ерала] Иванова-Ринова. На этот обед были приглашены и все члены делегации. Я сидел с Ивановым-Риновым с одной стороны и с полковником британской армии Уордом (член парламента из рабочих) с другой. Были, гл[авным] образ[ом], начальники отдельных частей, представители областного земства и городского самоуправления. Первую речь на обеде произнес я на тему о том, что на долю офицерства выпала тяжелая задача, но что оно мужественно и стойко вынесло выпавшие на их долю испытания и есть надежда, что былая слава русского офицерства и русской армии вернутся. Дальше я сказал, что приятно видеть на этом обеде знаки объединения офицерства

с земскими людьми и представителями городского самоуправления. На обеде было произнесено очень много речей. По силе экспрессии и мысли произвели большое впечатление речи Г.К.Гинса и английского полковника Уорда. Уорд говорил несколько речей на английском языке, из которых особенно выделялась речь о значении национального флага. Он сказал, что сколько бы ни было революций в Англии, англичане никогда не забудут своего национального флага, не бросят своего короля. Некоторые из присутствующих, в том числе и я, поняли, что не следовало бы менять наш национальный бело-синий-красный флаг даже на бело-зеленый сибирский, который развевался в помещении, где состоялся обед. Мы решили сегодня же ночью покинуть Иркутск.

Четверг 4 (17) окт[ября] Еще на берегах Байкала мы увидели снег. А по дороге от Иркутска был не только снег, но проявил себя и морозец. Но это произвело бодрящее впечатление. До ст[анции] Мариинск мы не имели интересных встреч и не имели волнующей информации. На ст[анции] Мариинск нашу делегацию встретил Томский губ[ернский] комиссар А.Н.Гаттенбергер. Он сделал интересный доклад о томской жизни, о всех перипетиях его борьбы с Обл[астной] Думой, с чешским представителем д[окто]ром Глосс[ом], с профессиональными союзами и проч[ее]. Давно мне знакомый по Томску, Гаттенбергер произвел на всю делегацию самое приятное впечатление. «Настоящий губернатор» сказал по его адресу В.Н.Новиков. Между прочим Гаттенбергер подробно доложил о разгоревшейся стачке железнодорожников в Тайге, о первых робких шагах военных властей к подавлению этой стачки. На ст[анции] Татарской нашу делегацию встретили И.И.Серебренников, Н.И.Петров и Т.В.Бутов. Вели с ними в вагон-салоне продолжительный разговор, имеющий целью осветить нам в подробностях о событиях, разыгравшихся в наше отсутствие в Омске, Томске и Уфе, о первых шагах Директории. Постоянный скептик Н.И.Петров вставлял в разговор иронические замечания о деятельности Директории и о выступлениях ее отдельных членов. Их информация так затянулась, что я, утомленный, ушел спать, но взаимное информирование, кажется, продолжалось еще не мало времени. Чем ближе мы подъезжали к Омску, тем более тяжело становилось у меня на душе. Подняли мое настроение лишь Серебренников, Петров и Бутов, которые все же бодро смотрели на будущее.

Пятница 5 (18) окт[ября] В Омск мы приехали сегодня рано утром. Должны были до 10 ч[аса] ждать на главном вокзале, чтобы к этому времени выехать на вагоне* к городскому вокзалу. Был встречен почетным караулом и оркестром музыки. Были представители Сибирского правительства, почти полностью штат мин[истерства] иностр[анных] дел. Из состава Директории и даже из канцелярии никого не было. В первый день своего приезда в Омск я не был в Директории, хотя управляющему делами,¹⁵³ явившемуся ко мне в квартиру, я сказал, что буду в Директории в 2 ч[аса] дня. Не пошел я туда потому, что отчасти чувствовал себя уставшим с дороги, хотел взять ванну в бане, чтобы освежиться, отчасти мне

---

* Так у автора.

хотелось больше информироваться о намерениях Директории и ее служащих. Но вечером я пошел в Совет Министров, где было назначено заседание, и в Административный Совет. Ядро было старое, но меня поразило многолюдство собрания. На заседании я и Гинс доложили о сущности наших переговоров во Владивостоке с представителями союзников, о ликвидации правительств Дербера—Лаврова. Но доклад закончен не был.

Суббота 6 (19) окт[ября] Сегодня я посетил Директорию. Все, в том числе и управляющий делами А.Н.Кругликов, произвели хорошее впечатление. Один только В.М.Зензинов не произвел определенного впечатления. Он все время упорно молчал. Окружающие Директорию своим внешним видом произвели, напротив, впечатление отрицательное, — они отдавали совдепщиной. На предложение Н.Д.Авксентьева сегодня же принять присягу, установленную для вступления в обязанности члена Директории, я ответил отказом, который был принят с очевидным недоумением. Чтобы не говорить больше на эту тему я тотчас же стал излагать свои впечатления о международном положении на Дальнем Востоке и о переговорах моих с представителями союзных держав. Члены Директории выслушали мой доклад с вниманием, но в конце концов настаивали о скорейшем моем вступлении в Директорию, чтобы открыть всю полноту ее государственной деятельности. Я ответил уклончиво. Я и сам не могу объяснить свою уклончивость в этом отношении. Как-то просто не лежала душа к этому шагу. Я словно боялся, что со вступлением моим в Директорию, исчезнет с горизонта сибирской жизни Сибирское правительство, а мне почему-то было жаль этих последствий. Вот почему мне хотелось прежде всего выяснить, какие намечены Сибирским правительством условия передачи власти Сиб[ирского] прав[итель]ства Рос[сийской] Директории. В этом моем настроении, очевидно, отразилось мое сибирское областничество и мое сибирофильство.

Воскресенье 7 (20) окт[ября] Меня посетил управляющий мин[истерством] вн[утренних] дел С.С.Старынкевич. Он убеждал меня также о скорейшем вступлении в состав Всер[оссийской] Директории. Он мне передал свое впечатление о настроениях офицерства нашей армии. По его мнению в среде офицерства далеко нет единодушия. Есть ориентации на ген[ерала] Иванова-Ринова, есть и на ген[ерала] П.П.Белова*. Есть недовольные Сибирским правительством и лично мною. Меня с одной стороны упрекают в эсеровском уклоне, с другой — в излишнем бюрократизме. Поэтому Старынкевич находит самым своевременным передать всю полноту власти Рос[сийской] Директории, от которой ждут большого единства воли, что Директория, как учреждение Всероссийское, скорее объединит солдат и командный состав ее, т[ак] к[ак] теперь в армии много и чистых россиян, которые никак не могут понять какого-то обособления сибиряков и несочувственно относятся к бело-зеленому флагу. Ничего невероятного в информации Старынкевича я не находил и подумал, что он прав, мне надо поскорее вступить в Директорию и принимать присягу. Старынкевич заявил мне также, что на тяжелом и ответственном посту управляющего мин[истерством] внутренних дел он устал и что в случае организации нового состава Совета Министров при Директории

* Здесь и далее П.В.Вологодский ошибочно называет инициалы П.А.Белова.

он хотел бы занять лишь более спокойный пост мин[истра] юстиции. [*Заседаний ни Совета Министров, ни Административного Совета не было. Днем в воскресенье был с визитом у Степаненко, застал только мадам Степаненко. Никаких особых впечатлений, кроме беседы со Старынкевичем, не было.*]

Понедельник 8 (21) окт[ября] Впервые в соединенном заседании Совета Министров и в Административном Совете обсуждался вопрос об условиях передачи власти Сибирским правительством Всероссийской Директории.¹⁵⁴ Основные положения перехода власти: Сибирское правительство, равно и все областные правительства, прекращают свое существование, Сиб[ирская] Обл[астная] Дума д[олжна] б[ыть] закрыта совсем, Всероссийское правительство в лице Директории, принимает деловой аппарат Сиб[ирского] прав[ительств]ва, составление кабинета Совета Министров д[олжно] б[ыть] поручено мне и я же должен быть поставлен председателем Совета Министров. Такая форма перехода власти для меня вполне приемлема и вовсе не потому, что я остаюсь на высоком посту. Я не страдаю честолюбием, я скорее страдаю недостатком честолюбия. Меня вовсе не прельщают высокие посты и я равнодушно отношусь к почестям, воздаваемым мне, мне искренне кажется, что я вовсе и не заслуживаю таких почестей. Вечером был разговор по прямому проводу с ген[ералом] Ивановым-Риновым, который находится сейчас на Дальнем Востоке. Ив[анов]-Ринов настаивает на скорейшем назначении Хорвата комиссаром Дальнего Востока.

Вторник 9 (22) окт[ября] Сегодня в 5 ч[асов] веч[ера] я, И.А.Михайлов, И.И.Серебренников и Г.К.Гинс посетили Директорию, где изложили намеченные нами условия перехода власти Врем[енного] Сиб[ирского] пр[авительств]ва к Врем[енному] Всероссийскому пр[авительств]ву — Директории. Против ожидания наши условия не вызвали особо неприемлимых возражений. Н.Д.Авксентьев стоял на той точке зрения, что Обл[астную] Думу, напротив, надо собрать, чтобы она производила работы в порядке комиссионном. Он говорил также, что Дума должна быть созвана для выработки положения о выборах в Учредит[ельное] собрание, тогда как мы стояли на той точке зрения, что для выработки положения о выборах в Сибирское Учред[ительное] собрание или иного характера представительный орган должна быть образована с широкими полномочиями особая комиссия, в состав которой могут быть включены члены Сиб[ирской] Обл[астной] Думы настоящего состава. Большие разговоры вызвал также вопрос о премьер-министре [*о председательствовании в деловом кабинете*].¹⁵⁵

Среда 10 (23) октября В час приблизительно ночи в мою квартиру раздался телефонный звонок. Оказалось говорили из комендатуры Совета Министров. Сообщили, что в Совет Министров только что приезжали какие-то офицеры и спрашивали адрес моей квартиры. По впечатлению сообщавшего мне это известие офицеры ищут меня, чтобы арестовать. Я не знал, как мне это понять, всерьез или как какую-то провокацию и решил не спать, а ожидать дальнейших событий. Мне пришлось ждать недолго. Через 1/2 часа приблизительно после этого телефонного разговора я услышал на улице лошадиный топот. Оказывается, что к моей квартире подъехал отряд казаков человек в 25. Через растворенное окно верхнего этажа я спросил казаков,

зачем они приехали. Начальник отряда почтительно ответил, что отряд прислан для охраны меня ввиду распространившихся слухов, что меня и еще некоторых членов Сиб[ирского] прав[ительств]ва хотят арестовать. Я продолжал недоумевать. Через несколько времени снова раздался в мою квартиру телефонный звонок и кто-то, не желавший назвать себя, сообщил, что Директорией издан приказ об аресте меня и И.А.Михайлова. Я еще более недоумевал, какая могла быть причина ареста меня и Михайлова, и по ордеру Директории, членом которой я сам состою. Часа в 3 ночи был снова дан телефонный звонок в мою квартиру. Кто-то спросил меня коротко «Находится-ли при Вашей квартире казачий охранный отряд» — я ответил «да» и хотел спросить, что все это значит, как говоривший отрывисто сказал «благодарю Вас» и дал отбой. Так я не спал почти всю ночь. Наконец, мне эта загадочность надоела и в 6¹/₂ час[ов] после нового разговора с неизвестным лицом по телефону, сообщившим мне, что казачий отряд послан для охраны моей квартиры доброжелательной ко мне группой офицеров и что я могу его держать сколько хочу, а утром этот отряд будет заменен другим, я предложил охранявшему мою квартиру отряду оставить свой пост, что я в дальнейшей охране не нуждаюсь. Сегодня утром выяснилось, что Директорией никакого ордера на арест меня и Михайлова и многих других из состава Сиб[ирского] правительства никому не давалось. Сегодня такой-же казачий отряд был прислан к помещению Директории,¹⁵⁶ где в это время был я вместе с Серебренниковым и Гинсом. Гинсу сообщили, что отряд послан военным начальством для охраны меня от ареста Директорией. Гинс, не сообщая мне об этом тогда-же, сказал нач[альнику] охр[анного] отряда, что в его охране меня нет никакой нужды и что он может уехать. Но он, отказался и остался на своем посту и затем был уже прогнан В.Г.Болдыревым, как верховнокомандующим. Болдырев был крайне возмущен и тем, что было ночью у моей квартиры и что произошло сегодня у дома, занимаемого Директорией. В совместном заседании Директории велись большие споры по поводу потребованного Сибирским правительствам отпуска Обл[астной] Думы. Я и Болдырев из состава Директории высказались за немедленный отпуск Думы, другие члены Директории настаивали на созыве Думы, но только для избрания с[о] своей стороны членов в комиссию по выработке законоположений о выборах в Сибирское Учред[ительное] собрание. Вечером при возвращении из Директории я у своей квартиры увидел опять поставленный караул, на этот раз из 7 солдат-сербов. Я согласился, чтобы караул остался на своем посту. Провожавший меня в автомобиле главнокоманд[ующий] В.Г.Болдырев приказал оставаться караулу на посту впредь до смены его надлежащим начальником. Это было в 11¹/₂ ч[асов] ночи, а в 12 ч[асов] снова прибыл казачий отряд для охраны моей квартиры, но я сказал, что мне довольно охраны из солдат-сербов с офицером-сербом, поставленных распоряжением верховнокомандующим ген[ералом] Болдыревым и что они могут считать себя свободными. Отряд казаков тотчас же отъехал. А я пошел и стал записывать в свой дневник все происшедшее за эти интересные сутки.

Четверг 11 (24) октября Забыл вчера отметить в дневнике два интересных случая в моей жизни. Во вторник 9 октября я был приглашен в квартиру местного торговопромышленного деятеля, стремящегося играть

политическую роль — пароходчика Н.П.Двинаренко. Оказывается в кв[артире] Двинаренко собрались члены Союза Возрождения и пригласили меня, чтобы выслушать мое мнение о проекте состава кабинета министров, спроектированного этим Союзом. По этому списку министром торговли и промышленности был намечен прис[яжный] пов[еренный] Д.С.Каргалов и мин[истром] нар[одного] просвещения Г.Г.Тельберг. Я открыто заявил, что я не буду поддерживать кандидатуры этих лиц в министры. Не согласился я также с забракованием намеченного на пост мин[истра] юстиции С.С.Старынкевича.¹⁵⁷ На пост мин[ист]ра иностр[анных] дел я рекомендовал проводить советника нашего посольства в Токио — Абрикосова, который при посещении нашей делегации во Владивостоке, произвел на всех хор[ошее] впечатление.¹⁵⁸ Кандидатура эта была принята без возражений. У Союза, очевидно, не было своего кандидата, а Ключникова, намеченного Директорией на этот пост, они определено не хотели поддерживать. После этого собрания я пошел на завтрак, устроенный М.П.Головачевым в честь сэра Чарльза Элиота и англ[ийского] ген[ерала] Нокса. На завтраке Н.К.Эльтеков и М.П.Головачев высказались, что было бы более уместным назначить на пост мин[истра] иностр[анных] дел Шекина, тоже члена посольства в Токио. А в среду утром ко мне в квартиру приходили д[окто]р Ишерский, кооператор Куликов и Филашев (Новиков), которые усиленно рекомендовали мне проводить в министры иностр[анных] дел Б.В.Савинкова, как человека популярного среди французов и англичан, много лет прожившего за границей и знающего ее жизнь, а ко всему тому яркого антициммервальдиста.¹⁵⁹ Я дал слово, что я выдвину кандидатуру Савинкова на пост мин[истра] ин[остранных] дел], но едва-ли эта кандидатура пройдет. Авксентьев относится к Савинкову отрицательно. В среду вечером в заседании Директории был поднят вопрос об отправке в частном порядке Е.К.Брешко-Брешковской для пропаганды среди американцев о действительной сущности большевизма. В среду-же, наконец, я подписал клятвенное обещание члена Директории, что, по-видимому, очень удовлетворило остальных членов Директории. Четверг был большим политическим днем, но события его я запишу потом, т[ак] к[ак] изрядно утомлен горячими прениями в Директории по поводу требований Совета Мин[истров] Сиб[ирского] правительства) о роспуске Сиб[ирской] Обл[астной] Думы и списка кандидатов, намеченных в министры Всероссийского прав[ительств]ва.

Пятница 12 (25) октября Вчера в Совете Министров совместно с Административным Советом обсуждался вопрос, как реагировать на постановление Директории о созыве Сиб[ирской] Обл[астной] Думы для выбора своих представителей в комиссию по выработке положения о Сибирском представительном органе. Решено было поставить Директории ультимативное требование, чтобы Сиб[ирская] Обл[астная] Дума не была созвана. Был заготовлен приказ о роспуске Думы с тем, что он будет опубликован, если Директория не изменит своего постановления. Приехав с таким требованием вечером в Директорию, я был встречен там холодно. Н.Д.Авксентьев прямо заявил, что он не считает возможным вести переговоры, если ультиматум не будет снят. Болдырев высказался в

том смысле, что Обл[астная] Дума д[олжна] б[ыть] действительно упразднена, но это д[олжно] б[ыть] предоставлено сделать ей самой, на какой предмет и необходимо только созвать Думу. Ультимативность требования Совета Министров для него также неприемлема. Никакого постановления Директории по этому вопросу так и не состоялось. Как бы восторжествовала точка зрения, что нельзя обсуждать вопрос, когда разрешение его намечено в такой категорической форме. Затем перешли к рассмотрению составленного мною по совещанию с Советом Министров списка кандидатов на посты министров. Решительный протест вызвала кандидатура И.А.Михайлова на пост мин[ист]ра внутр[енних] дел. Находили, что не тактично назначать его на этот пост, так как: 1) он не очистился от обвинений в причастности к инциденту с Крутовским и Шатиловым и со случаем с Новоселовым, 2) такое назначение будет вызовом чехам, распорядившимся в свое время его арестовать, 3) он — символ раздора между Сиб[ирским] правительством и Обл[астной] Думой и между членами самого Сиб[ирского] пр[авительств]а, 4) человек он горячий и неуравновешенный, что вообще непригодно для м[инистра] вн[утренних] дел, 5) с ним откажутся работать Роговский и Глассон (последний намечен в мин[истры] юст[иции]). Однако, ценя И.А.Михайлова, как делового человека, Директория нашла возможным оставить за ним пост м[инист]ра торг[овли] и пром[ышленности], назначив намеченного мною на этот пост А.С.Орлова тов[арищем] м[инист]ра торг[овли] и пром[ышленности] с возложением на него фактического управления мин[ист]рством торг[овли] и пром[ышленности]. Затем сильное возражение встретила кандидатура Б.В.Савинкова на пост мин[ист]ра иностр[анных] дел. Мотив — совершенная неподготовленность его к этой роли. Встретила также возражение на пост Госуд[арственного] Контролера кандидатура Ив[ана] Арс[еньевича] Исаева. Сегодня на меня натиск со всех сторон о кандидатах на посты министров. [*Продолжаются переговоры о составе делового кабинета.*] Представители Союза Возрождения России усиленно настаивают не отступать перед Директорией от требования о назначении И.А.Михайлова министром внутренних дел, и от требования о роспуске Обл[астной] Думы. В обед был у меня представитель чехов майор Кошек и английский консул,¹⁶⁰ которые указывали, что Сиб[ирскую] Обл[астную] Думу необходимо созвать, т[ак] к[ак] это более удовлетворит общественное мнение Англии и Америки, как стран демократических, равно это больше удовлетворит и Национальный Совет чехо-словак[ов], т[ак] к[ак] он всегда выступал в защиту Сиб[ирской] Обл[астной] Думы. В веч[ернем] заседании Административного Совета я выступал в защиту Сиб[ирской] Обл[астной] Думы (необх[одимости] созыва ее) по мотивам удовлетворения чехов и союзников и отсутствия какой-либо опасности конфликтов от созыва Думы. Против моей защиты Думы резко высказался И.А.Михайлов. В пользу моего предложения открыто высказался только И.И.Серебренников. Остальные участники совещания остались на прежней точке зрения, — Думу не созывать. Днем у меня был еще сэр Чарльз Элиот, который высказался против роспуска («разгона», как выразился он) Обл[астной] Думы. Перед заседанием

Админ[истративного] Совета я вновь посетил Директорию, где вновь подвергся обсуждению список кандидатов на посты министров, и вновь самая яркая оппозиция была оказана против назначения Ив.А.Михайлова мин[истром] вн[утренних] дел. Очевидно, позиции Директории и Сибирского пр[авительств]а совершенно непримиримы в этом вопросе. Думаю предложить компромисс — оставить Михайлова в должности мин[истра] фин[ансо]в. Но едва ли и на это пойдет Директория. Мне останется одно отказаться от формирования кабинета, а, может быть, и уйти из состава Дир[ектор]ии, т[ак] к[ак] для меня создается невыносимое положение.

Суббота 13 (26) октября Сегодня была устроена торжественная встреча прибывшему с Востока английскому отряду с полк[овником] Уордом во главе.¹⁶¹ Утром меня вновь посетили представители Союза Возрождения по поводу формирования делового кабинета. Я думаю, что мои коллеги по Сибирскому пр[авительств]у натравливают на меня эту группу, зная мою слабость прислушиваться к общественному мнению. Снова настойчивое требование о включении Михайлова в состав Совета М[инист]ров в качестве мин[ист]ра вн[утренних дел]. Сегодня я был вызван в качестве свидетеля в учрежденную Директорией Верховную Следственную комиссию по поводу убийства Новоселова и всех событий в связи с этим убийством, имевших место в Омске. Очень подробно Комиссия задавала мне вопросы (гл[авным] обр[азом] А.А.Аргунов) об отношениях Сиб[ирского] Вр[еменного] пр[авительств]а к Сиб[ирской] Обл[астной] Думе и о политическом *credo* И.А.Михайлова.¹⁶² Вечером меня посетила делегация от Сибирского казачества. Она также настаивала, чтобы Дума была распущена. О кандидатах в министры эта делегация ничего не говорила. Вечером на заседание Совета Министров совместно с Админ[истративным] Советом явилась в полном составе Директория. Дебатировался вопрос о судьбе Сиб[ирской] Обл[астной] Думы. Представители Сиб[ирского] прав[ительств]а, говорившие по этому поводу, все были за то, чтобы Обл[астная] Дума была распущена распоряжением правительства. Горячо возражал против этого предложения Н.Д.Авксентьев. Выяснилось, что Административный Совет уже имел по этому вопросу частное суждение, вопрос был подвергнут баллотировке, причем оказалось, что 14 чел[овек] высказалось за немедленный роспуск Думы распоряжением С[ибирского] правительства, один против роспуска и один воздержался. Постановление этого частного совещания решено не ставить ультимативно. Это уже была уступка Директории, вполне тактичная. После этого совместного заседания с Административным Советом, Директория имела снова по этому вопросу совещание, на котором решено было, не допуская по этому вопросу явного разрыва, ответить письменно, не отказываясь от своей точки зрения, если распустить Думу, предоставить ей самой это сделать.

Воскресенье 14 (27) октября Новый натиск на меня. Утром у меня был член Национального чешского совета Ф.И.Рихтер, который в раздраженном тоне заявил, что роспуск Обл[астной] Думы и включение в состав Совета Мин[ист]ров Михайлова будет вызовом Нац[иональному] Совету и создаст лишний повод для чешской армии бежать из Сибири и бро-

сильную борьбу с наступающей красной армией. Но вскоре после посещения меня Рихтером, ко мне пришли известные кооператоры Балакшин, Куликов и Филашев-Новиков и снова настаивали, чтобы я не отступал перед Директорией от своего требования о роспуске Сиб[ирской] Обл[астной] Думы распоряжением Сиб[ирского] пр[авительств]а и о включении в состав министров Михайлова в кач[естве] М[инист]ра внутр[енних] дел. На заседании Директории было заявлено, что, по-видимому, отрицательное отношение к Директории со стороны некоторых общ[ественных] сибирских кругов д[олжно] б[ыть] отнесено на счет участия в составе Директории Авксентьева и Зензинова и что они решили выйти из состава Директории и объявить о мотивах своего решения. Я имел совещание с Г.К. Гинсом, Г.М. Степаненко и Филашевым о создавшемся положении. Решено пойти на уступки: требовать включения Михайлова в состав министров, но оставив его только на посту м[инист]ра финансов, а в отношении вопроса о роспуске Обл[астной] Думы предоставить Директории свободу действий. Участники совещания обязались воздействовать в этом смысле на своих единомышленников, а я заявил, что я откажусь от формирования кабинета и выйду из состава Директории. Мне вся эта канитель надоела и я не могу выносить столь затруднительного своего положения, если Административный Совет не пойдет на этот компромисс. На вечернем заседании Директории (с 10 час[ов]) все члены Директории, кроме Авксентьева и Зензинова пошли на этот компромисс. В конце концов, Авксентьев просил оставить за ним право сказать свое последнее слово завтра. В заседание Директории (т[о] е[сть] в помещ[ение] д[иректории]) приезжал Филашев, вызвал меня и спросил меня, как идут дела о сформировании кабинета министров, я ответил: «налаживаются, но я должен был согласиться на назначение Е.Ф. Роговского тов[арищем] мин[истра] внутр[енних] дел». — «Ни в коем случае», быстро и нервно дал мне реплику Филашев и быстро повернулся к выходу, даже не сказав мне, кажется, до свидания. Подумаешь, какое Его Величество!¹⁶³

Среда 17 (30) окт[ября] Понедельник, вторник и сегодняшний день прошли целиком в переговорах о включении Михайлова в состав делового кабинета с одной стороны и Роговского с другой. Но сегодня вечером Авксентьев и Зензинов уже не настаивали на исключении Михайлова из состава министров, но решительно потребовали о назначении Роговского тов[арищем] мин[истра] внутр[енних] дел с возложением на него обязанностей заведывания милицейской и сыскной частью. Во вторник днем ко мне явились Кошек (капитан или майор чех[о]слов[ацкой] армии), английский полковник Нильсон и американский консул Грей и заявили мне что они, представители дружественных России держав, имели совещание и нашли, что они очень заинтересованы в том, чтобы объединение правительств Всероссийского и Сибирского состоялось и что мне надо устранить все препятствия к этому, найдя какой-нибудь компромисс, если нельзя достигнуть соглашения на требования той или другой стороны. Я предложил явившимся подать мне письменное заявление по этому поводу. Кошек ответил, что они этого сделать не могут, т[ак] к[ак] по инструк-

циям своих правительств они не могут вмешиваться во внутренние дела русских. Задача их настоящего визита была лишь осведомить меня о настроениях союзников и их армии. В среду днем Админ[истративный] Совет имел суждение о кандидатуре Роговского в тов[арищи] мин[истра] вн[утренних] д[ел]. Он согласился на его назначение тов[арищем] мин[истра] вн[утренних] дел, но без оговорки, что ему предоставляется заведывание милицейской и сыскной частью, что за мин[истром] вн[утренних] д[ел] д[олжно] б[ыть] оставлено право распределять между своими товарищами служебные обязанности. [*На это не согласилась Директория.*]

Четверг 18 (31) окт[ября] Переживаю крайне тяжелое душевное состояние. При такой обостренности отношений между Директорией и Сибирским правительств[ом] ничего нельзя ожидать в будущем. Можно думать, что между Директорией и Советом Министров всегда будут создаваться конфликты, какая-же это будет дружная государственная работа, если самая основа работ начнется с компромиссов. Мне в сущности ничего не остается делать, как отказаться от формирования и уйти из состава Директории, но это — начало развала всероссийской власти и это не спасет Директории. Однако я подал сегодня в Административный Совет заявление, что я отказываюсь формировать деловой кабинет Директории и должен уйти из состава Сиб[ирского] правительства и Директории, если Адм[инистративный] Совет не примет последнего компромисса о сформировании дел[ового] кабинета. Заседание Административного Совета по поводу моего заявления происходило в мое отсутствие. Кажется, сейчас мне объявят его результаты. Сейчас мне сообщили, что постановил Адм[инистративный] Совет. «Считая совершенно необходимым сохранение П.В.Вологодского в качестве члена Всероссийского Врем[енного] правительства и в качестве Председателя Совета Министров, Административный Совет нашел возможным выразить согласие на назначение Е.Ф.Роговского на должность тов[арища] мин[истра] внут[ренних] дел заведывающего милицией». ¹⁶⁴ Это постановление Администр[ативного] Совета я объявил Директории в 7 ч[асов] веч[ера]. Все не скрывали своей радости, что, наконец, удалось достигнуть соглашения по острым вопросам разногласия в деле формирования делового кабинета. Этим соглашением окончательно разрешался вопрос о вступлении в жизнь Директории. Но вице-адмирал А.В.Колчак, о назначении которого Военным и морским министром не встретило ранее возражений ни с чьей стороны, чуть не расстроил наладившегося соглашения и влил горечи в радостное настроение Директории, он резко запротестовал против назначения Роговского тов[арищем] министра внутр[енних] дел. Неужели это влияние членов союза возрождения России, которому, по слухам, Колчак сильно симпатизирует? Надо сказать, что в период формирования кабинета я получил телеграмму от амер[иканского] полк[овника] Гревса и через ген[ерала] Белова от ген[ерала] Бобрика, предупреждающих меня от назначения Колчака министром, как природы неуравновешанной. В Административном Совете очень резко против кандидатуры Колчака выступал С.В.Востротин. Но Адм[инистративный] Совет не внял голосу Востротина. Не вняла и Директория протесту Колчака по поводу

назначения Роговского тов[арищем] мин[ист]ра вн[утренних] д[ел]. На радостях Директория решила устроить банкет.хлопоты по устройству этого банкета взял на себя Авксентьев.

Пятница 19 окт[ября] (1 ноября) Тяжелая ноша свалилась с моих плеч. Но я как-то сразу ослабел. Должно быть последние дни я жил только нервами. Но вчера уже я заметил за собой упадок сил. На дневном заседании Администр[ативного] Совета я был крайне рассеян. Так, Шумиловский во время заседания мне задал каких-то два деловых вопроса, но я их моментально забыл и вынужден был просить его повторить мне их, а теперь я их снова не могу вспомнить, и решительно не помню о чем шла речь. В Администр[ативном] Совете при участии уже военного мин[ист]ра Колчака был поднят вопрос о назначении помощников военного министра. Нужно сказать, что в телеграммах Гревса и Бобрика, о которых я говорил вчера было высказано пожелание о назнач[ении] военным м[инист]ром ген[ерала] Иванова-Ринова, который на Дальнем Востоке взял верный и твердый тон. Я сообщил об этих телеграммах И.И.Серебренникову и мы с ним заикнулись было о назначении Иванова-Ринова пом[ощником] мин[ист]ра военных дел, но против этого категорически запротестовал Колчак, заявив, что им уже намечены свои помощники: Н.А.Степанов, которого он мне рекомендовал еще при свидании со мной во Владивостоке для привлечения к работе в Сиб[ирском] пр[авительстве], и Сурин.

Суббота 20 окт[ября] (2 ноября) Вчера, сделав короткую запись в свой дневник о событиях дня, я в 6 ч[асов] веч[ера] лег отдыхать и проснулся лишь в 10 ч[асов], напился чаю и снова лег спать, проспал крепким сном до 7 час[ов] утра. После такого продолжительного сна я почувствовал себя бодрым, а то я, было, совсем испугался своего утомленного состояния. Боялся даже позвать доктора, а вдруг он скажет: «кажет[ся], довели себя до анемии мозга». Сегодня было заседание Директории с участием Г.К.Гинса и Антропова. Намечены были акты и декларации от имени Всероссийского и Сибирского прав[ительств], обсуждались вопросы практического свойства, вызванные слиянием правительств. Сегодня-же вел разговор по прямому проводу с Ивановым-Риновым. Он выразил неудовольствие по поводу исключения из сферы влияния Хорвата Забайкальской области.

Воскресенье 21 окт[ября] (3 ноября) В Директории обсуждалась декларация от имени Всероссийского правительства о вступлении во власть, проекты указов о назначении министров, об издании «Всероссийского правительств[венного] вестника», споры о редакторе Кудрявцеве и заведывающем бюро печати — члене Учр[едительного] собр[ания] Минине. В заседании Совета Министров в мое отсутствие разрешен вопрос об отставке мин[истра] торг[овли] и промыш[ленности] П.П.Гудкова, об его заместителе и проч[ее].

Понедельник 22 окт[ября] (4 ноября) В заседании Директории окончательно выработаны и подписаны указы о назначении министров Всероссийского правительства, декларация Всер[оссийского] прав[ительств]ва,¹⁶⁵ положение о бюро печати и об изд[ании] «Вестника Всероссийского Врем[енного] пр[авительств]ва».¹⁶⁶ До заседания Директории меня вновь по-

сетил Н.А.Филашев и опять с протестом против намерения Директории о назначении заведывающим бюро печати и ред[актором] прав[ительственного] Вест[ника] Минина, как узкого эсера. Но он же мне сообщил об интересном факте. За подписью Чернова и др[угих] членов ЦК п[артии] С[оциалистов-]Р[еволюционеров] в Екатеринбурге вышла декларация-прокламация, в которой в сильных выражениях разделяется Сиб[ирское] пр[авительств]во, оно называется оплотом реакции и население призывается к беспощадной борьбе с этим правительством.¹⁶⁷ На мой вопрос издана ли эта прокламация именем Центрального Комитета партии эсеров или только за подписью лиц, которые состоят членами этого комитета, Филашев мне ответить не мог. Я задал ему этот вопрос потому, что член Директории В.М.Зензинов тоже состоит членом Центр[ального] ком[ите]та этой партии, и с ведома или даже без ведома его издана эта прокламация он должен считаться ответственным за появление на свет такой прокламации. Филашев не мог ответить мне определенно на этот вопрос, но обещал мне достать самый текст прокламации. Предвижу снова конфликт по поводу этой прокламации. Я должен буду протестовать самым резким образом против появления таких прокламаций.

Вторник 23 окт[ября] (5 ноября) Сегодня под моим председательством происходило первое заседание Совета Министров, сформированное Директорией, как Всероссийским правительством. В это заседание явилась Директория в полном составе. Н.Д.Авксентьев огласил главные акты, объединившие власть Сиб[ирского] и Всер[оссийского] пр[авительств]в, грамоты и приветствовал первое заседание Совета Министров. После чего он покинул зал заседания. Я в свою очередь, вступив в права председателя, объявил первое заседание Совета Министров Всер[оссийского] правительства открытым, огласил грамоты Сибирского пр[авительств]ва о самоупразднении и сказал речь, заключавшую в себе благодарность сочленам своим по Сиб[ирскому] пр[авительств]ву за проделанную ими тяжелую при неблагоприятных условиях государственную работу. Благодарил также и Административный Совет за содружескую с Советом М[инистро]в и плодотворную работу по текущим вопросам. Наметил я слегка и программу предстоящей работы. После чего И.И.Серебренников прочел постановление Административного Совета от 3 ноября о предоставлении мне звания почетного гражданина Сибири.¹⁶⁸ После короткого заседания члены Сиб[ирского] прав[ительств]ва и Адм[инистративного] Совета отравились в гарнизонное собрание¹⁶⁹ на товарищ[еский] ужин, устроенный в честь мою членами Административного Совета.

Среда 24 окт[ября] (6 ноября) Сегодня состоялся обед-банкет по поводу объединения Сиб[ирского] правительства с Директорией. Были приглашены все члены Директории, Сиб[ирского] правительства, министры, высшие военные чины, представители казачества, союзных держав (ген[ерал] Нокс, Слотер, Нетteman, Уорд и предст[авитель] Японии).¹⁷⁰ Было произнесено много речей. Больше всех говорил Авксентьев. Как политический оратор Авксентьев славился в Петербурге своими речами, его называли, кажется, «оратор-Солнце». Я не скажу, чтобы он мне очень понравился. Он говорил красиво построенными периодами, но напышено,

не чувствовалось в нем души. Как говорят про таких ораторов русские адвокаты: «он оратор французской школы». Много треску, но мало содержания. Я произнес на банкете речь, в которой провел мысль, что Сиб[ирское] пр[авительств]во, при всей неподготовленности своего состава к государственной деятельности, удачно справилось с поставленными ей историческим моментом задачами, благодаря тому, что оно нашло для своей деятельности почву, достаточно взрыхленную и подготовленную для восприимчивости государственности беспримерно самоотверженной и мужественной деятельностью офицерства, которому помогали и земства, и города. Тост был принят дружными и продолжительными аплодисментами и отдельным чоканием бокалами. Я заметил, что он хорошо был принят офицерством. Слабее реагировали на речь союзники.¹⁷¹

Четверг 25 октября (7 ноября) Жизнь пошла обычным темпом деловой работы. Директория была встревожена рядом телеграмм с мест угрожающего характера по поводу недостатка денежных знаков. Днем я вел разговор с уполномоченным Сиб[ирского] пр[авительств]ва Афанасьевым по поводу образования Амурского прав[ительств]ва. Требования председателя этого прав[ительств]ва Алексеевского я признал совершенно неприемлемыми и категорически заявил, что мы будем брать это правительство экономическим измором, если оно добровольно не подчинится.¹⁷² В Директории было суждение, как поступить с теми, кто выпустил 22 октября в Уфе (а не в Екатеринбурге, как говорил Филашев) прокламацию, профанирующую Сиб[ирское] пр[авительств]во. Все отнеслись отрицательно к такому выпад эсеров. Я задал Зензинову прямой вопрос, известно ли было ему, как члену Центр[ального] ком[ите]та партии эсеров, о намерении последних издать такую прокламацию. Он ответил, что ему по этому поводу ничего не было известно, и что к появлению ее он отнесся отрицательно и в этом смысле написал в Центр[альный] комитет протест. Я настаивал, чтобы Директория немедленно распорядилась о немедленном же аресте авторов этой прокламации, не останавливаясь перед арестом председ[ателя] Учр[едительного] собрания Чернова. Но большинством было решено разрешить этот вопрос после роспуска Сиб[ирской] Обл[астной] Думы, заседание которой по этому поводу назначено на 10 ноября. Было выражено опасение, что на почве ареста председ[ателя] Учр[едительного] собр[ания] произойдет сложный конфликт. Конечно, такое решение будет иметь своим последствием, что такой вызов Сиб[ирскому] прав[ительств]ву останется без возмездия. Ищите потом в поле с ветром авторов этого воззвания.

Пятница 26 октября (8 ноября) Было заседание Директории без участия Авксентьева, который уехал в Томск для самороспуска Сиб[ирской] Обл[астной] Думы. На этом заседании был заслушан подробный доклад или, вернее, доклады И.А.Михайлова, Н.Д.Буяновского и А.А.Скорехова о финансовом положении Сибири и денежном кризисе в ней. По докладам этих лиц выходило, что финансовое положение страны надо считать удовлетворительным, но денежных знаков в стране, действительно, недостаточно и без выпуска новых ден[ежных] знаков обойтись нельзя. Но в декабре должны привести из Америки особые денежные знаки, за-

казанные там еще для Временного прав[ительст]ва Керенским, на сумму три миллиарда четырехста миллионов [рублей], что совершенно достаточно для текущих нужд денежного рынка.¹⁷³

Суббота 27 октября (9 ноября) Ко мне явилась депутация от «несоциалистических элементов г[орода] Екатеринбургга» с жалобой на образ действия в Екатеринбурге поселившихся там членов Учред[ительного] собрания, почти исключительно эсеров. Они выступают часто с публичными докладами против восстановления дисциплины в армии, издеваются над введением в армии погон и возбуждают население против Сибирского правительства. Очевидно, прокламация от 22 октября проводится в жизнь. Депутация просит принять решительные меры против таких действий членов Учредительного собрания, лучшей из которых они находят совершенное изгнание их из Екатеринбургга и расселение их по местам, где нет ни сосредоточения рабочих, ни воинских отрядов. Депутация просила также назначить на Уральский край генерал-губернатора, облеченного высшей гражданской и военной властью для быстрого реагирования на вредные действия антиправительственных элементов и более срочного разрешения текущих местных вопросов. Указали также на необходимость пересмотра положения о выборах в Учред[ительное] собрание, в земские собрания и в гор[одское] самоупр[авление]. Вечером И.А.Михайлов сообщил, что Гайда потребовал от Болдырева немедленного удаления со службы ген[ерала] П.П.Белова, как заподозренного им в шпионаже.¹⁷⁴ Слухи о нем доносились как о подозрительном лице, переименившем свою чисто немецкую фамилию на русскую. Даже ген[ерал] Иванов-Ринов, высоко ценивший Белова, как дельного начальника штаба и военного администратора, был обеспокоен этими слухами. Лично думаю, что это шпиономания. А со стороны Гайды такое отношение к Белову понятно, Белов всегда сдерживал различного рода притязания Гайды и вообще чехословацкие.

Воскресенье 28 окт[ября] (10 ноября) Утром в 10 ч[асов] приехал в Омск французский посол в Токио г[осподин] Реньо, который во Владивостоке во время моего там пребывания проявил столь дружественное расположение к Сиб[ирскому] правительству. Реньо был встречен почетным караулом и министрами Уструговым, Грациановым, Ключниковым и Жуковским. Со мной Реньо был по-прежнему любезен и предупредителен. Часа в три был у меня с визитом вместе с Буржуа. Днем в театре был спектакль с концертным отделением, устроенный Союзом Возрождения России в память столетия рождения И.С.Тургенева, а вечером повторение спектакля от имени гор[одского] общ[ественного] управления, при чем, как прологом этого спектакля, явилось торжественное заседание городской Думы, посвященное памяти великого писателя земли русской.¹⁷⁵

Понедельник 29 окт[ября] (11 ноября) День прошел без особых событий. Вечером было третье заседание Совета Министров Всер[оссийско]го прав[ительст]ва, в котором подвергся продолжительному обсуждению вопрос о порядке отпуска сумм и авансов на заготовительные операции. После обсуждения этого вопроса я по нездоровью оставил заседание, предоставив Совету из своей среды выбрать председательствующего. Со-

вет выбрал И.И.Серебренникова. На этом заседании и был рассмотрен вопрос об образовании Малого Совета, для председательствования в котором Директорией намечен В.А.Виноградов. Затем я занялся рассмотрением дел ведомства иностр[анных] дел и документов, найденных у машинистки Л.А.Рерих, и заключающих по словам нашей контрразведки доказательства подпольной работы против Рос[сийского] правительства какой-то группы членов Учред[ительного] собрания.¹⁷⁶

Вторник 30 окт[ября] (12 ноября) Сегодняшний день был днем тревоги. Ко мне снова являлись две делегации с ходатайством о скорейшем разрешении вопроса об Уральском ген[ерал]-губернаторстве [чтобы на Урале был назначен генерал-губернатор из военных], усиленно рекомендуя на этот пост кн[язя] Голицына. Делегации проявили нетерпение в разрешении правительством этого насущного вопроса Уральского края.¹⁷⁷ Вечером в Директории Л.А.Устругов сообщил, что ген[ерал] Гайда телеграфировал всем командирам своих эшелонов и комендантам лагерей быть готовыми к решительному выступлению и стягивать свои части к Омску. Телеграммы Гайды вызваны тем, что прав[ительств]о осталось неудовлетворенным его требованием об удалении со службы Белова, равно тем, что чехо-словацкие дивизионы пополнены частями Сибирской армии. После заседания Директории от имени ген[ерала] Белова явился ко мне ген[ерал] Михайлов с извещением о тех же действиях ген[ерала] Гайды. Затем явился ко мне Кошек. Он явно неодобрительно отнесся к выступлению Гайды, но высказался в том смысле[, что] для успокоения Гайды и некоторой группы его офицеров следовало бы устранить Белова из штаба армии. Однако-же, ген[ерал] Гайда становится человеком беспокойным, как будто вступившим на путь авантюризма. Можно, пожалуй, подумать о том, чтобы сократить его прыть. Но жаль и даже опасно потерять его, как военную силу и авторитет.

Среда 31 окт[ября] (13 ноября) Сегодня в Омск прибыл французский батальон. Вместо 12 ч[асов] дня, когда ожидалось прибытие этого батальона, он прибыл только в 6 ч[асов] веч[ера]. Батальон встречало очень много народу. В Кадетском корпусе¹⁷⁸ для войск был устроен обед, а для французского офицерства обед в Гарнизонном собрании. Обед ознаменовался инцидентом. Один из офицеров отряда Красильникова или даже Красильников потребовал от оркестра исполнения гимна «Боже, царя храни!». Произошло замешательство, одни встали, другие сидели, кое-кто протестовал, другие возражали.¹⁷⁹ Присутствовавший на обеде проф[ессор] Н.Я.Новомбергский стал говорить речь на тему о том, что русским никак не хочется расставаться с дивной музыкой этого гимна и что требование играть его вызвано лишь желанием услышать эту дивную музыку, но русский народ не сложил еще слов для своего нового гимна и не придумал для него музыки. На эту речь, по рассказам присутствующих на обеде, атам[ан] Красильников реагировал тем, что вынул из кобуры свой револьвер и направил его в сторону проф[ессора] Новомбергского, угрожая его застрелить. Всем происшедшим были крайне смущены французские гости и, пожалуй, больше других французский посол Реньо, и стал[и] один за другим выходить из-за стола и покидать зал: «Так

кончился пир их бедою».¹⁸⁰ Вечером сегодня же был в Коммерческом собрании устроен концерт, на который явилось много бывших на обеде для французских гостей. Видно было, что на обеде выпито было немало. Один из чиновников министерства финансов, бывший личный секретарь мин[истра] нар[одного] просв[ещения] Сапожникова рассказывал, что он был в числе неподнявшихся при гимне «Боже, царя храни» и он слышал, как по его адресу раздавались открытые угрозы расправиться с ним, как с «паршивым эсером». Этот, именно, чиновник и донес особым рапортом обо всем, происшедшем на обеде, соответствующему начальству. Весь этот инцидент произвел большую сенсацию в общественности и в печати. Офицеры отряда Красильникова, настаивавшие на том, чтобы оркестр играл этот гимн на другой день оказались выехавшими на фронт, а Красильников извинился перед ген[ералом] Матковским, что все это он проделал в пьяном виде и допустил что-то непозволительное, просил даже подвергнуть его наказанию. Так мне рассказывал сегодня 1/14 ноября, когда я дописывал свою запись за 31 окт[ября]/13 ноябр[я] в дневник, сам ген[ерал] Матковский.

Четверг 1 (14) ноября В Директории главковерх Болдырев доложил, что он приказал произвести самое строгое расследование об инциденте с гимном, чтобы наказать виновных в инициативе игры гимна, и издан приказ, осуждающий поведение офицеров, присутствовавших на обеде. Он же сообщил, что на вокзале при ст[анции] Омск найден пригвожденный к вагону офицер. В Директории обсуждался доклад упр[авляющего] м[инистерст]вом труда Л.И.Шумиловского о ближайших задачах мин[истерст]ва труда Всероссийского прав[ительст]ва. Я был как-то рассеян на этом заседании, а потому не вслушивался и не вдумывался в его суть.

Пятница 2 (15) ноября Днем был завтрак в честь французского посла Реньо. Завтрак был устроен наспех в изолированной столовой коммерч[еского] клуба. Кроме Реньо был командир французского батальона, все члены Директории, два товарища министра иностранных дел и др[угие], всего в количестве 17 чел[овек]. Завтрак прошел вяло, без речей, только Н.Д.Авксентьев провозгласил тост почти буквально в следующих словах: «Мы иногда поднимаем тосты за союзников с задними целями. За французов мы пьем без всяких задних целей». Тост не произвел особого впечатления, почему, мож[ет] быть, никто и не говорил речей. Вечером было совместное заседание Директории с Советом Министров для разрешения вопроса о тяжелом положении страны в финансово-экономическом отношении. На эту тему был заслушан интересный доклад И.А.Михайлова и ряд речей участников совещания, но существенного вывода сделано не было. Создана была лишь комиссия для распределения между ведомствами имеющихся средств. В конце заседания, в присутствии только членов Директории тов[арищ] мин[ист]ра вн[утренних] дел Е.Ф.Роговский сообщил, что по имеющимся у него агентур[ным] сведениям в Омске готовится правыми кругами свержение правительства и Директории, что по этому поводу замечено большое брожение среди офицерства и армии и справа, и слева. Рабочие-же сравнительно спокойно и лояльно держатся по отношению к Директории. Предложено Роговскому усилить

разведки по этому предмету и принять некоторые предосторожности, но в общем отнеслись довольно спокойно к сообщенному Р[оговск]им [и напрасно].

Суббота 3 (16) ноября Было чрезвычайно интересное заседание Совета Министров. По случайному поводу в Совете подверглась резкой критике деятельность Директории. Указывалось, что она, во-первых, издала целый ряд законов и указов без предварительного рассмотрения их в Совете Министров, между тем эти законы существенно затрагивают интересы ведомств и вовсе не способствуют установлению порядка в стране и к укреплению авторитета власти; затем, находили, что Директория проявила вялость власти, т[ак] к[ак] не реагировала надлежащим образом на выступления справа (пение гимна на обеде в честь франц[узских] войск), ни на выступления слева (выпуск прокламации эсеров 22 окт[ября] в Уфе), не дает надлежащего отпора притязаниям чехо-словак[ов] (призыв Гайды к стягиванию войск для обложения Омска). Результатом обмена мнений по поводу таких обвинений Директории состоялось постановление Совета М[инистр]ов о порядке издания законов, указов и проч[их] распоряжений правительства. В заседании была заслушана докладная записка Ключникова по поводу политических перемен, связанных с заключением общеевропейского мира, но за поздним временем решено было обсуждению этой записки посвятить особое совещание.¹⁸¹

Понедельник 5 (18) ноября В ночь на сегодняшнее число в 3¹/₂ ч[аса] утра в мою квартиру раздался телефонный звонок. Оказалось звонил доктор В.И.Ишерский. Он сообщил мне, что ему сейчас звонил доктор Ковлер и передал, что в квартиру Н.Д.Авксентьева явился отряд казаков под командой офицеров, произвели в квартире обыск и сделали выемку документов и разных бумаг. Я позвонил к коменданту Директории. Оказалось, что комендантура фактически тоже арестована. Во дворе здания, занимаемого Директорией, находится целая рота солдат, которая производит обыск во дворе и в квартире Роговского, который арестован. Арестован[ы] также Зензинов и Аргунов. Тогда я позвонил в квартиру врем[енно]му команд[ующему] Сибирск[ой] армией ген[ералу] Матковскому, но дозвониться не мог. Затем позвонил к начальнику штаба верхоглавка С.Н.Розанову (Болдырев уехал на фронт). Розанов заявил, что ему ничего неизвестно, но что он сейчас же наведет справки и сообщит мне. Позвонил я также к А.А.Грацианову, который ответил, что ему также ничего неизвестно. Дальнейшими моими разведками положительно установлено, что Авксентьев, Аргунов, Зензинов и Роговский действительно арестованы какими-то казачьими офицерами и неизвестно, где в настоящее время находятся. Боюсь, чтобы с ними не разыграли истории, подобной Новоселовской. Тогда же я созвонился с В.А.Виноградовым, который оказался благополучно пребывающим дома и тоже не знающим об арестах названных лиц. В 7¹/₂ ч[аса] утра я, Виноградов и Грацианов собрались в квартире ген[ерала] Розанова, информировали друг друга имеющимися у нас сведениями о событиях минувшей ночи. Так, как себя держал на этом совещании ген[ерал] Розанов, привело меня к убеждению, что он знает больше, чем говорит, и что-то скрывает.¹⁸² Потом при-

ехал[и] Гаттенбергер и Колчак. На Грацианова и Виноградова поведение Розанова произвело тоже самое впечатление, что и на меня. А Грацианов прямо заключил, что в совершившихся событиях надо видеть переворот в пользу военной диктатуры и он предвидит, что диктатором будет Колчак. Я в 8 ч[асов] утра назначил экстренное заседание Совета Министров.¹⁸³ Я доложил о случившемся ночью. До моего доклада, по-видимому, никто не знал, что в действительности произошло ночью. Когда я после своего доклада предложил прежде всего сделать распоряжение об аресте атамана Красильникова, т[ак] к[ак] к этому времени уже было положительно выяснено, что в аресте членов Директории принимали участие офицеры отряда Красильникова, если не сам Красильников. К удивлению моему мое предложение было встречено самыми резкими возражениями. Особенно экспрессивна была речь Г.К.Гин[са]. Он доказывал, что Красильников сделал только то, что давно надо было сделать, что арест его не встретит сочувствия в общественной среде, ибо Директорией давно все недовольны, да едва-ли кто и согласится взять на себя поручение арестовать Красильникова, т[ак] к[ак] он пользуется в среде казаков большой популярностью, да и нет в нашем распоряжении таких реальных сил, при помощи которых мы могли бы произвести этот арест. Гинса дружно поддерживали другие члены Совета Министров. Некоторые говорили, что надо примириться с совершившимся фактом и позаботиться лишь о том, чтобы этот переворот не вызвал дальнейших осложнений и болезненных явлений, что единственным выходом из создавшегося положения является необходимость взять Совету Министров всю полноту власти в свои руки. Я успел обменяться своими впечатлениями с В.А.Виноградовым. Я был крайне удручен таким отношением Совета Министров к моему докладу. У меня создалось впечатление, что весь этот офицерский переворот произошел с ведома, а, может быть, и под руководством некоторых членов Совета Министров*. Оказывается, что и Виноградов вынес такое-же впечатление.¹⁸⁴ Когда Совет Министров пришел почти к единогласному заключению, что Совету Министров надо взять всю полноту власти в свои руки, а затем передать ее избранному [им] лицу, «диктатору», раздался чей-то голос, я заявил, что может быть и действительно нет другого выхода, но я во всяком случае должен уйти из состава министров. Но раздалось дружные протесты против такого моего намерения. Сущность воз-

---

* В этом месте стоит знак сноски «звездочка», отсылающий к двум авторским примечаниям, написанным, по-видимому, в разное время на отдельных, вклеенных в дневниковую тетрадь, листках. Первое из них написано черными чернилами на тетрадном листке в линейку: «Лишь в 1922 [году] из книги Парфенова (Петр Алтайский), вышедшей в Харбине "Уроки прошлого. Гражданская война [в] Сибири" я узнал, что план провозглашения военной диктатуры и свержения Директории был действительно выработан и технически выполнен при участии министра финансов И.А.Михайлова, что вопрос о предстоящем перевороте обсуждался накануне 17 ноября в поезде французской военной миссии, а затем в здании военно-промышленного комитета, к которому так близок был И.А.Михайлов. Об этом обстоятельстве мне никто не сообщал и впоследствии. Примечание автора воспоминаний» (см.: *Парфенов П.С. Уроки прошлого...* С. 69-70). Второе примечание написано на отрывном именном листке из блокнота автора: «Железная воля, действия по строго выработанному плану, единоначалие, подъем энергии, отбрасывание всех ненужных мелочей, хладнокровная работа — вот, что должно лечь в основу работы Совет[а] М[инистр]ов и вот при каком условии можно надеяться выйти победителем из создавшегося положения».

ражений против моего намерения сводилась к тому, что я должен находиться в составе министров и оставаться во главе Совета Министров, чтобы своим именем санкционировать переворот и тем сохранить за Советом Министров то доверие, которым он до сих пор непременно пользовался под моим председательством. Когда к этому мнению присоединился и В.А.Виноградов, я не нашел сил отказать от своего премьерства. Я был подавлен неожиданностями для меня. **Когда перешли к вопросу о том, кого же избрать диктатором, то решили ему дать название «Верховного Правителя» и обставить его конституционными гарантиями. Была произведена баллотировка закрытыми записками на обязанности «Верховного Правителя». Оказывается только две записки были поданы за избрание в это звание Хорвата (одна моя), а все остальные записки были поданы за А.В.Колчака.**¹⁸⁵ Его сейчас же из вице-адмиралов произвели в адмиралы. Спешно было составлено несколько постановлений и положение об управлении России, возглавляемом «Верховным Правителем».¹⁸⁶ Я очень вяло провел эту часть заседания и даже не досидел до конца, так я был всем происшедшим и взволнован, и подавлен, и мучился вопросом, хорошо ли я сделал, что остался в Совете Министров.

Вторник 6 (19) ноября Вчера я не смог записать всего того, что произошло за вчерашний день, а вчерашним днем начались новые для меня муки. Уже утром я получил из Уфы срочного содержания телеграмму от членов Учред[ительного] собр[ан]ия Филипповского, Климушкина, Веденяпина. Они предупреждали меня, что я буду объявлен врагом народа, если не восстановлю власти Всероссийского правительства в лице Директории.¹⁸⁷ В тот-же день вечером я получил телеграмму от атамана Семенова, что он не может признать Колчака Верховным Правителем, т[ак] к[ак] в свое время он не оказал ему никакой помощи продовольствием и снаряжением его отряда, хотя и имел к тому полную возможность. Предложил избрать Верховным Правителем или Деникина, или Дутова, или Хорвата.¹⁸⁸ Через полчаса после первой телеграммы от него была получена вторая, в которой он предупреждал, что, если не будут исполнены его требования, то он объявит Дальний Восток особой государственной единицей.¹⁸⁹ Я тогда-же вечером после заседания Совета Министров отправился с этими телеграммами к Колчаку. К моему удивлению он отнесся довольно спокойно к телеграммам Семенова. Он сказал, что ничего другого он и не ожидал от Семенова. Но его угрозы бояться нечего, с ним не трудно справиться, т[ак] к[ак] преданных ему воинских частей у него слишком мало, тысяч до 5, не больше, и не удастся ему образовать отдельной госуд[арственной] единицы на Дальнем Востоке. Дальше Забайкальской обл[асти] его влияние не распространяется, а на Амуре и во Владивостоке он вовсе не имеет приверженцев. Вчера происходило два заседания Совета Министров днем и вечером.¹⁹⁰ На дневном заседании сначала из доклада А.В.Колчака, а затем м[инист]ра юст[иции] С.С.Старынкевича выяснилось, что арест членов Директории и Аргунова и Роговского был

* Выделенный текст в «Дневнике на 1918» отсутствует. Автор добавил его, по-видимому, уже при переписывании записей за 1918 г. в первую тетрадь дневника.

произведен полковником Волковым, атаманом Красильниковым и войсковым старшиной Катанаевым. Об этом они сами заявили и Верховному Правителю, и министру юстиции. Лица эти по распоряжению Верховного Правителя подвергнуты домашнему аресту, а Авксентьев, Зензинов, Аргунов и Роговский освобождены из-под ареста мин[истром] юстиции и все поселились на кв[артире] Авксентьева. Совет Министров, по предложению А.В.Колчака, постановил предать Волкова, Красильникова и Катанаева особому чрезвычайному суду на правах прифронтовых. Самый суд назначен из особых лиц и наперед определено время заседания этого суда — 10 ч[асов] утра 21 ноября.

Четверг 8 (21) ноября Сегодня состоялся чрезвычайный суд над виновниками ареста членов Директории. Суд оправдал всех трех. Оправдательный приговор произвел на меня тягостное впечатление. Я мало верил в то, чтобы Волков, Красильников и Катанаев понесли в результате суда какое-нибудь наказание. Но я думал, как и многие другие, что суд все-таки их осудит, но затем Колчак их помилует, что ему предоставлялось по нашей конституции. Получилось иначе. И получилось впечатление хорошо разыгранной комедии.

Понедельник 12 (25) ноября Все эти дни я переживал тяжелое душевное состояние. Мне было противно насилие, учиненное против членов Директории, и меня тяготило сознание, что я все-таки нарушил клятву верности Российскому правительству и не имел мужества отказаться от поста председателя Совета М[инистр]ов, подкупленный доводами своих коллег, что так надо, чтобы сохранить доверие за правительством, которое как-никак почти полгода занималось госуд[арственным] строительством, по-видимому, удовлетворительно. Теперь меня подкупает Колчак своим благородством и искренностью желанья служить действительно интересам родины, интересам возрождения России, а не каким-либо личным, классовым или партийным. Может быть, в нем и действительно все спасение России. Буду ждать дальнейших событий.

Пятница 16 (29) ноября За минувшие дни я убедился, что переворот 18 ноября не вызвал общественного сочувствия к Директории и негодования против виновников переворота. Последние в большинстве населения даже прослыли за своего рода героев. Представители союзных держав примирились с фактом переворота, как будто так и должно быть. У меня одно время создалось представление даже, что некоторые из союзников знали о предстоящем перевороте и не препятствовали ему.¹⁹¹ Все это примирило мою совесть с этим переворотом, я стал спокойнее относиться к событиям и не мучиться упреками за свое поведение в этих событиях. Однако напряженное состояние последних дней потребовало от меня отдыха. У меня также опять появилась вялость, что я перестал вести свой дневник. Я обратился к Колчаку за разрешением лишь хотя-бы десятидневного отпуска, и сегодня он дал мне такой отпуск.

Среда 28 ноября (11 декабря) Сегодня вечером в 8 ч[асов] возвратился из отпуска [в Омск]. Я 17[-го ноября,] в субботу вечером выехал из Омска в Томск.¹⁹² [Отпуском воспользовался плохо.] Хотел съездить в Томск на тетеревию охоту, но это мне не удалось, т[ак] к[ак] здесь выпали уже боль-

шие снега и охотиться было нельзя. В Томске мне не дали хорошо отдохнуть. Просители, делегации и проч[ие] посещали меня ежедневно, не исключая праздников. Два интервьюера местных (томских) газет заявили мне, что из Омска получили вполне определенные сведения, что я выхожу в отставку и в правительство больше не вернусь. Просили ответить им откровенно на этот вопрос, обещая не печатать до поры до времени об этом в своих газетах, но сообщить им, что намечается на мое место. Я ответил им, что я вовсе не прочь покинуть свой пост, ибо силы мои все больше и больше слабеют, но вся беда в том, что не находится лица, которое могло бы меня заменить. Ко мне привыкли, а серьезных кандидатов нет. Не думаю, чтобы за время моего отсутствия из Омска, таковой там нашелся. В Томске меня все время таскали по обедам и ужинам мои частные знакомые. Все это устраивалось любезно, сердечно и мило. Был раз с Королевыми и др[угими] большой компанией на пикнике в Тахтамышевой.¹⁹³ Время отпуска прошло быстро и неохотно я возвращался в Омск. Из Томска я выехал [27 ноября/10 декабря в шесть часов вечера] вместе с мин[истром] нар[одного] просв[ещения] В.В.Сапожниковым и тов[арищем] мин[истр]а внутр[енних] дел А.А.Грациановым. Сегодня в Омских газетах также прочитал о себе сообщение, что я выхожу в отставку, и что на мое место назначается И.А.Михайлов.¹⁹⁴ В Томске во время моего пребывания там, до меня дошли слухи, что в Омске неспокойно, что были даже какие-то беспорядки. Но все это оказалось сущим вздором. В Омске полный порядок и спокойствие. Колчак оказался больным, поэтому у него сегодня не было совещания, каковые совещания здесь прозвали Верховным Советом. Не было и заседания Совета Министров.

Четверг 29 ноября (12 дек[абря]) Слухи, распушенные газетами о выходе моем в отставку, по-видимому не имеют никаких источников ни в настроениях Колчака, ни среди министров, ни среди просто публики. Некоторые прямо возмущаются такими слухами. Вечером было заседание Совета Министров. Между прочим, был поставлен на разъяснение вопрос об изменении положения о выборах в городское самоуправление. Но этот вопрос был снят с очереди по требованию некоторых министров, не успевших с ним ознакомиться детально, между тем этот законопроект являлся чрезвычай[айно] ответственным.

Суббота 14 дек[абря] С этого дня решил записывать события, датируя их новым только стилем, к которому все привыкли, и я тем более, ибо я всегда был поклонником введения у нас нового стиля. Сегодня [днем] у меня был с визитом французский ген[ерал] Жанен вместе с франц[узским] послом Реньо. Жанен говорит хорошо по русски. Визит носил чисто официальный характер. Вечером был у меня управляющий делами мин[истерства] ин[остранных] дел Ю.В.Ключников, который сообщил мне, что, видимо, назревает конфликт между ген[ералом] Жаненом и Колчаком. Жанен уполномочен союзниками и, по-видимому, не без согласия ген[ерала] Деникина на главное командование всеми войсками, в том числе и русскими. Между тем, Колчак принимал власть Верховного Правителя лишь при условии сохранения за ним главного командования над рус[скими] войсками.¹⁹⁵

Среда 18 дек[абря] Мне конфиденциально было сообщено, что в правых офицерских кругах образовалась группа, недовольная нерешительностью Колчака по отношению к левым, и поставила своей задачей ликвидацию Колчака, вплоть до насильственных против него мер. Мне сообщили даже, что во главе этой группы находится сам ген[ерал] Иванов-Ринов. Завтра на казачьем празднестве предполагается заставить оркестр играть гимн «Боже, царя храни», а присутствующих встать при этом гимне. Невставшие будут расстрелены на месте. Я сообщил эти сведения Колчаку, предупреждая его быть осторожным, т[ак] к[ак] сведения эти мною получены из источника, располагающего моим доверием. Колчак не поверил существованию такой группы военных, но хотел поговорить с Ив[ановым]-Риновым на эту тему совершенно откровенно. И он с ним, действительно, говорил, как мне сам о том говорил вечером Колчак. Иванов-Ринов уверил его, что все подобные слухи являются совершенно вздорными.

Четверг 19 дек[абря] Колчак несколько дней уже лежит больной и казачий праздник прошел без его участия, но совершенно благополучно и даже благоприятно по отношению к Колчаку.¹⁹⁶ На завтраке в Гарнизонном собрании было много приветствий по адресу Колчака, и все они сопровождались бурными и продолжительными аплодисментами и никаких признаков протеста по адресу Колчака не замечалось. На завтраке было решено кроме приветственной телеграммы к Колчаку отправить целую депутацию. В конце завтрака подвыпивший Иванов-Ринов сказал речь на тему о том, что тот, кто против Колчака, — изменник родины и смерть ему. На завтраке было масса народу. В большом зале сидели за столами генералитет, иностранные представители, министры, два архиепископа. В малом зале обер-офицерские чины. Эти последние пожелали, чтобы я явился в их среду. Я вышел к ним и сказал краткое приветственное слово, встреченное и сопровождаемое бурными аплодисментами. Кроме того, меня два раза принимались качать, а затем вынесли меня на руках в зал, где сидел генералитет. В этом зале я с большим подъемом сказал приветственную речь, в которой выразил пожелание, чтобы казачество еще больше прониклось единым духом и единой волей к созданию великой России, которая могла бы на предстоящем конгрессе мира выступать, как держава великая и держава благородная, что нужно также создать положение, которое дало бы возможность русскому народу свободно, по чистой совести и от всего сердца избрать власть, которая ему мила, а до тех пор надо идти сомкнутым и крепким единым фронтом к достижению единой цели — созданию великой России. Речь, по-видимому, произвела на присутствующих сильное впечатление.

Суббота 21 дек[абря] Сегодня был обед, устроенный от имени 2[-го] Сиб[ирского] корпуса в честь отъезжающего на Дальний Восток ген[ерала] Иванова-Ринова. Обед прошел довольно оживленно. В одной из своих речей, произнесенных на этом обеде, я выразил надежду, что это не последняя наша встреча и беседа, что мож[ет] быть недалеко то время, когда мы встретимся в стенах старого Кремля, на площади «Царь-Колокола» и «Царь-Пушки», этих исторических эмблем могущества России, а

блины будем есть в веселом московском «Яру». ¹⁹⁷ Речь моя сопровождалась громом аплодисментов и криками «ура». С обеда были посланы приветственные телеграммы борцам за возрождение России: Хорвату (в моей редакции), ат[аману] Дутову и всем казачьим войскам.

Воскресенье 22 дек[абря] В то время, как вчера вечером мы пировали в гост[инице] «Европа» ¹⁹⁸ по случаю проводов ген[ерала] Иванова-Ринова, в Омске готовилось серьезное восстание рабочих и воинских частей с целью восстановления власти большевиков. ¹⁹⁹ Сегодня в 4 ч[аса] утра упр[авляющий] мин[истерством] вн[утренних] дел А. Н. Гаттенбергер сообщил мне по телефону, что на ст[анции] Куломзино ²⁰⁰ поднято восстание большевиков и что к ним присоединилась воинская часть местного гарнизона (саперы), что восставшими сделано нападение на тюрьму, из которой освобождены большевики и члены Учред[ительного] собрания, и что для охраны моей квартиры будет послан казачий отряд. Отряда для охраны меня до 7 ч[асов] однако послано не было, у меня даже промелькнула мысль, не присоединились ли казаки к восставшим. Однако, я не волновался за свою судьбу, не могу даже объяснить почему. Как будто бы я должен был рано или поздно ожидать такого конца своего жизненного пути. На то и бур[ный] период политической жизни страны, который мы переживали. Но в 7 ч[асов] утра тот же Гаттенбергер сообщил мне по телефону, что восстание подавлено и никаких дальнейших эк[с]цессов не предвидится. К вечеру выяснилось, что большевистский заговор был хорошо организован и план восстания отлично разработан, но заговорщики рассчитывали, что на их сторону станут и воинские части. Но контрразведке удалось напасть на следы организации восстания раньше, чем оно было назначено к осуществлению, и несколько человек из организаторов было арестовано еще в ночь на 21 декабря (всего в эту ночь было арестовано до 33 чел[овек]). Тогда оставшиеся на свободе организаторы восстания смогли все таки поднять восстание, но таковое не удалось. Я вечером спрашивал мин[истра] вн[утренних] дел, как велико количество жертв восстания с той и другой стороны. Мне кто-то (дежурный у телефона) ответил, что подсчет жертв еще не сделан. Мои доброжелатели в частном порядке меня упрекали, что военные части и милиция, оставшиеся верными правительству, жестоко расправились с восстанием и что в Куломзино лежат груды тел расстрелянных рабочих. Это ужасно, если так на этом будут играть не только большевики, но и вообще левая общественность в сторону дискредитирования правительства. Надо ждать официальных сведений.

Понедельник 23 декабря. Вот подробности восстания вчерашней ночи и утра. Организаторами было намечено три пункта восстания: 1) на ст[анции] Куломзино, где восставшие грузчики, разоружили недавно сформированный карпато-русский отряд, железнодорожную милицию, но занялись разграблением лавок и складов и были настигнуты казаками и частью городской (или атаманской) милиции прежде, чем восставшие успели пробраться в город, чтобы вступить в связь с восставшими городскими районами. Перестрелка с восставшими продолжалась почти до самого вечера 22 дек[абря]. По официальным данным в этой перестрелке

погибло до 200 чел[овек], а в городской молве до 2000;²⁰¹ 2) часть восставших в городе должна была отправиться к концентрационным лагерям и освободить там большевиков, что и было предпринято восставшими, но, [вовремя] предупрежденные телефонистом чехом Дворжак[ом] (погиб тут-же) воинские части не допустили восставших до лагерей, и 3) наконец, часть 8-го полка (саперы) двинулись к тюрьме, где хитростью проникли во внутреннюю тюрьму и выпустили содержащихся там большевиков и членов Учредительного собрания, причем последним пригрозили расстрелом, когда некоторые из них не хотели выходить из тюрьмы. В воскресенье уже был назначен военно-полевой суд над восставшими. Сегодня стало известно, что некоторых членов Учред[ительного] собрания, добровольно возвратившихся в тюрьму, расстреляли по приговору военно-полевого суда, а некоторых и без суда, причем последние насильственно выхватывались из тюрьмы отдельными воинскими отрядами, напр[имер], по[д] командой подп[олковников] Барташевского и Рубцова, без каких-либо ордеров на такое право, и расстреливались, по сведениям одних, в загородной роще, по сведениям других, где-то на бер[егу] Иртыша, без всякого суда. В числе расстрелянных оказались бывший наш челябинский комиссар с[оциал]-д[емократ] меньшевик, в действительности ярый противник большевиков, Ив[ан] Ив[анович] Кириенко, бывший уполномоченный Сибирского правительства по поездке в Иркутск Н.В.Фомин и литератор Евг[ений] Маевский. Вообще в городе ходила упорная молва, что офицерством была совершена недопустимая дикая расправа не только с действительными виновниками восстания, но и с членами Учред[ительного] собрания, коих большевики заставили уйти из тюрьмы под страхом расстрела, но кои сами добровольно возвратились туда. По истине прав Шиллер в своей «Песне о Колоколе»

«Где буйных сил кипит восстанье,
Там гибнет каждое создание;
Где самовольствует народ,
Там время бедствий настанет».

И все это будет поставлено в вину нашему правительству!

Среда 25 дек[абря] Вчера вечером после перерыва в заседании Совета Министров я созвал закрытое заседание Совета Министров в составе одних только уполномоченных министров. На этом заседании упр[авляющий] м[инистерством] в[нутренних] д[ел] А.Н.Гаттенбергер доложил рапорт Обл[астного] Комиссара²⁰² на его имя о том, что происходило в омской тюрьме в ночь восстания и в последующее время. Из рапорта этого и приложенных к нему документов выяснилось, что действительно из тюрьмы, под угрозой расправы с начальником тюрьмы, офицерами, приходившими с отрядами солдат, выхватывались отдельные лица из числа членов Учредительного собрания под предлогом доставления их в военно-полевой суд, и лица эти бесследно исчезали. И.А.Михайлов заявил, что ему председатель военно-окр[ужного] суда ген[ерал]-м[айор] Иванов лично говорил, что суду приходилось до 20 чел[овек] судить, фактически уже расстрелянных. Михайлов заявил также, что ген[ерал] Иванов-Ринов и нач[альник] штаба Д.А.Лебедев поставили себе задачей расстре-

лять всех участников восстания в то-же воскресенье 22 дек[абря]. Совет Министров постановил просить Верховного Правителя назначить расследование о произведенных расстрелах без суда и о неправильных действиях самого военно-полевого суда. Кроме того, постановлено было предъявить требование, чтобы ставка была удалена в район военных действий и чтобы она не впутывалась в дела управления. Сегодня на обычном совещании у Верх[овного] Правителя, последний изложил картину восстания в ночь на 22 дек[абря], сходную с той, с которой накануне ознакомился Совет Мин[истр]ов. Но действия военно-полевого суда по д[елу] этого восстания были Верх[овным] Прав[ител]ем обрисованы иначе, чем у нас имелись св[едения]. В виду этого участники совещания настаивали, чтобы было произведено строжайшее расследование о действиях суда по этому делу. Колчак сначала пытался отклонить такое требование и дважды ответил отрицательно на наши настояния, мотивируя свое решение тем, что при подавлении восстания всегда возможны нарушения законных форм воздействия, но преследование за эти нарушения в будущем ослабит решительность действий по подавлению подобных эксцессов. Однако, в конце заседания, видя, как холодно совещание встретило его решение, согласился назначить такое расследование, поручив его бывшему военно-морск[ому] прокурору Мартыанову, говорят, человеку честному и мужественному. Мы облегченно вздохнули.²⁰³

Четверг 26 дек[абря] От Совета Всесибирских кооперативных объединений (съездов) подана на мое имя «докладная записка», излагающая обстоятельства, при которых были расстреляны при подавлении Омского восстания некоторые члены Учредительного собрания, состоявшие в последнее время на службе в кооперативных учреждениях.²⁰⁴ Копия этой записки передана мною Верховному Правителю. В этот же день в газете «Заря» появилась передовая и несколько хроникерских заметок о событиях в ночь на 22 дек[абря] и последующих суде и расправе, как над участниками восстания, так и [над] теми лицами, которые покинули тюрьму под давлением угроз восставших большевиков.²⁰⁵ По официальном данным при подавлении восстания в ночь на 22 дек[абря] в г[ороде] Омске по приговору военно-полевого суда расстреляно 49 чел[овек], приговорено к каторжным работам и тюрьме 13 чел[овек], оправдано 3 и убито при подавлении восстания 133 чел[овека]. В поселке Куломзино жертв оказалось гораздо больше, а именно, по приговору суда расстреляно 117 чел[овек], оправдано 24, убито при подавлении мятежа 144 чел[овека].

Пятница 27 дек[абря] Сегодня вышло «официальное сообщение», подписанное нач[альником] штаба Верховного Прав[ителя] г[енерал]-м[айором] Лебедевым о событиях в ночь на 22 дек[абря] и последующих.²⁰⁶ В сообщении говорится, что власть занята расследованием всех событий 22 дек[абря] и «покарает всех виновных, как в мятеже, так и в неправильном применении средств для его ликвидации, если таковое имело место». Совет Министров постановил и со своей стороны выпустил «правительственное сообщение», в котором признано необходимым отмежеваться правительству от незаконных действий военных, осудить их и объявить, что события будут во всей их совокупности исследованы

беспристрастным и тщательным производством следствия. Оба эти сообщения вызваны городскими разговорами о невероятных насилиях, причиненных военными, как жертвам восстания, так и случайным людям, как напр[имер], членам учред[ительного] собрания. К сожалению, в этих разговорах есть большая доля правды, за которую приходится расплачиваться правительству. Озверение офицерства в подавлении восстания понятно, оно само слишком много издевательств и истязаний претерпело от большевиков, а все же оличал народ. Болезнь А.В.Колчака приняла бурный оборот.²⁰⁷ Из Томска приехал проф[ессор] Курлов, который констатировал у Колчака поражение одного легкого. Таким обр[азом] болезнь может перейти в воспаление легких и приобрести опасное течение.

Воскресенье 29 дек[абря] Вчера были получены сведения контрразведкой, что в ночь на сегодня готовилось новое восстание большевиков, объединившихся с левыми эсерами. По поводу этих слухов к моей квартире с вечера субботы был приставлен отряд для охраны снаружи 5–7 чел[овек], да, кажется, в соседнем дворе был припрятан более сильный отряд. Однако ночь прошла спокойно. Вчера вечером в закрытом заседании Совета Мин[истр]ов обсуждался вопрос о командировке проф[ессора] Ключникова в Париж с осведомительными целями. Вопрос этот был возбужден по инициативе самого Ключникова, который заявил, что при создавшемся для него положении, когда по иностранной политике все время А.В.Колчака натаскивает приехавший из русских посольских сфер Америки Ив[ан] Ив[анович] Сукин, он не может оставаться во главе м[инистерства] иностр[анных] дел, т[ак] к[ак] он расходится во взглядах на иностранную политику с Сукиным. Постановлено: Ключникова уволить с занимаемого им поста, поручив ему ознакомить Париж с положением наших дел, для упр[авлен]ия мин[истерством] иностр[анных] дел пригласить Нератова, а пока это управление возложить на меня.²⁰⁸

Понедельник 30 дек[абря] Сегодня состоялось особое совещание, в коем участвовали: я, И.А.Михайлов, Г.Г.Тельберг, А.Н.Гаттенбергер, В.И.Сурин, М.И.Смирнов, Д.А.Лебедев и А.А.Мартьянов по вопросу о нарушении ставкой общих законоположений о пределах власти ставки, о незакономерности некоторых распоряжений от имени Верховного Правителя и проч[ее]. Постановлено: поручить начальнику штаба, министру военному и министру морских дел выработать общие правила издания приказов от имени Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего войсками. Имел беседу с сэром Чарльзом Элиотом об инциденте с Семеновым. Его мнение — инцидент этот не следовало обострять, т[ак] к[ак] это может повести к столкновению с Японией, которая открыто покровительствует Семенову. Его мнение — замолчать приказ № 60, а Семенову предложить отправиться на фронт.²⁰⁹ Когда я задал Элиоту вопрос: «а если Семенов не захочет идти на фронт?», он замялся, а потом сказал: «Надо попробовать».

Вторник 31 дек[абря] Получил от сэра Ч.Элиота сообщение, что он снесся с Лондоном о намерении нашего правительства пригласить на пост министра иностр[анных] дел Нератова. Проф[ессор] Курлов, уезжая в

Томск, предупредил, что А.В.Колчаку должен быть дан совершенный покой, иначе его болезнь может перейти в скоротечную чахотку. Предполагалось организовать особую встречу нового года в составе Совета Министров и представителей иностранных держав, но мысль эта была оставлена, т[ак] к[ак] по смете оказалось, что это празднество обошлось бы по 300 руб[лей] с персоны, а это нашим министрам совершенно не по силам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Татарск, ж.-д. узел (ст. Татарская) на Транссибирской магистрали в 450 км к западу от Новоиколаевска. Имеются в виду события, связанные с восстанием Чехословацкого корпуса, начавшимся 25-26 мая 1918 г. и одновременно охватившим несколько городов, расположенных на Транссибирской магистрали. 25 мая под напором чехословаков и вышедших из подполья местных антибольшевистских отрядов пала Советская власть в Мариинске, 26-го — в Новоиколаевске, за ними последовали Томск (31 мая) и Омск (7 июня).

² В описываемое время автор жил в Омске на Банной улице в доме № 83.

³ Стронники Советской власти эвакуировались из Омска на 18 пароходах по маршруту Омск — Тобольск — Бачалино (пристань в устье р. Тавды — левого притока Тобола) и далее на Тюмень (РГВА. Ф.28144. Оп.1. Д.1. Л.12,83,108-109).

⁴ Омское отделение Государственного банка находилось в Банковском переулке, 1. Седьмого июня 1918 г. по распоряжению руководства военно-оперативного штаба по обороне Омска были изъяты находившиеся в банке 270 млн. рублей и вывезены на пароходе в Тюмень (см.: *Лозанский В.С.* Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917-1918 гг. Новосибирск, 1973. С.193).

⁵ Имеются в виду члены (комиссары) Западно-Сибирского комиссариата (ЗСК) эсеры В.О.Сидоров, Б.Д.Марков, М.Я.Линдберг и П.Я.Михайлов.

⁶ Дом свободы находился на береговой террасе р. Оми между Ильинской церковью и казачьим Никольским собором. До марта 1917 г. был резиденцией ген.-губернатора Степного края, затем переименован в Дом республики, а с 1918 г. — в Дом свободы.

⁷ По-видимому, имеется в виду здание судебных установлений между Банковским переулком и Соборной площадью. В январе 1919 г. в этом здании принимал присягу Верховный правитель адм. А.В.Колчак, позже в его стенах размещалось министерство юстиции Временного Российского правительства.

⁸ Дом Военного собрания находился в Омской крепости на Шпрингеровой улице.

⁹ По-видимому, имеется в виду лишь общая направленность политических взглядов А.П.Морозова, а не его принадлежность к партии прогрессистов.

¹⁰ Переселенческое управление (1896—1917) было основано как одно из главных управлений министерства внутренних дел и занималось организацией переселения сельского населения из центральных губерний Европейской России в малонаселенные районы Сибири и Дальнего Востока.

¹¹ «Заря», ежедневная социалистическая газета демократического направления, издавалась Центральным союзом кооперативов Западной Сибири и Степного края (Центросибирь) в Омске в ноябре — декабре 1917 г. и в ноябре 1918 — июне 1919 гг. Журнал «Трудовая Сибирь» издавался также Центросибирью в Омске в 1917-1919 гг.

¹² В действительности Л.И.Шумиловский не был членом Государственной думы. В 1912 г. он избирался выборщиком от г. Барнаула на томский губернский съезд выборщиков в 4-ю Государственную думу, однако его избрание было аннулировано властями (см.: *Макарчук С.В.* Шумиловский Леонид Иванович // История «белой» Сибири в лицах. СПб., 1996. С.65).

¹³ Мариинск, город и ж.-д. станция в 178 км к северо-востоку от Кемерово (до 1932 г. Щегловск) у пересечения р. Кня с Транссибирской магистралью.

¹⁴ Совещание членов Временного Сибирского правительства совместно с председателем Сибирской областной думы состоялось 28 июня 1918 г. (ГАРФ. Ф.Р-176. Оп.5. Д.43. Л.1).

¹⁵ В «Грамоте председателя Сибирской областной думы народам Сибири» от 30 июня 1918 г. перечислялся наличный состав Временного Сибирского правительства: председатель Совета министров и министр внешних сношений П.В.Вологодский, министр внутренних дел В.М.Крутовский, министр финансов И.А.Михайлов, министр юстиции Г.Б.Патушинский и министр туземных дел М.Б.Шатилов. Полный текст грамоты опубликован (см.: Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь — ноябрь 1918 года). Томск, 1998. Вып.1. С.43-44).

¹⁶ «Грамота Временного Сибирского правительства» была подписана председателем и членами Совета министров в 13 час. 40 мин. (см.: Там же. С.44-45).

¹⁷ Полный текст указанных грамот см.: Там же. С.45-48.

¹⁸ Процесс перехода власти к Временному Сибирскому правительству проходил вовсе не так безболезненно, как об этом пишет П.В.Вологодский. Первоначально члены Западно-Сибирского комисариата собирались передать власть близкому им по партийной (эсеровской) направленности Комитету членов Учредительного собрания (КОМУЧ), который был образован 8 июня 1918 г. в Самаре и претендовал на всю полноту власти в России. Но отсутствие у ЗСК и КОМУЧа достаточной военной и социальной поддержки помешало осуществлению этого намерения. Подробнее об этом см.: *Pereira N.G.O. White Siberia: The Politics of Civil War. Montreal, 1994. P.67-70.* С другой стороны, некоторые политические организации Сибири, в первую очередь кадеты во главе с В.А.Жардецким, отнеслись достаточно сдержанно к возглавляемому Вологодским правительству. Им, судя по всему, больше импонировал ген. Д.Л.Хорват, провозгласивший себя 9 июля 1918 г. Временным верховным российским правителем. Хорвата, в отличие от Вологодского, никак нельзя было упрекнуть в сочувствии социалистам, но проявленные им диктаторские наклонности встретили решительное сопротивление со стороны областников и представителей местного самоуправления. К тому же Хорват и возглавляемый им Деловой кабинет не пользовались поддержкой союзных держав (см.: *Katzer N. Die weisse Bewegung in Russland. Herrschaftsbildung, praktische Politik und politische Programmatik im Bürgerkrieg. Köln-Weimar-Wien, 1999. S.182-184.*) В итоге ни Деловой кабинет Хорвата, ни рассеянные по Дальнему Востоку члены Временного правительства автономной Сибири не могли рассчитывать на серьезную поддержку сибирской общественности.

¹⁹ См. прим. 6.

²⁰ Имеются в виду Анжеро-Судженские каменноугольные казенные копи в Кузнецком угольном бассейне Томского горного округа, в 115 км к северу от Кемерово, основаны в конце XIX в. Через несколько дней после указанной автором встречи на Анжеро-Судженских копиях начались митинги, демонстрации и первая после свержения Советской власти в Сибири политическая забастовка шахтеров, требовавших восстановления Советов, прекращения арестов и освобождения политзаключенных. Забастовка продолжалась до 11 июля 1918 г. (см.: *Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917-1919 гг.): Сб. док. материалов. Томск, 1957. С.330-336.*)

²¹ Девятого июля 1918 г. грамота Временного Сибирского правительства в адрес Г.Н.Потанина была торжественно оглашена П.В.Вологодским на объединенном заседании 4-го войскового круга Сибирского казачества, областного крестьянского съезда и съезда Омской епархии. Текст грамоты был опубликован 14 июля 1918 г. в газете «Заря».

²² По-видимому, имеется в виду В.А.Виноградов.

²³ Семилужки, село в 25 км на северо-восток от Томска.

²⁴ Имеется в виду шведская миссия Красного Креста во главе с Эльзой Брандстрем, которая занималась оказанием гуманитарной помощи австро-венгерским и немецким военнопленным (см.: *Brandstroem E. Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien, 1914-1920. Berlin, 1922. S.117.*)

²⁵ Коммерческое училище (1908–1917) находилось в здании на Шпрингеровской улице, в нем размещалось министерство труда Временного Сибирского правительства.

²⁶ Имеется в виду китайский пограничный пункт Чу-Гу-Чак в 500 км к югу от Семипалатинска. Кобдо, административный и торговый центр Внешней Монголии на курьерской дороге между Россией и Китаем.

²⁷ 4-й круг Сибирского казачьего войска был создан по инициативе подполковника П.П.Иванова-Ринова 4 июля 1918 г. Среди обсуждавшихся делегатами вопросов были: отношение к сибирской автономии, поддержка Временного Сибирского правительства, земельный вопрос и внутривойсковое устройство.

²⁸ Имеется в виду Декларация Временного Сибирского правительства «О государственной самостоятельности Сибири» (см.: *Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь – ноябрь 1918 года). Вып. I. С.51-52.*)

²⁹ По-видимому, автор имеет в виду постановление Временного Сибирского правительства от 6 июля 1918 г. «О недопущении советских учреждений» (см.: Там же. С.54-55).

³⁰ «Речь председателя Совета министров Временного Сибирского правительства П.В.Вологодского на соединенном собрании 4-го Сибирского казачьего круга, 4-го крестьянского съезда и Епархиального съезда духовенства и мирян Акмолинской области» была издана отдельной брошюрой объемом 15 страниц (ГАТО. Ф.Р-72. Оп.1. Д.106).

³¹ Г.Н.Потанин находился в Омске с 9 по 11 июля 1918 г.

³² Урянхайский край (ныне Республика Тыва) до 1911 г. находился под властью маньчжурской династии, с 1914 г. – в составе России. В июне 1918 г. над краем был установлен протекторат Временного Сибирского правительства. Однако представители края, собравшись на 6-й краевой съезд в июле 1918 г., обратились к новой власти с предупреждением о неизбежности «в недалеком будущем агрессивных действий со стороны китайских и монгольских властей в Урянхае, противостоять которым местная краевая русская власть, не имеющая... регулярных войск, [будет] в состоянии» (см.: Урянхайский вопрос может быть разрешен лишь путем мирных переговоров». Документ Временного Сибирского и Российского правительств 1918-1919 гг. // Исторический архив. 1998. № 3. С.84-89; *Нам И.В. Национальная политика Временного Сибирского правительства // Вопросы историографии, истории и археологии. Омск, 1996. С.78-81.*)

³³ Первый съезд чехословацкого войска в России проходил с 23 июля по 4 августа 1918 г. в Омске в помещении Общественного собрания. На его открытии присутствовали члены Временного Сибирского правительства, представители дипломатического корпуса, политических партий и нерусских национальностей. Чехословацкий корпус был объявлен на съезде самостоятельной армией, подчиняющейся только Чехословацкому национальному совету в Париже. Подробный отчет о первом заседании съезда был напечатан в «Заре» 25 июля 1918 г.

³⁴ По-видимому, автор имеет в виду административную высылку В.М. Крутовского из пределов Иркутской губернии в 1906 г. Подробнее см.: *Шиловский М.В.* «Я буду держаться интересов народа» (Вл.М. Крутовский) // Сибирская заимка (Новосибирск) (<http://cclib.nsu.ru/projects/siberia/person/shilovski2.shtml>).

³⁵ Имеется в виду поездка Н.В. Фомина в Иркутск для проведения прямых переговоров с представителями союзных правительств на предмет выяснения их отношения к Омскому правительству. Судя по всему, иностранные дипломаты отнеслись весьма сдержанно к факту создания новой власти в Сибири, выразив пожелание, чтобы Вологодский и его коллеги по кабинету не пренебрегали основными принципами республиканского строя.

³⁶ Имеется в виду Дальневосточный комитет для защиты Родины и Учредительного собрания, возглавлявшийся ген. Д.Л. Хорватом.

³⁷ На 4-м войсковом круге Уссурийского казачьего войска действительно было принято решение о неподчинении Особого уссурийского казачьего отряда атамана И.П. Калмыкова любым правительственным образованиям Сибири и Дальнего Востока (см.: *Савченко С.Н.* Автономия Уссурийского казачьего войска в годы гражданской войны (1918-1919) // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. Владивосток, 1994. С.138-139).

³⁸ В описываемое время в Иркутске находились консульства Японии, США, Великобритании, Франции, Сербии и Дании.

³⁹ По сообщению «Зари» от 30 июля 1918 г., во время встречи П.В. Вологодский произнес пространную речь, в которой «познакомил атамана Дутова с принципами правительственной работы, очередными задачами и создавшимся положением дел».

⁴⁰ В июле 1918 г. в состав Особого Маньчжурского отряда Семенова входили: 1-й Семеновский и 2-й Маньчжурский пешие, 1-й Монголо-бурятский и 2-й Даурский конные полки, Ургинский отряд, артиллерийский дивизион (три батареи), инженерная и автомобильная роты (Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С.618).

⁴¹ Барабинск, город на Транссибирской магистрали в 300 км к западу от Новониколаевска.

⁴² В телеграмме от 25 июля 1918 г. начальникам чехословацких эшелонов и местным властям полковник Р.Гайда объявил ж.-д. линию от Барабинска до Красноярска на военном положении, а восточнее Красноярска — на осадном. Кроме того, на указанных участках Транссибирской магистрали запрещались всякие митинги и вводились военно-полевые суды.

⁴³ Речь идет о «Временных правилах о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», которые были приняты Временным Сибирским правительством 15 июля 1918 г. Этими правилами определялись правовые нормы вводимого чрезвычайного положения (см.: Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь — ноябрь 1918 года). Вып. I. С.65-68).

⁴⁴ Имеется в виду филиал Чехословацкого национального совета в России.

⁴⁵ По сообщению «Зари» от 2 августа 1918 г., после прогрессившего напорист здания управления Омской ж.д. взрыва загорелся санитарный поезд, а затем последовало еще несколько взрывов.

⁴⁶ Иркутский университет (юридический и историко-филологический факультеты) был открыт 27 октября 1918 г.

⁴⁷ Примечательно, что ЗСК занял однозначно отрицательную позицию по отношению к Брест-Литовскому мирному соглашению (см.: *Лившиц С.Г.* Империалистическая интервенция в Сибири в 1918-1920 гг. Барнаул, 1979. С.24).

⁴⁸ Тридцать первого июля вышел Указ Временного Сибирского правительства о мобилизации молодежи 1898 и 1899 гг. рождения. 6 августа была издана «Грамота Временного Сибирского правительства о призыве молодых людей на военную службу». Начало призыва было назначено на 23 августа 1918 г. (см.: Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь — ноябрь 1918 года). Вып. I. С.118-122; Собрание Узаконений и Распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 6. С.2).

⁴⁹ По-видимому, мотивом к выступлению А.Н. Гришина-Алмазова следует считать занимаемую управляющим министерством иностранных дел М.П. Головачевым позицию, которая не исключала возможности будущих контактов с Германией. Результатом заседания 10 августа явилось опубликование в тот же день внешнеполитической декларации правительства, в которой подтверждалась верность союзникам и готовность участвовать в совместной борьбе против Германии (см.: *Лившиц С.Г.* Империалистическая интервенция в Сибири в 1918-1920 гг. С.30-32; *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории, 1918-1920 гг.: (Впечатления и мысли члена Омского правительства). В 2-х т. Пекин, 1921. Т.1. С.195).

⁵⁰ Имеется в виду Уральское временное (межпартийное) правительство под председательством кадета П.В. Иванова (13 августа — 10 ноября 1918 г.). Его власть распространялась на территорию

Пермской и часть Вятской, Уфимской и Оренбургской губерний, являясь как бы буфером между КОМУЧем и Временным Сибирским правительством.

⁵¹ Имеется в виду сложившаяся в 1917 г. вокруг еженедельного общественно-политического журнала «Народоуправство» группа прокатетских политиков (С.А.Смирнов, Н.А.Бердяев, Н.Н.Алексеев и др.).

⁵² Имеются в виду члены Трудовой народно-социалистической партии, образованной в июне 1917 г. в результате объединения Трудовой социалистической партии с Народно-социалистической партией.

⁵³ Сложившуюся вокруг общественно-политической газеты «Единство» (март 1917 – лето 1918 гг.) одноименную группу возглавляли старейшие русские марксисты Г.В.Плеханов, Л.И.Аксельрод, Л.Г.Дейч, В.И.Засулич, Н.И.Иорданский.

⁵⁴ По-видимому, автор имел в виду призыв Омского отдела Союза возрождения России «К сынам погибающей Родины», который был опубликован в трех подряд выпусках «Зари» 8, 9 и 10 августа 1918 г.

⁵⁵ Съезд представителей торговли, промышленности и городских домовладельцев проходил в Омске с 13 по 20 июля 1918 г. Подробнее см.: Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Акмолинской области (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). В 2-х ч. Томск, 1991. Ч.2. С.273-281; *Zayer Rupp S.* The Struggle in the East: Opposition Politics in Siberia, 1918. Pittsburgh, 1998. P.15-17.

⁵⁶ Каинск (с 1935 г. – Куйбышев), город и ж.-д. станция Транссибирской магистрали в 315 км к западу от Новосибирска. Каинским уездным комиссаром в это время был И.И.Дзепю.

⁵⁷ В забастовке, продолжавшейся с 6 по 15 августа 1918 г., приняло участие около 3000 рабочих Новониколаевска. Городской совет профсоюзов отказался от ее поддержки (см.: *Кадейкин В.А.* Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968. С.199-200).

⁵⁸ Имеется в виду Государственное совещание в Челябинске (23-25 августа 1918 г.), в котором приняли участие представители политических партий и правительств (КОМУЧа, Временного Сибирского и др.). Однако, поскольку многие из предполагаемых участников не смогли приехать в Челябинск, КОМУЧ и Временное Сибирское правительство приняли решение о созыве нового Государственного совещания в Уфе.

⁵⁹ Гостиница «Европа» на углу ул. Почтамтской (ныне пр. Ленина) и Благовещенского пер. (ныне пер. Батенькова) в центре Томска (до падения Советской власти в Томске, т.е. до конца мая 1918 г. в ней разместились губисполком и военно-революционный штаб).

⁶⁰ Всего к открытию сессии Сибирской областной думы 15 августа 1918 г. съехалось 97 депутатов.

⁶¹ Имеется в виду Троицкий кафедральный собор в Томске. Разрушен до основания в 1934 г.

⁶² Согласно воспоминаниям М.А.Кроля, речь Вологодского на открытии Сибирской областной думы разочаровала депутатов своей бесцветностью. В то же время наибольшее впечатление произвела речь А.Н.Гришина-Алмазова, который требовал диктаторских полномочий для правительства (*Кроль М.А.* Страницы моей жизни. Том второй // М.А.Кроль' papers. ИА. Вох 1. С.221-224). Подробнее о ходе этого заседания см.: *Шиловский М.В.* Сибирский представительный орган: От замыслов к драматическому финалу (январь – ноябрь 1918 г.) // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С.11-13; *Вегман В.* Сиболдума // Сибирские огни. 1923. № 4. С.102-105.

⁶³ См.: Декларация Временного Сибирского правительства, оглашенная председателем Совета министров П.В.Вологодским на заседании Сибирской Областной Думы 15 августа 1918 года. Томск: Типогр. губ. земства, 1918. 19 с.

⁶⁴ В частности, И.П.Бедро выразил сомнения относительно полномочий 46 крестьянских депутатов: «Формально мы обязаны допустить их, но по существу я не знаю, можно ли допустить представителей мертвцов. Это ваше дело» (*Шиловский М.В.* Сибирский представительный орган. С.13; Заря. 1918. 21 авг.).

⁶⁵ В своем выступлении Б.П.Вейнберг коснулся вопроса о формуле перехода к всероссийской власти.

⁶⁶ Басандайка, небольшая река, правый приток Томи. На берегах Басандайки в ее нижнем течении (приблизительно в 4-6 км к югу от Томска) располагались дачи наиболее состоятельных жителей города.

⁶⁷ Автор перефразировал здесь первую строку («Не слышно шума городского») из известного романа о стихии Ф.Н.Глинки «Песнь узника».

⁶⁸ По-видимому, имеется в виду телеграмма председателя Временного правительства автономной Сибири И.А.Лаврова на имя П.В.Вологодского от 17 августа 1918 г., в которой он просил «подтвердить союзникам, что Омское и Владивостокское правительство [это] одно и то же» (Временное правительство автономной Сибири // Красный архив. 1929. Т.5 (36). С.101).

⁶⁹ Вопрос о перенесении резиденции правительства из Омска в Томск поднимался во время сессии Сибирской областной думы, но дальнейшего развития, по настоянию Г.К.Гинса, не получил (*Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т.1. С.177-178).

⁷⁰ Административный совет (24 августа – 4 ноября 1918 г.) был совещанием управляющих министерствами, товарищей министров и управляющего делами Совета министров для предварительного рассмотрения и подготовки вопросов, выносившихся на обсуждение Совета

министров. В случае отсутствия кворума в Совете министров Административный совет становился полномочным органом власти. Подробнее см.: *Журавлев В. В.* Органы государственной власти сибирской контрреволюции (октябрь 1917 — ноябрь 1918 г.): от «автономной Сибири» к «возрожденной России» // *Власть и общество в Сибири в XX веке.* Новосибирск, 1997. Вып. 1. Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны. С. 20.

⁷¹ Село Краснореченский Завод Марининского уезда Томской губернии находилось близ ж.-д. станции Кривоно, в 40 км к востоку от Ачинска.

⁷² Капитан Д. В. Сатунин был кавалером ордена св. великомученика Георгия 4-й степени (А. Markov papers. НИА. Vox 1. P. 593). В июле 1918 г. капитан Сатунин, заручившись поддержкой алтайских националистов, отказался подчиниться Временному Сибирскому правительству. Вологодский тогда же запретил входить с ним в какие-либо переговоры. Правительственные отряды, посланные для ликвидации «авантюры Сатунина», разоружили 4 августа 1918 г. мятежного капитана и офицеров из его окружения (РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 82. Л. 51, 78, 92).

⁷³ Чулым, восточный приток Оби, берет начало с восточных склонов Кузнецкого Алатау.

⁷⁴ Ачинск, город и ж.-д. станция Транссибирской магистрали, в Енисейской губернии, в 180 км к западу от Красноярска на правом берегу р. Чулым.

⁷⁵ Имеется в виду неожиданно возникшее безвыходное положение.

⁷⁶ Возможно, внезапность такого решения объяснялась растущим давлением со стороны общественных кругов и прессы в пользу образования единого для всей Сибири и Дальнего Востока правительства. В связи с этим поездка именно председателя правительства представлялась особенно важной, так как казалось, что только П. В. Вологодскому удастся объединить столь различные политические группировки — от сторонников ген. Д. Л. Хорвата до дерберовской группировки во Владивостоке.

⁷⁷ Тайга, ж.-д. узел Транссибирской магистрали, соединился прямой веткой с Томском, расположенным в 79 км к северо-западу.

⁷⁸ Боготол, ж.-д. станция в 252 км к западу от Красноярска и в 8 км от одноименного города.

⁷⁹ Протест консульского корпуса выразился в соответствующей ноте, которая была направлена 2 сентября 1918 г. в министерство иностранных дел Временного Сибирского правительства за подписями французского генерального консула, американского, китайского, японского консулов и британского вице-консула (см.: ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 6. Л. 29; *Лившиц С. Г.* Временное сибирское правительство (июль — ноябрь 1918 г.) // *Вопросы истории.* 1979. № 12. С. 102).

⁸⁰ В описываемое время английским консулом в Екатеринбург был сэр Томас Престон.

⁸¹ Подтверждением сказанному А. Н. Гришину-Алмазовым могут служить воспоминания Г. К. Гинса и И. И. Серебренникова (см.: *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т. 1. С. 195-200; *Серебренников И. И.* Мои воспоминания. Тяньцзинь, 1937. Т. 1. В революции (1917-1919). С. 146-152).

⁸² За отставку А. Н. Гришина-Алмазова высказались Г. Б. Патушинский, М. Б. Шатилов и П. В. Вологодский, против — И. А. Михайлов и И. И. Серебренников. Действительные причины такого решения остаются до конца не выясненными. По мнению английского исследователя Д. Свэйна, выпад Гришина-Алмазова в адрес союзников послужил только поводом к его отставке. Настоящей же причиной было стремление эсеровской правительственной группировки не допустить участия популярного министра в Уфимском совещании (*Swain G.* The Origins of the Russian Civil War. Lnd., N. Y., 1996. P. 226). Вполне вероятно, что смещение Гришина-Алмазова явилось начальным проявлением общего кризиса, охватившего сибирскую власть осенью 1918 г. (*Ларьков Н. С.* Омский правительственный кризис в начале сентября 1918 г. // *Власть и общество в Сибири в XX веке.* Вып. 1. С. 61). Возможно, сказалось также различие внешнеполитических ориентаций видных членов правительства. Представители союзных держав, например, рассматривали вынужденный уход военного министра как победу проантантовской группы во главе с П. В. Вологодским (см.: E. L. Harris papers. НИА. Vox 2; *Zayer Rupp S.* The Struggle in the East. P. 18).

⁸³ Члены Административного совета считали решение об отставке А. Н. Гришина-Алмазова необоснованным прежде всего потому, что оно было принято без предварительного согласования с ними. Они также возражали против назначения ген. П. П. Иванова-Ринова, которого, в силу его полицейского прошлого, считали неподходящей для военного министра фигурой.

⁸⁴ Об этом П. В. Вологодский сообщил Г. К. Гинсу в письме от 7 сентября 1918 г. Примечательно, что только тремя днями раньше сибирский премьер обратился к Гинсу с приглашением сопроводить его в поездке по Дальнему Востоку. Кроме В. Н. Новикова, в делегацию решено было включить и брата Г. К. Гинса, Н. К. Гинса (G. Guins papers. НИА. Vox 1; *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т. 1. С. 204).

⁸⁵ В интервью «Заре» 13 сентября 1918 г. Г. Б. Патушинский объяснял главную причину своего ухода из правительства растущим влиянием И. А. Михайлова и Административного совета. На его отставке закончился конфликт между членами кабинета и Административного совета.

⁸⁶ Институт губернских комиссаров был восстановлен указом Временного Сибирского правительства от 18 июля 1918 г. В отличие от «Положения о губернских (областных) комиссарах» от 19 сентября 1917 г., предоставлявшего комиссарам лишь функции надзора за законностью деятельности государственных учреждений и органами самоуправления, Омское правительство наделало комиссаров широкими административными полномочиями. Подробнее см.: *Журавлев В. В.* Органы государственной власти сибирской контрреволюции (октябрь 1917 — ноябрь 1918 г.). С. 3-30.

⁸⁷ Серьезный конфликт между начальником Красноярского гарнизона М.И.Федоровичем и губернскими комиссарами П.З.Озерных и П.С.Доценко явно беспокоил премьеря. Во время состоявшегося с ними 10 сентября разговора П.В.Вологодский предложил комиссарам наладить отношения с Федоровичем. Доценко, если верить его воспоминаниям, ответил на это таким образом: «Суть дела — не в личных взаимоотношениях, а в ином способе действий Федоровича. Вызывает озабоченность безразличное поведение различных небольших отрядов, находяющихся под его командованием. Между тем, совсем нет реальной необходимости посылать эти отряды в деревни. Я опасуюсь, что подобная активность может стать причиной стихийной возмущения среди крестьян. В этом случае возникнет вопрос со всеми вытекающими последствиями: сможет ли правительство сохранить свой авторитет и успокоить стихию?» (*Doisenko P. The Struggle for a Democracy in Siberia: An Eye-Witness Account of a Contemporary, 1917-1920. Stanford, 1983. P.91. Пер. с англ.*).

⁸⁸ Двадцатого августа 1918 г. В.М.Крутовский, будучи в Томске, обратился к П.В.Вологодскому с просьбой об отставке. В своем письме он писал: «Мне совершенно не по плечу мое положение министра. На роль высокого и ответственного организатора я не годюсь». Крутовский уведомил главу правительства, что в тот же день езжает домой в Красноярск и в Омск возвращаться больше не намерен и на этом «кончает свою высокую политическую деятельность» (ГАРФ. Ф.Р-193. Оп.1. Д.5. Л.197).

⁸⁹ Имеется в виду журналист В.Д.Соколов, редактор органа Енисейского губернского комиссариата «Воля Сибири» (выходил с 22 июня 1918 г. до января 1919 г.). Беседа с П.В.Вологодским была впоследствии опубликована в нескольких сибирских газетах. Отвечая на вопросы журналиста, премьер коснулся вопросов, связанных с воссозданием всероссийской власти на Государственном совещании в Уфе, отношением Омского правительства к Сибирской областной думе и поездкой правительственной делегации на Дальний Восток (см.: Трудовая Сибирь. 1918. 29 сент.).

⁹⁰ Нижнеудинск, город в Иркутской губернии и ж.-д. узел Транссибирской магистрали в 500 км к северо-западу от Иркутска.

⁹¹ Имеется в виду ресторан отеля «Централь» (Hotel Central) на Большой улице.

⁹² По-видимому, имеются в виду входившие в состав Степного ген.-губернаторства Акмолинская, Семипалатинская и Тургайская области.

⁹³ Байкал, ж.-д. станция в 66 км к юго-востоку от Иркутска, на западном берегу оз. Байкал у истока р. Ангары.

⁹⁴ В ночь на 16 июля 1918 г. обороняемая красными ст. Байкал была атакована бойцами 2-го Новониколаевского полка Сибирской армии. В разгар ожесточенного сражения взорвался стоявший на станции поезд с 4 тоннами динамита. В результате взрыва были уничтожены либо повреждены многие близлежащие постройки и дома (см.: *Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С.83-84*).

⁹⁵ Ледокол «Байкал», входивший в состав советской военной флотилии, в ночь на 17 августа 1918 г. у пристани в районе ст. Мысовая был обстрелян из орудий и подожжен наступающими частями Сибирской армии.

⁹⁶ Селенга, река в Монголии и России (Бурятия), впадает в о. Байкал с юго-восточной стороны.

⁹⁷ Большой Могзон, ж.-д. станция Иннокентьевско-Иркутско-Маньчжурской ж.-д. в 80 км к западу от Читы.

⁹⁸ Разница во времени между Иркутском и Омском составляет 2 часа.

⁹⁹ Чита была занята чехословацкими отрядами 26 августа 1918 г.

¹⁰⁰ Города Симбирск и Чистополь были заняты частями 1-й армии под командованием М.Н.Тухачевского 12 сентября. Вольск пал только 18 сентября 1918 г.

¹⁰¹ Оловянная, ж.-д. станция на участке Карымская — Отпор Транссибирской магистрали, город на левом берегу р. Онон в Забайкальской области. 31 августа 1918 г. здесь состоялась воссоединение частей Временного Сибирского правительства с отрядами атамана Г.М.Семенова.

¹⁰² Онон, река в Читинской области и Монголии, правая составляющая р. Шилки (одна из рек, составляющих Амур).

¹⁰³ Государственное совещание в Уфе проходило с 10 по 23 сентября 1918 г.

¹⁰⁴ Находившимся в то время в Уфе членам делегации Временного Сибирского правительства не удалось расшифровать упомянутую П.В.Вологодским телеграмму. Вместе с тем ее содержание упоминалось в состоявшемся 17 сентября разговоре по прямому проводу между И.А.Михайловым и главой делегации И.И.Серебренниковым. Из этого разговора видно, что в телеграмме Вологодский решительно возражал против попыток КОМУЧа подчинить будущее всероссийское правительство Государственному совещанию или Учредительному собранию и настаивал на том, чтобы за основу новой власти был взят уже существующий аппарат Временного Сибирского правительства (см.: Уфимское совещание и Временное Сибирское правительство // Красный архив. 1933. Т.6 (61). С.70-71; *Гармиза В.В. Банкротство политики третьего пути (Уфимское государствен-*

ное совещание 1918 г.) // История СССР. 1965. № 6. С.11-25; *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты: Воспоминания. Новоиколаевск, 1925. С.35-48).

¹⁰⁵ Собеседники также обсудили возможные пути оказания экономической и военной помощи Временному Сибирскому правительству (см.: *Guins G.K.* The Siberian Intervention, 1918-1919 // *Russian Review*. 1919. № 4. P.434; *Лившиц С.Г.* Политика Японии в Сибири в 1918-1920 гг. Барнаул, 1991. С.23-25).

¹⁰⁶ «Сибирская жизнь», газета сибирских областников, выходила в Томске в ноябре 1897 — январе 1918 гг., июне — сентябре 1918 г. и январе — 21 декабря 1919 г.

¹⁰⁷ Один из участников приема М.В.Колобов так описал приезд Вологодского в Харбин: «Несмотря на посланную начальнику гарнизона Харбина телеграмму... с требованием встречи... им пришлось проехать частными пассажирами, убедившись, что от Забайкалья до Владивостока власть генерала Хорвата действительно признается: никакой встречи им не устраивалось, а когда Вологодский сообщил председателю Пограничного Окружного Суда в Харбине В.А.Скворцову о своем, как председатель Правительства желании увидеться с ним, то Скворцов ответил, что по делам службы он принимает в своем кабинете в Окружном суде ежедневно от 10 до 12 часов, где [господин] Вологодский и может его видеть» (*Колобов М.В.* Борьба с большевиками на Дальнем Востоке. Воспоминания // М.В.Kolobov papers. ИА. Вох 1).

¹⁰⁸ По-видимому, речь идет о телеграмме И.И.Серебренникова из Уфы о состоявшемся там 17 сентября 1918 г. соглашении об ответственности Всероссийской директории перед Учредительным собранием и телеграмме из Омска о переходе Сибирской областной думы в открытую оппозицию к правительству П.В.Вологодского. Члены думы объясняли свое решение бескомпромиссностью позиции премьера по вопросу о создании всероссийской власти. В ответ на это Административный совет потребовал прекращения занятий думы. Вологодский согласился с этим требованием 18 сентября. В тот же день в своей ответной телеграмме Серебренникову сибирский премьер подтвердил сформулированное им еще 17 сентября требование об ответственности будущего всероссийского правительства только перед Директорией (см.: Уфимское совещание и Временное Сибирское правительство. С.71-72; *Серебренников И.И.* Мои воспоминания. Т.1. С.173-176; *Везман В.* Сиболдума. С.107-108; *Болдырев В.Г.* Указ. соч. С.39-44).

¹⁰⁹ Вот что писал в Омск вскоре после этого обсуждения сопровождавший премьера в поездке М.П.Головачев: «Настроение нашей делегации твердое: ни Хорват, ни Дербер силы, видимо, не имеют. Наше влияние в Харбине пока слабое, однако [его] легко усилить» (Уфимское совещание и Временное Сибирское правительство. С.74).

¹¹⁰ Никольск-Уссурийский (ныне Уссурийск), важнейший ж.-д. узел Уссурийской ж.д. и КВЖД, город в 112 км к северо-западу от Владивостока на линии Хабаровск—Владивосток.

¹¹¹ О ком идет речь, выяснить не удалось.

¹¹² Согласно воспоминаниям одного из участников приема омской делегации, Вологодский «со скужающим видом выслушал краткие речи председателя управы и городского головы и не обратил никакого внимания на собравшихся гласных, повернулся и ушел в вагон» (*Меньшиков А.* Практика Приморского земства // Сибирский архив. 1932. Т.4. С.169).

¹¹³ П.В.Вологодский, в частности, сказал, что «сначала в своем кабинете министров, затем проехав всю Сибирь, я убедился в нарастающей государственности, но нужны неимоверные усилия, огромные жертвы, чтобы создать единую Россию, вернуть национальную честь и государственную независимость. Россия возродится через Сибирь, через единение всех» (Заря. 1918. 25 сент.).

¹¹⁴ Подлинник этого проекта хранится в ГАРФ (Ф.Р-193. Оп.1. Д.33. Л.30-32).

¹¹⁵ В тот вечер П.В.Вологодский принял еще и председателя коллегии правительственных служащих Владивостока профессора-японоведа В.М.Мендрина (ГАРФ. Ф.Р-193. Оп.1. Д.33. Л.2; Заря. 1918. 25 сент.).

¹¹⁶ Американский крейсер «Бруклин» стоял на рейде владивостокского порта с 16 января 1918 г.

¹¹⁷ П.В.Вологодский ошибается. Роланд С. Моррис был американским послом в Японии и высоким комиссаром в Сибири. С.Г.Лившиц подтверждает факт встречи Вологодского именно с Р.С.Моррисом (*Лившиц С.Г.* Империалистическая интервенция в Сибири в 1918-1920 гг. С.92-96).

¹¹⁸ Автор, по-видимому, имеет в виду Государственное совещание в Уфе.

¹¹⁹ После встречи с французским послом П.В.Вологодский записал в свой памятный листок: «1) не бест[олковый] служи[мый] диплом[ат] 2) окружен друзьями России 3) искренне разгов[аривал] 4) слабая нация». (ГАРФ. Ф.Р-193. Оп.1. Д.33. Л.39).

¹²⁰ П.В.Вологодский дал следующую характеристику Р.С.Моррису: «Смутное представление о России. Большевик» (Там же).

¹²¹ В действительности В.М.Крутовский, М.Б.Шатилов и председатель Сибирской областной думы И.А.Якушев пытались добиться включения А.Е.Новоселова в состав правительства. Все они, за исключением И.А.Якушева, были арестованы 21 сентября 1918 г. казачими войсками. П.В.Вологодский узнал о событиях в Омске из телеграммы И.А.Михайлова, которую он получил в тот же день, 21 сентября, после разговора по прямому проводу (Уфимское совещание и Временное Сибирское правительство. С.77-78). Впоследствии Шатилов и Крутовский под угрозой расстрела были вынуждены подписать заявления о выходе из правительства, а Новоселов, отказавшийся подчиниться насилию, был убит.

¹²² Во время посещения Земской городской управы премьер пообещал выделить субсидию в размере 3 млн. рублей.

¹²³ Не исключено, что соглашение с ген. Д.Л.Хорватом состоялось под давлением Владивостокского биржевого комитета и исполнительного бюро промышленности и торговли. Двадцать третьего сентября 1918 г. представители этих организаций дали понять Вологодскому, что они заинтересованы в объединении Омского правительства с Деловым кабинетом и назначении ген. Хорвата заместителем на Дальнем Востоке (G.K.Guins papers. НИА. Box 1; *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т.1. С.253-255).

¹²⁴ Двадцать пятого сентября 1918 г. ген. Р.Гайда был назначен П.В.Вологодским командующим Сибирской армией. Провожая чешского генерала на фронт, Вологодский, в частности, сказал: «Прощаясь с Вами, генерал, глубоко надеюсь, что Вы всегда останетесь другом русского народа, что Вас и впредь будут сопровождать счастливые победы. Позвольте, генерал, по славному русскому обычаю при прощании поцеловать Вас, как брата славянина, и искреннего друга Сибирского правительства» (Сибирский вестник. 1918. 27 сент.).

¹²⁵ После встречи с ген. А.Ноксом Вологодский записал о нем в свой памятный листок: «Знает рус[ский] язык, расположен к русск[им], лично знал Р.Гайду» (ГАРФ. Ф.Р-193. Оп.1. Д.33. Л.39).

¹²⁶ Имеется в виду драматический театр во Владивостоке.

¹²⁷ Более подробно свои впечатления от встречи с представителями иностранных держав Вологодский записал на памятных листках: «Что можно ждать от союзников... Японцы, исходя из полож[ения], что им нет смысла помогать России, все время сеяли смуту, как они сеят в Китае: 1) помог[ают] разным отрядам, Семенову, Калмык[ову], Хорвату, Дерберу, 2) их интерес к соглаш[ению] с Хорват[ом]. Их поддерживает буржуазия <2 слова нрзб.> — не чувств[ует] соперник[ов] и не боится конкуренции. 3) их попытка экон[омического] завоев[ания] Сибир[и] (скупка предприятий, рудник[ов] Черемховск[их] копий). 4) Япония пошлет войска, если пошлет Америка, чтобы не быть в хвосте. 5) их слежка за союзниками а) случай с радиост[анцией] на Рус[ском] остр[ове], б) случай с банком. II. Англия, Франция и Бельгия готовы были идти на признание сибирского прав[ительства]. Но сообщения из Омска препутали карты. Однако же то, что Сибирское пр[авительство] выдержало этот удар усилило его отпор. Эти державы заинтересованы в том, чтобы Россия была восстановлена, боятся, чтобы Россия не стала ориент[ироваться] на Герм[анию]. III Успехи союзников на франц[узском] фронте сбили их с позиции — появилась склонность к признанию неизбежности борьбы на привол[жском] фронте» (ГАРФ. Ф.Р-193. Оп.1. Д.33. Л.40,40 об.; См. также л.42-43 об.).

¹²⁸ Всероссийская директория была образована 23 сентября 1918 г.

¹²⁹ «Лейтенант Малеев», миноносец Сибирской флотилии (с 1908 г.), водоизм. 350 тонн, скорость 23-24 узла, в конце 1918 г. захвачен японцами, весной 1923 г. сдан на слом.

¹³⁰ Неудачная, благодаря вмешательству ген. Я.Сыровы, попытка ареста А.А.Грацианова (и И.А.Михайлова) была предпринята ведомством военного контроля (см.: *Треков Н.В.* Контрразведка и органы государственной охраны белого движения Сибири (1918-1919 гг.) // *Вестник Омского гос. историко-краеведческого музея.* 1997. № 5. С.210). 24 сентября для расследования причин убийства А.Е.Новоселова Директория направила в Омск заместителя Н.Д.Авксентьева А.А.Аргунова (см.: *Аргунов А.А.* Омские дни в 1918 году // Сибирский архив. 1935. Т.5. С.195-196).

¹³¹ Делегация Сибирской областной думы в количестве 6 человек выехала из Томска 14 сентября (ГАРФ. Ф.Р-176. Оп.3. Д.7. Л.113).

¹³² Постановлением Административного совета от 21 сентября 1918 г. было объявлено о перерыве занятий Сибирской областной думы. 23 сентября дума собралась на экстренное закрытое заседание и приняла постановление не подчиняться этому решению. Тогда Административный совет издал приказ о роспуске думы. Примечательно, что действия Административного совета были неофициально одобрены П.В.Вологодским задолго до формального роспуска думы, а письменное подтверждение этому последовало только 25 сентября (см.: ГАРФ. Ф.Р-193. Оп.1. Д.4. Л.9-13).

¹³³ Необходимость в координации ж.-д. движения в Сибири и на Дальнем Востоке начала ощущаться уже при первом появлении экспедиционных войск союзников и по мере продвижения Чехословацкого корпуса на восток весной — летом 1918 г. На проходившей 14 августа 1918 г. во Владивостоке встрече представителей сибирских железных дорог, союзных держав и Чехословацкого корпуса было намечено создание такого координационного Межсоюзного ж.-д. комитета. Однако образован он был только в марте 1919 г. Подробнее см.: *Smele J.D.* Civil War in Siberia. The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918-1920. Cambridge, 1996. P.465-467; *Klemm W.* Outline of the Activities of the Inter-Allied Railway Committee for the Supervision of the Siberian and Chinese Eastern Railways, 1919-1922 // J.F.Stevens papers. НИА. Box 1. Folder 1.

¹³⁴ Суть этих положений, оговоренных на совместном заседании членов делегации Временного Сибирского правительства и Делового кабинета 27 сентября 1918 г., сводилась к признанию обоими правительствами власти Всероссийской директории. 30 сентября П.В.Вологодский и Д.Л.Хорват подписали соглашение о необходимости образования центральной всесибирской власти, что фактически означало упразднение Делового кабинета (см. текст упомянутых документов: *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т.1. С.254-255). Тем не менее органы местного самоуправления во Владивостоке, выступавшие против диктаторских проявлений Хорвата, враждебно

отнеслись к этому соглашению. Подробнее см.: *Балковая В. Г.* Украшение фасада режима: буржуазные органы самоуправления Приморья в условиях установления военной диктатуры (июль – ноябрь 1918 г.) // *Россия и АТР.* 1997. № 3. С.20–26.

¹³⁵ Союз возрождения России (март 1918 – апрель 1919) был основан эсерами, народными социалистами и кадетами в Москве во главе с Н.В.Чайковским, Н.Д.Авксентьевым, В.Г.Болдыревым и др. с целью свержения большевистской власти, созыва Учредительного собрания и возрождения России в границах 1914 г. Омское отделение союза было образовано в конце июля 1918 г. В.А.Жардецким, В.И.Ишерским, Д.С.Каргаловым, В.В.Куликовым, Н.А.Филашевым и др. Штаб-квартира омского отделения союза находилась в помещении Центросибиря в доме Т-ва «Треугольник» на Гасфордовской улице (см.: *Михеев А. П.* Омский отдел «Союза возрождения России» // *Демократический Омск.* 1991. № 24).

¹³⁶ Имеется в виду выходявшая до революции Санкт-Петербургская политическая, экономическая и литературная газета «Свет» (1882–1917). Московская газета «Моя газета» издавалась в течение 1917 года.

¹³⁷ М.П.Головачев, которого дипломатические представители союзников давно подозревали в прогерманской ориентации, ушел в отставку только 1 ноября 1918 г. (ГАРФ. Ф.Р-193. Оп.1. Д.30. Л.15).

¹³⁸ Вскоре после занятия Забайкалья японскими войсками и отрядами Г.М.Семенова и ухода из Читы чехословацких частей, в сентябре – начале октября 1918 г. в городе начались аресты и высылки политических деятелей, придерживавшихся англо-американской ориентации. В частности, по приказу Семенова были арестованы Забайкальский областной комиссар А.М.Флегонтов и председатель областной земской управы М.А.Ваксберг. Подробнее см.: *Васильевский В. И.* Из истории борьбы с интервентами в Восточном Забайкалье // Империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке. Владивосток, 1988. С.49–50.

¹³⁹ Имеется в виду телеграмма Административного совета, подписанная управляющим министерством юстиции А.П.Морозовым и секретарем Административного совета Н.К.Федосеевым (ГАРФ. Ф.Р-193. Оп.1. Д.30. Л.13–16).

¹⁴⁰ По-видимому, речь идет о действиях отряда уссурийских казаков под командованием И.М.Калмыкова на контролируемой ими с июня 1918 г. территории между Никольск-Уссурийским и Хабаровском.

¹⁴¹ Театр «Золотой рог» находился в одном четырехэтажном здании с гостиницей на Светланской ул., 17.

¹⁴² После встречи с В.И.Лебедевым П.В.Вологодский записал в памятный листок: «Появление полковника Лебедева. Скептич[еское] отнош[ение] к нему. Его победа содерж[ание] лекции. Настояние иностранцев, чтобы он поехал в Японию и Америку» (ГАРФ. Ф.Р-193. Оп.1. Д.33. Л.41).

¹⁴³ Самара была своего рода столицей региона Среднего Поволжья и Приуралья, контролируемого КОМУЧем. Седьмого октября 1918 г. город был взят Красной Армией. Войска Народной армии КОМУЧа были вынуждены отступить за Каму. Подробнее см.: *Каревский А.* К истории Поволжской Народной Армии Комитета членов Учредительного собрания // *Белая гвардия.* 1998. № 2. С.8–9.

¹⁴⁴ Причины своей неявики ген. Д.Л.Хорват в тот же день изложил в письме П.В.Вологодскому. Генерал жаловался на то, что он только из газет узнал о назначении Временным Сибирским правительством двух членов Никольск-Уссурийского городского совета и предупреждал, что может и не сложить с себя титул Временного верховного правителя (ГАРФ. Ф.Р-193. Оп.1. Д.53. Л.8).

¹⁴⁵ Главная и долгие годы единственная улица Владивостока, получившая свое название в память о посещении вел. кн. Алексеем Александровичем на фрегате «Светлана» в 1873 г.

¹⁴⁶ В описываемое время У.Гревс был ген.-майором.

¹⁴⁷ Видимо, тогда же П.В.Вологодский записал в памятный листок: «У. Что достигнуто поездкой? 1) обещание займа (“займа” зачеркнуто) в 200 мл[н]. – ссуды 2) об[ещание] займа до 1 миллиарда 3) обещ[ание] Англией аммуниции и комплект[ования] в 100 мл[н] 4) посылка эшелонов: 1) французов 2) американцев 3) итальянцев. VI. Чем заинтересованы союзники. 1) лесными богатствами 2) железными рудами 3) платиной 4) <1 слово нрзб.> японцев – обмен на лом» (ГАРФ. Ф.Р-193. Оп.1. Д.33. Л.41,41 об.).

¹⁴⁸ Имеются в виду участницы забастовки, организованной Главным исполнительным комитетом союза служащих, мастеровых и рабочих КВЖД, которая началась 11 мая 1918 г. вскоре после убийства учителя С.Л.Уманского кадетами из отряда Н.В.Орлова. Ген. Д.Л.Хорват издал постановление о запрете забастовки и грозил выслать ее зачинщиков за пределы Маньчжурии.

¹⁴⁹ Маньчжуря, пограничная станция и начальный пункт КВЖД, в 935 км к северо-западу от Харбина.

¹⁵⁰ В «Дневнике на 1918» в этом месте упоминаются Цевловские. Биографических данных о Цевловских (Цевловских) обнаружить не удалось.

¹⁵¹ Согласно сообщению «Сибирского вестника», заседание министров состоялось в вагоне П.В.Вологодского. «После взаимной информации Иванова-Ринова о западных делах, Гинса – о восточных, было решено несколько вопросов большого политического значения» (ГАРФ. Ф.Р-193. Оп.1. Д.33. Л.2).

¹⁵² Православный церковный праздник, отмечается 1 октября (по юлианскому календарю), восходит к византийской традиции X в.

¹⁵³ Имеется в виду А.Н.Кругликов.

¹⁵⁴ Подробнее об этом см.: *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т.1. С.267-271; *Серебренников И.И.* Мои воспоминания. Т.1. С.202-204; *он же.* К истории Сибирского правительства // Сибирский архив. 1929. Т.1. С.17-22; *Вегман В.* Сиболдума. С.109-111.

¹⁵⁵ Этот вопрос был снова поднят П.В.Вологодским в письме Н.Д.Авксентьеву, написанном, видимо, уже после 22 октября 1918 г. (ГАРФ. Ф.Р-193. Оп.1. Д.1. Л.18).

¹⁵⁶ «Директория помещалась в небольшом двухэтажном здании на самой окраине города, в двух шагах от вокзала городской ветки. Кажется, раньше в этом здании находилось реальное училище. Лучшего помещения для Всероссийского Временного правительства в Омске не нашлось. И это было настоящим символом: так характеризовалось отношение сибирской власти к Директории, так расценивалась роль Директории в Сибири» (*Майский И.М.* Демократическая контрреволюция. М.-Пг., 1923. С.302-303). О крайне нервной обстановке, царившей в те дни в Омске, писали Гинс и Серебренников (см.: *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т.1. С.272-273; *Серебренников И.И.* Мои воспоминания. Т.1. С.203-205; *он же.* К истории Сибирского правительства. С.18-19).

¹⁵⁷ Примечательно, что поданное С.С.Старынкевичем двумя днями раньше (22 октября 1918 г.) прошение об отставке с поста управляющего министерством внутренних дел из-за несогласованности действий правительства было П.В.Вологодским отклонено (ГАРФ. Ф.Р-193. Оп.1. Д.9. Л.10-11).

¹⁵⁸ О встрече с членами Временного Сибирского правительства вспоминал впоследствии и сам Д.И.Абрикосов (см.: *Abrikosov D.I.* Revelations of a Russian Diplomat. The Memoirs of Dmitrii I. Abrikosov. Seattle, 1964. P.284).

¹⁵⁹ Т.е. противника решений международной конференции социалистов, несогласных с руководством II Интернационала, которая состоялась 5-8 сентября 1915 г. в деревне Циммервальд (Швейцария). Участники этой конференции приняли манифест, характеризовавший мировую войну, как империалистическую, критиковавший идею обороны отечества и призывавший рабочий класс к борьбе за мир.

¹⁶⁰ Имеется в виду ээр Чарльз Элиот.

¹⁶¹ Отряд полковника Д.Урда прибыл в Омск 18 октября 1918 г. Его встречали М.П.Головачев и ген. А.Ф.Матковский. Подробнее о встрече английских солдат и об устроенном в их честь торжественном приеме см.: *Ward J.* With the «Die-Hards» in Siberia. Lond., 1920. P.106-107.

¹⁶² Протокол допроса П.В.Вологодского Чрезвычайной следственной комиссией см.: ГАРФ. Ф.Р-189. Оп.1. Д.2. Л.84-95 об.

¹⁶³ Подробно о ходе этих переговоров и о вмешательстве в них представителей иностранных держав и Омского блока пишет также Г.К.Гинс (см.: *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т.1. С.273-275).

¹⁶⁴ В изложении И.И.Серебренникова происходившее на этом совещании выглядит несколько иначе. В начале совещания П.В.Вологодский сделал доклад, в котором констатировал отсутствие желаемых результатов в деле формирования нового Совета министров. Закончив свое выступление отказом выполнять возложенную на него миссию, премьер покинул совещание, передав полномочия председателюствующего на совещании Серебренникову. После этого А.В.Колчак пошел на уступку требованиям Директории и согласился войти в Совет министров вместе с Е.Ф.Роговским (см.: *Серебренников И.И.* Мои воспоминания. Т.1. С.207-208. См. также: А.В.Колчак — П.В.Вологодскому, 31 октября 1918 г. // ГАРФ. Ф.Р-193. Оп.1. Д.5. Л.1-2).

¹⁶⁵ Четвертого ноября 1918 г. были также опубликованы указы: Областному правительству Урала, Директории, Совету управляющих ведомствами на территории Комитета членов Учредительного собрания и правительству Алаш-Орды. Упомянутая П.В.Вологодским декларация «О передаче верховной власти на территории Сибири Временному Всероссийскому правительству» была подписана членами Временного Сибирского правительства еще 3 ноября. См.: Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь — ноябрь 1918 года). Томск, 1998. Вып. III. С.428-429.

¹⁶⁶ «Вестник Всероссийского Временного правительства» — официальный орган Временного Всероссийского правительства, выходил в Омске 6-17 ноября 1918 г. Переименован в «Правительственный вестник», который печатался в Омске (20 ноября 1918 г. — 9 ноября 1919 г.), затем в Иркутске (25 ноября — 27 декабря 1919 г.). Редактор В.А.Кудрявцев.

¹⁶⁷ Имеется в виду опубликованное в Уфе, по настоянию В.М.Чернова, циркулярное письмо ЦК эсеровской партии от 24 октября 1918 г., в котором подвергались резкой критике результаты достигнутого в Уфе соглашения и политика Директории в целом. В качестве главных условий поддержки Директории эсеры выдвигали восстановление в ней демократических начал и допущение эсеровской пропаганды в армии. Видные члены Директории — эсеры Н.Д.Авксентьев и В.М.Зензинов — выступили с осуждением этого документа и потребовали ареста его автора.

¹⁶⁸ Звание почетного гражданина Сибири было присвоено П.В.Вологодскому «в ознаменование выдающихся заслуг... по воссозданию государственности и правопорядка в Сибири и по

восстановлению мирного течения жизни в крае, а также во внимание к многолетним плодотворным — на разных поприщах — трудам П.В.Вологодского на благо и преуспеяние Сибири» (см.: Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь — ноябрь 1918 года). Вып. III. С. 431—432; ГАРФ. Ф.Р-193. Оп.1. Д.15). О первом заседании Совета министров нового правительства см. также: *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т.1. С.281-283; *Серебренников И.И.* Мои воспоминания. Т.1. С.210-211.

¹⁶⁹ Гарнизонное собрание (ныне Дом офицеров) находилось в двухэтажном кирпичном доме внутри Омской крепости. Позже в нем заседал военно-полевой суд, осудивший участников восстания 22 декабря 1918 г.

¹⁷⁰ По-видимому, имеется в виду японский генеральный консул в Харбине Сато, командированный в Омск в конце октября 1918 г. «для поддержания необходимых сношений с Временным [Сибирским] правительством и для непосредственного информирования Токио с места». В отличие от союзных с Россией держав, Япония не имела собственного дипломатического представителя в Омске (*Фоминых С.Ф.* К истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: Критический анализ американской дипломатической переписки как исторического источника. Томск, 1988. С.27-28).

¹⁷¹ Вот как вспоминал о банкете 6 ноября 1918 г. английский полковник Д.Уорд: «Я с большим интересом наблюдал за этой необычной и крайне возбужденной толпой, которая за исключением одной фигуры — своеобразного гибрида методистского пастора и “Плимутского брата” — производила впечатление полного отсутствия индивидуальности среди присутствующих. Означенной фигурой оказался бывший социалист-революционер, председатель Сибирского комитета Вологодский, который перенес теперь свою любовь к Сибири на всю Россию» (*Ward J.* Op. cit. P.110-111. Пер. с англ.).

¹⁷² Временное (коалиционное) правительство Амурской области во главе с эсером А.Н.Алексеевым было образовано в Благовещенске в сентябре 1918 г. Автор, судя по всему, имеет в виду нежелание Амурского правительства подчиниться власти Временного Всероссийского правительства. Вопрос об этом обсуждался на встречах П.В.Вологодского с Афанасьевым еще дважды — 9 и 15 ноября (ГАРФ. Ф.Р-193. Оп.1. Д.6. Л.26,27,30).

¹⁷³ Упомянутые денежные знаки (кредитные билеты) номиналами 50 копеек, 25 и 100 рублей были выпущены в США по заказу Временного правительства и с конца 1918 г. использовались Временным Всероссийским правительством. Своим рисунком и расположением знаков они напоминали американский доллар. Подробнее см.: *Мальшев А.И., Тараканов В.И., Смиренный И.Н.* Бумажные денежные знаки России и СССР. М., 1991. С.87,420-423. В то же самое время на территории Сибири продолжали использоваться и другие денежные знаки (всего ок. 30 различных видов). Охотнее всего брали т.н. «романовские» и «керенские» деньги. Летом 1918 г. Временное Сибирское правительство начало выпуск собственных денежных знаков, т.н. «сибирок» (*Долгов Л.Н.* Денежное обращение на «белом» Дальнем Востоке // История «белой» Сибири. Кемерово, 1995. С.77-78).

¹⁷⁴ Немецкое происхождение генерала П.А.Белова (настоящая фамилия Виттенкопф) и его близость к бывшему управляющему министерством иностранных дел М.П.Головачеву служили, по-видимому, поводом для подобных суждений (см.: *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т.1. С.195).

¹⁷⁵ Упомянутые автором торжества проходили 9 ноября 1918 г. в Омском театре драмы на Базарной площади. Из членов правительства на утреннем спектакле присутствовали П.В.Вологодский и И.А.Михайлов (см.: *Вибе П.П., Михеев А.П., Пузачева Н.М.* Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С.184-188).

¹⁷⁶ Имеются в виду изъятые во время обыска у бывшей служащей КОМУЧа Л.А.Рерих документы, в которых, согласно воспоминаниям Г.К.Гинса, говорилось о деятельности КОМУЧа и о его «политике в отношении к Омску». За изучение этих документов взялся М.П.Головачев, надевшийся использовать их для того, чтобы сорвать соглашение с Директорией (см.: *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т.1. С.277).

¹⁷⁷ Тем не менее, эта должность оставалась вакантной до декабря 1918 г., когда Главным начальником Уральского края был назначен товарищ министра торговли и промышленности С.С.Постников.

¹⁷⁸ Имеется в виду двухэтажное здание на Атаманской улице, входившее в состав казачьего форштата.

¹⁷⁹ Аналогичные проявления монархических настроений офицерами Сибирской армии все чаще становились предметом обсуждения на заседаниях Совета министров в конце 1918 г. (см., например: ГАРФ. Ф.Р-176. Оп.5. Д.42. Л.32; *Майский И.М.* Указ. соч. С.306).

¹⁸⁰ Автор перефразировал заключительные слова из произведения В.А.Жуковского «Война мышей и лягушек»: «Так кончился пир наш бедую».

¹⁸¹ В упомянутой записке управляющего министерством иностранных дел Ю.В.Ключникова приводилась весьма скептическая оценка внешнеполитического положения Временного Всероссийского правительства. Ее автор, в частности, считал, что Директория не может рассчитывать на признание ее союзниками (см.: *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т.1. С.302-304; *Лившиц С.Г.* Империалистическая интервенция в Сибири в 1918-1920 гг. С.51-52).

¹⁸² Автор оказался прав. Ген. С.Н.Розанов и в самом деле был активным сторонником военной диктатуры и принимал непосредственное участие в подготовке заговора, но из имеющихся кандидатов на роль диктатора он отдавал предпочтение ген. В.Г.Болдыреву (см.: *Smele J.D. Civil War in Siberia*. P.101,106-107; ГАРФ. Ф.Р-9111. Оп.1. Д.10. Л.1705).

¹⁸³ См.: Журнал заседаний Совета министров Временного Всероссийского правительства за 18 ноября 1918 г. // Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С.525-528.

¹⁸⁴ Вопрос об участии отдельных министров и военачальников в установлении диктатуры адм. А.В.Колчака по-разному трактуется в мемуарной и исследовательской литературе. Г.К.Гинс, например, утверждает, что для подавляющего большинства министров переворот был совершенной неожиданностью. С другой стороны, современный российский исследователь И.Ф.Плотников считает (правда, без ссылок на какие-либо источники), что сам П.В.Вологодский был не только посвящен в план готовящегося переворота, но даже в тот его одобрил (см.: *Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак*. Т.1. С.306-307; *Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность* (биография, документы, материалы, комментарии, приложения с иллюстрациями) // *Белая армия, белое дело*. 1996. № 2. С.98).

¹⁸⁵ Судя по воспоминаниям Г.К.Гинса и И.И.Серебrenникова, в прениях о кандидатах на пост диктатора назывались фамилии В.Г.Болдырева, А.В.Колчака и Д.Л.Хорвата (см.: *Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак*. Т.1. С.308; *Серебrenников И.И. Мои воспоминания*. Т.1. С.217-218). В недавно опубликованном «Листе закрытой баллотировки по избранию Верховного правителя», фигурирующем в качестве Приложения № 1 к журналу заседаний Совета министров Временного Всероссийского правительства за 18 ноября 1918 г., зафиксированы 14 записок, в том числе 13 – с именем Колчака и 1 – с именем Болдырева (Процесс над колчаковскими министрами. С.533). Во время описываемых событий ген. Болдырев находился в Уфе, где ему и сообщили о состоявшемся в Омске перевороте. По свидетельству Болдырева, вечером 19 ноября между ним и Колчаком состоялся по прямому проводу довольно резкий разговор, во время которого последний заверил Болдырева в том, что на решающем заседании Совета министров выдвинул его, Болдырева, кандидатуру на пост диктатора (*Болдырев В.Г. Указ. соч.* С.111-113).

¹⁸⁶ Имеются в виду постановления Совета министров от 18 ноября 1918 г. о принятии на себя всей полноты верховной государственной власти, о передаче верховной государственной власти адм. А.В.Колчаку, указ о производстве Колчака в полные адмиралы и положение о временном устройстве государственной власти в России.

¹⁸⁷ Тексты этих телеграмм см.: *Максаков В., Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири, 1917-1918*. М.; Л., 1926. С.265-267,270-271.

¹⁸⁸ См.: Там же. С.71.

¹⁸⁹ Текст второй телеграммы Г.М.Семенова опубликован в кн.: Государственный переворот адмирала А.В.Колчака в Омске 18 ноября 1918 г.: Сб. док. Париж, 1919. С.87.

¹⁹⁰ См.: Журнал № 8 заседания Совета министров Российского правительства за 19 ноября // Процесс над колчаковскими министрами. С.528-531.

¹⁹¹ Вопрос об участии представителей союзников в подготовке и проведении переворота 18 ноября 1918 г. остается до конца не выясненным. В то время как С.Г.Лившиц и Н.Перейра склонны приписывать руководящую роль в омских событиях англичанам Ч.Элиоту, А.Ноксу и Д.Уорду, Д.Смил рассматривает колчаковский переворот как сугубо внутрисибирский заговор, хотя и признает, что правительство Великобритании и ее военная миссия одобряюще отнеслись к установлению диктатуры Колчака (см.: *Лившиц С.Г. Империалистическая интервенция в Сибири в 1918-1920 гг.* С.56-61; *Pereira N.G.O. White Siberia*. P.104-107; *Smele J.D. Civil War in Siberia*. P.104-111).

¹⁹² Переписывая записки за 1918 г. в первую тетрадь дневника, автор перепутал дату своего отъезда из Омска: 17 (30) ноября было субботой по старому, а не по новому стилю. Таким образом, автор находился в отпуске с 17 (30) ноября по 28 ноября (11 декабря) 1918 г.

¹⁹³ Тахтамышево, село в 12 км к югу от Томска на берегу р. Томи.

¹⁹⁴ Тринадцатого декабря 1918 г. в официозной «Заре» появилась заметка «Слухи об уходе Вологодского», в которой говорилось, что в омских политических кругах все упорней обсуждается возможность ухода П.В.Вологодского из правительства и в качестве его преемника называют И.А.Михайлова. Это сообщение было на следующий же день опровергнуто в не менее официозной «Сибирской речи» (Заря. 1918. 13 дек.; Сибирская речь. 1918. 14 дек.).

¹⁹⁵ Речь идет о предполагавшемся Верховным советом Антанты назначении ген. П.М.Жанена главнокомандующим всеми союзническими, в том числе и русскими, войсками на востоке России, к западу от озера Байкал. При таком развитии событий А.В.Колчак терял бы верховное командование над русскими частями и оказывался в подчинении у Жанена. В конце декабря 1918 г. с Колчаком была достигнута договоренность, в соответствии с которой за ним сохранялось верховное командование над русской армией, а Жанен становился командующим всеми остальными войсками союзников. Подробнее об этом см.: *Лившиц С.Г. Империалистическая интервенция в Сибири в 1918-1920 гг.* С.69-70; *Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак*. С.105-106; *Janin P.M. Fragments de mon Journal Siberien // Le Monde Slave*. 1924. № 2. P.226-228.

¹⁹⁶ По сообщению омской «Зари» от 22 декабря 1918 г., 6 (19) декабря, в день войскового праздника Сибирского казачьего войска, после богослужения в Никольском соборе «в помещении

гарнизонного собрания был устроен торжественный завтрак», на котором присутствовало свыше 300 приглашенных, в том числе полный состав Совета министров и представители иностранных держав. Собравшимся было зачитано приветственное письмо Верховного правителя.

¹⁹⁷ «Яр», знаменитый московский ресторан, открыт в 1826 г. на ул. Кузнецкий мост, в 1830-х гг. был открыт филиал ресторана в Петровском парке (ныне гостиница «Советская» на Ленинградском проспекте, 32).

¹⁹⁸ Гостиница «Европа» (26 номеров) занимала верхние этажи здания, расположенного напротив Дома свободы на Дворцовой улице. При гостинице имелись ресторан и концертный зал; нижние этажи здания занимало Русское музыкальное общество.

¹⁹⁹ Поздно вечером 21 декабря 1918 г. колчаковской контрразведке удалось узнать о назначенном на раннее утро 22 декабря большевистском восстании в Омске и его окрестностях. Около полуночи 21-го в городе начались повальные облавы и аресты большевиков, после чего большевистский обком принял постановление о немедленном прекращении восстания. Однако это постановление дошло до некоторых участников восстания с опозданием, и в предместьях города начались вооруженные выступления. Полностью восстание удалось подавить только к середине дня 22-го декабря. Подробнее об Омском восстании см.: *Smele J.D. Civil War in Siberia. P.168-182*; Омские события при Колчаке (21-23 декабря 1918 г.) // Красный архив. 1924. Т.7. С.201-246; 1925. Т.8. С.176-192.

²⁰⁰ Куломзино, ж.-д. станция в 4 км к западу от Омска, на левом берегу Иртыша.

²⁰¹ Согласно другим источникам, количество погибших колебалось между 900 и 2500 человек (*Smele J.D. Civil War in Siberia. P.169*).

²⁰² Скорее всего, автор имеет в виду командующего Омским военным округом ген. А.Ф.Матковского.

²⁰³ Описывая в своих воспоминаниях результаты совещания 25 декабря, П.С.Доценко ссылается на приводимую здесь дневниковую запись, но при этом почему-то не принимает во внимание предпоследнего предложения о согласии А.В.Колчака все-таки назначить требуемое Советом министров расследование. Таким образом, из воспоминаний Доценко (на которых затем основывается и Д.Смил) следует, что во время совещания 25 декабря Колчак наотрез отказался от проведения расследования и удаления ставки в район военных действий (см.: *Doisenko P. Op. cit. P.72. Smele J.D. Civil War in Siberia. P.174-175*). Упомянутое расследование началось в январе 1919 г. под руководством сенатора А.К.Висковатова.

²⁰⁴ Подлинник «Докуладной записки господину председателю Совета министров от Совета всесибирских кооперативных съездов» хранится в личном фонде П.В.Вологодского (ГАРФ. Ф.Р-193. Оп.1. Д.13. Л.17-18).

²⁰⁵ По-видимому, имеется в виду передовица «Зари» «К самосуду над б[ывшими] членами Учредительного собрания» (Заря. 1918. 26 дек.).

²⁰⁶ См.: Подробности омских событий 22-го декабря // Заря. 1918. 28 дек.

²⁰⁷ По воспоминаниям Г.К.Гинса, болезнь Верховного правителя привела, в частности, к тому, что из всего состава правительства у него стали бывать «почти исключительно Лебедев, Тельберг, Сукин» (*Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории, 1918-1920 гг.: (Впечатления и мысли члена Омского правительства)*). Пекин, 1921. Т.2. С.98-99).

²⁰⁸ Согласно Г.К.Гинсу, на этом же заседании Сукин и он были назначены товарищами министра иностранных дел (Там же. С.71-72).

²⁰⁹ Имеется в виду противостояние между Г.М.Семеновым и адм. А.В.Колчаком, обострившееся после телеграммы Семенова П.В.Вологодскому (см. запись от 19 ноября 1918 г.), в которой атаман отказывался признать Колчака Верховным правителем. Кроме того, Семенов выразил свое неподчинение Колчаку нарушением телеграфной связи между Омском и Дальним Востоком и задержкой поездов на Забайкальской ж.д. и др. Все эти действия были восприняты в Омске как открытое неповиновение и бунт. Упомянутым автором приказом № 60 (от 30 ноября 1918 г.) Семенов был объявлен изменником, а приказом № 61 (от 1 декабря 1918 г.) в Забайкальскую область направлялись войска под командой ген. В.И.Волкова для приведения к повиновению Семенова и его отрядов. Однако за Семенова заступились японцы, и тогда министерство иностранных дел в Омске попыталось оказать давление на Японию при помощи союзных дипломатов. По-видимому, это подействовало, так как в первой декаде декабря на переговорах с ген. П.М.Жаненом Семенов дал согласие временно признать Колчака Верховным правителем при условии передачи им власти ген. А.И.Деникину и отмене приказов № 60 и № 61. На это Колчак не пошел, и к концу декабря все переговоры зашли в тупик. Подробнее см.: *Лившиц С.Г. «Верховный правитель» Колчак и атаман Семенов (К истории «Семеновского инцидента») // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917-1922 гг.* Новосибирск, 1985. С.176-184.